TALISMAN", ILI RIŠARD" V" PALESTINL·. IZ" ISTORII VREMEN"...

Walter Scott

ТАЛИСМАНЪ,

или

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТАЛИСМАНЪ,

ИЛИ

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

ИЗЪ

ИСТОРІИ ВРЕМЕНЪ
КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ВАЛТЕРА-СКОТТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1827.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, три для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Декабря 23 дня 1826 года. Рукопись въ 3 частяхъ разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ

Дмитрій Перевощиковъ.

ТАЛИСМАНЪ,

или

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

КНИГА I.

„Теперь я вскрою тайную рукопись свою, и недовольный умъ, предающійся ропшанію, услышитъ чтеніе важной главы.“

Шакспиръ.

Маркизъ Монтфератъ и Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ остались вдвоемъ передъ Королевскимъ шатромъ, гдѣ произошло необычайное это дѣйствіе; они увидѣли приближающійся сильный отрядъ стрѣлковъ и пѣшихъ солдатъ, приведен-

ный для составленія кордона вкругъ шатра, чтобы не подпускать никого, ктобы могъ нарушить успокоеніе Монарха. Солдаты съ потупленными глазами, мрачнымъ видомъ шли въ глубокой тишинѣ, какъ въ погребательной церемоніи; ни малѣйшій стукъ не означалъ полнаго ихъ вооруженія, не смотря на ихъ многочисленность. Они съ почтеніемъ преклоняли свои оружія, передъ обѣими знаменитыми особами, когда они проходили мимо рядовыхъ, не перерывая своего молчанія.

— Какая великая перемѣна между этими негодными островитянами, сказалъ Гросъ-Мейстеръ Конраду, когда они отошли на нѣкоторое разстояніе отъ Ришардовой стражи. Какой шумъ, какой крикъ прежде раздавался передъ этимъ шатромъ! бывало только и дѣла, что играть въ города, въ мячь, спускать кубари, бороться, пѣть и пить, точно какъ бы эти буяны потѣшались на ярмаркѣ, или на игрищѣ, съ майскою березкою, вмѣсто Королевскаго знамя.

— Эти негодныя собаки вѣрной породы, отвѣчалъ Конрадъ; и Король ихъ властитель, привязалъ ихъ къ себѣ борясь, разговаривая и потѣшаясь съ первымъ встрѣшнымъ изъ нихъ, всякой разъ какъ ему вздумается.

— Онъ весь составленъ изъ прихотей. Замѣтили ли вы произнесенные имъ слова при питьѣ изъ кубка, вмѣсто молитвы?

—Этотъ кубокъ былъ бы для него гибельнымъ и слишкомъ прянымъ, еслибъ Саладинъ походилъ на братью свою Турокъ. Но онъ выдаетъ себя за праводушнаго, честнаго и великодушнаго, какъ будто некрѣщеный собака можетъ понимать добродѣтели Христіанскихъ рыцарей! Говорятъ, будто онъ просилъ Ришарда возвесть его въ рыцарское достоинство.

—Клянусь, Святымъ Бернардомъ, Сиръ Конрадъ, тогда оставалось бы намъ сбросить съ себя наши шпоры и протупеи, изгладить наши гербы, и отказаться отъ нашихъ копій, еслибъ величайшей чести Христіан-

ства удостоился Турка, язычникъ, нестоющій десяти копѣекъ.

— Вы слишкомъ дешево цѣните Султана, сказалъ Маркизъ; однакожъ хоть онъ и видный собой, но я видалъ какъ и лучше его продавались по сороку копѣекъ на базарѣ.

Тогда дошли они до лошадей своихъ, оставленныхъ ими въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Ришардова шатра, посреди великолѣпнѣйшей свиты сопровождавшихъ ихъ пажей и щитоносцевъ. Конрадъ, послѣ минутнаго размышленія, предложилъ Гросъ-Мейстеру, чтобы воспользоватся прохладою легкаго вечерняго вѣтра, отослать лошадей своихъ съ свитою, и возвратиться въ свой лагерь черезъ весь станъ Христіанъ пѣшкомъ. Гросъ-Мейстеръ согласился, и они пошли, избѣгая какъ бы по взаимному условію, тѣ части лагеря, которые были многолюднѣе другихъ, держась равнины, раздѣляющей лагерь отъ внѣшнихъ укрѣпленій, и гдѣ могли они тайно разговаривать, не бывъ никѣмъ примѣчены, кромѣ часовыхъ, близь которыхъ проходили они.

Нѣсколько времяни говорили они о воинскихъ дѣлахъ и оборонительныхъ приготовленіяхъ; но этотъ разговоръ, въ которомъ по видимому ни тотъ, ни другой не принималъ участія, ослабѣлъ и скоро прекратился. За тѣмъ послѣдовало довольно продолжительное молчаніе, перерванное Маркизомъ Монтфератомъ, который вдругъ остановился, какъ человѣкъ на что-то рѣшившійся; и устремивъ глаза свои нѣсколько минутъ на суровое, не измѣняющееся лице Гросъ-Мейстера, наконецъ сказалъ ему:

— Еслибъ ваше Святѣйшество, достопочтенный Сиръ Жиль-Амори, соблаговолили, то я просилъ бы васъ на теперешній разъ снять черный вашъ наличникъ, который вы всегда носите, и поговорить со мной дружески, съ открытымъ лицемъ.

Тампліеръ немного улыбнулся.

— Есть личины и разноцвѣтные, равно какъ и черные, отвѣчалъ онъ, подъ которыми не меньше скрываются черты лица.

— Пусть такъ, отвѣчалъ Маркизъ, поведя рукою по лицу, какъ бы снимая съ себя маску, вотъ я и открытъ. Теперь скажите мнѣ мнѣніе ваше, какихъ выгодъ можетъ ожидать вашъ орденъ отъ совершенія крестоваго этаго похода?

— Вы хотите сорвать покровъ съ мыслей моихъ, вмѣсто того, чтобы обнаружить мнѣ ваши. Однакожъ я буду отвѣчать вамъ притчею, слышанною мною отъ Турецкаго пустынника. Одинъ мызникъ, молилъ небо о дождѣ, и роптал, для чего не всегда онъ шелъ, когда ему желалось. Въ наказаніе за его нетерпѣніе, Алла, говорилъ пустынникъ, повелѣлъ выступить Эвфрату изъ береговъ на его мызу; все имущество его было потоплено, жилище до подошвы разрушено, и онъ самъ погибъ исполненіемъ своего желанія.

— Эта притча сущая истина. Гораздо лучше бы было, еслибъ Океанъ поглотилъ сотую часть вооруженныхъ владѣтелей! Остальные гораздо были бы полезнѣе для намѣреній благородныхъ Христіанъ Палестины, ничтожныхъ остатковъ

Латинскаго Королевства въ Іерусалимѣ. Оставленные самимъ себѣ, мы могли бы уступить бурѣ; умѣренно подкрѣпляемые деньгами и войсками, мы могли бы принудить Саладина уважить наше мужество, даровавъ намъ миръ и покровительство на приличныхъ условіяхъ. Но по величайшей опасности, какою угрожаютъ крестоносцы Султану, мы не можемъ надѣяться, чтобы онъ, если успѣетъ преодолѣть ихъ, допустилъ кого изъ насъ сохранить свои владѣнія или Княжества въ Сиріи; а еще меньше не потерпитъ онъ, чтобы оставались воинственные и монашествующіе ордена, подвергавшіе его столькимъ бѣдствіямъ.

— Безъ сомнѣнія; но эти пришлецы могутъ побѣдить, и вновь водрузить Крестъ на Сіонскихъ стѣнахъ.

— Какая же выдетъ изъ этаго польза Тампліерскому ордену, или Конраду Монферату?

—Для васъ польза можетъ выттти пребольшая. Конрадъ Монфератъ можетъ здѣлаться Конрадомъ, Царемъ Іерусалимскимъ.

— Титло громкое, храбрый Гросъ-Мейстеръ, но оно же и пустозвучно. Годфретъ Бульонъ хорошо здѣлалъ, выбравъ ему эмблемою терновый вѣнецъ. Признаюсь вамъ, Гросъ-Мейстеръ, мнѣ нравится Восточный образъ правленія. Безъусловная Монархія, должна состоять въ одномъ Королѣ и подданныхъ; такъ дѣйствовались въ первобытные времяна, Пастырь и стадо его. Всѣ сложности Феодальныхъ правъ, на щетъ зависимости, лишь составное и поддѣльное. Я лучше хочу остаться при бѣдномъ своемъ Маркизствѣ, управляя имъ самовластно, нежели владѣть Королевскимъ скиптромъ ограниченно, и стѣсняемый волею всѣхъ надмѣнныхъ Феодальныхъ Барановъ, которые будутъ имѣть приписные къ Іерусалимскому Государству помѣстья. Король долженъ дѣйствовать свободно, Гросъ-Мейстеръ; что хорошаго, если преграждать ему будутъ путь то ровъ, то загородка, то привиллегія какого Феодальнаго Барона, вооруженнаго съ головы до ногъ на защиту ее. Словомъ, я очень знаю, что права Гюи Люзиньяна

предпочтутся моимъ правамъ, если Ришардъ выздоровѣетъ отъ своей болѣзни, и будетъ имѣть какое влiянiе на этотъ выборъ.

— Довольно, сказалъ Гросъ-Мейстеръ; ты убѣдилъ меня своею довѣренностiю. Другiе могутъ также мыслить, но исключая Маркиза Монтфератскаго, не многiе изъ нихъ осмѣлились бы такъ откровенно признаться, что они не желаютъ возстановленiя Iерусалимскаго Государства, предпочитая остаться властелинами отторгнутой частицы онаго, подобно дикимъ островитянамъ, которые, вмѣсто того, чтобы вспомоществовать носимому судну по волнамъ, выжидаютъ его кораблекрушенiя, чтобы обогатиться его обломками.

— Ты не измѣнишъ мнѣ, вскричалъ Конрадъ, смотря на него глазами, здѣлавшимися отъ недовѣрчивости проницательными. Знай же, что языкъ мой никогда не послужитъ погибелью головѣ моей, и что рука моя будетъ умѣть защитить то и другое. — Донеси на меня, если

хочешь, я готовъ выступить въ бой съ храбрѣйшимъ изъ Тампліеровъ.

— Пылкое это мужество слишкомъ опромѣтчиво, отвѣчалъ Гросъ-Мейстеръ. Чтобы ни было, клянусь тебѣ Святымъ Храмомъ, который орденъ нашъ далъ обѣтъ защищать, что я сохраню тайну твою, какъ вѣрный сотоварищь твой.

—Какимъ Храмомъ! спросилъ Маркизъ Монтфератъ, котораго пристрастіе къ язвительнымъ насмѣшкамъ часто завлекало за границы благопристойности, заставляя его пренебрегать политикою и осторожностію; клянешься ли ты Храмомъ, воздвигнутымъ Царемъ Соломономъ на Сіонской горѣ, или эмблематическимъ, символическимъ этимъ зданіемъ, о которомъ увѣряютъ, совѣщаетесь вы подъ тайными сводами Тампліерскихъ командорствъ, для распространенія почтеннаго и мужественнаго твоего ордена?

Тампліеръ бросилъ на него грозный, смертоносный взглядъ, отвѣчая ему однакоже спокойно:

— Какимъ бы Храмомъ я ни клялся, Маркизъ Монтфератъ, будь

увѣренъ, что клятва моя священна. Желалъ бы я знать, какою не нарушимою клятвою можно тебя связать?

— Клянусь быть тебѣ вѣрнымъ, отвѣчалъ смѣючись Конрадъ, Маркизскою короною, носимою мною, которую я надѣюсь, до конца еще этой войны, промѣнять на что нибудь лучшее. Она такъ легка, что съ нуждою защищаетъ голову мою отъ стужи; Герцогская была бы лучшею защитою отъ полночнаго вѣтра, какой подымается теперь; но Королевская корона еще предпочтительнѣе, тѣмъ больше, что она хорошо подбита бархатомъ и горнастаемъ. Словомъ, Гросъ-Мейстеръ, мы связаны другъ съ другомъ взаимною выгодою, потому, что если удастся союзнымъ этимъ Князьямъ овладѣть Іерусалимомъ, и посадить на Іерусалимской престолъ по выбору своему Короля, то не думайте, чтобы они допустили вашъ орденъ и мое Маркизство сохранить свою независимость, какою они пользуются теперь. Нѣтъ, клянусь Богородицею! Тогда горделивые рыцари

Святаго Іоанна, принуждены будутЪ снова составлять мази и пластыри, и ходить за зараженными вЪ больницахЪ; а васЪ, могущественный и достопочтенный Тампліерской рыцарь, заставятЪ, какЪ бывало вЪ прежнія времена, превративЪ вЪ простыхЪ воиновЪ, спать троимЪ на одномЪ соломенномЪ тюфякѢ, ѣздить по два на одной лошади, что и теперь еще изображается на вашей печати.

— НашЪ санЪ, преимущества и богатства нашего Ордена, предЪупредятЪ подобное униженіе, какимЪ вы угрожаете намЪ, сказалЪ сЪ надмѣнностію ГросЪ-МейстерЪ.

— Это-то самое и послужитЪ кЪ его погибели, возразилЪ КонрадЪ МонтфератЪ; вамЪ столько же извѣстно, какЪ и мнѣ, достопочтенный ГросЪ-МейстерЪ, что если союзные Князья восторжествуютЪ вЪ Палестинѣ, то первымЪ стараніемЪ ихЪ политики, будетЪ ниспровергнуть независимость вашего Ордена, что давно уже они бы и здѣлали безЪ покровительства Святаго нашего отца Папы, и еслибЪ необходи-

мость не заставляла ихъ прибѣгать къ вашему мужеству, для покоренія Святой Земли. Доставьте имъ совершенную побѣду, и васъ тотчасъ отстранятъ, какъ отбрасываютъ обломки переломленнаго копья въ ристалищѣ.

— Слова ваши отчасти справедливы, подхватилъ Тампліеръ, улыбаясь съ мрачнымъ видомъ; но какія будутъ наши надежды, если союзники удалятся съ войскомъ, и оставятъ Палестину подъ самовластнымъ владычествомъ Саладина?

— Величайшія и твердѣйшія: Султанъ охотно дастъ обширныя провинціи, чтобъ имѣть въ распоряженіи своемъ небольшое число хорошо обученныхъ Левантскихъ копьеносцевъ. Въ Египтѣ, въ Сиріи, сотня такихъ сподвижниковъ, вмѣстѣ съ легкою его конницею, доставятъ ему побѣду надъ многочисленнѣйшимъ воинствомъ. Эта зависимость будетъ времянная; легко можетъ статся, что она прекратится съ смертію предпріимчиваго Саладина; но на Востокѣ Имперіи родятся, какъ грибы ростутъ. Положимъ,

что онъ умеръ, и что мы постоянно будемъ подкрѣпляемы наборными войсками Европейскихъ выходцевъ, исполненныхъ храбрости и ревенія; то какихъ успѣховъ не должны мы ожидать, не бывъ больше стѣсняемы въ военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ этими Европейскими Монархами, которыхъ могущество помрачаетъ насъ теперь, и которые, оставшись здѣсь и бывъ побѣдителями въ этомъ походѣ, готовы всѣ предать насъ униженію и вѣчной зависимости.

— Вы правы, Сиръ Маркизъ, и ваши слова отдаются въ моемъ сердцѣ. Однакоже, намъ должно дѣйствовать съ величайшею осторожностію. Филиппъ Французской равно благоразуменъ, какъ и храбръ.

— Точная правда, и тѣмъ легче будетъ отклонить его отъ этаго предпріятія, въ которое вошелъ онъ, не обдумавъ, въ минутномъ восторгѣ, или подвигнутъ бывъ своимъ дворянствомъ; онъ ревнуетъ къ славѣ Короля Ришарда, природнаго его врага, и згораетъ нетерпѣніемъ возвратиться домой, для исполненія честолюбивыхъ своихъ плановъ, которыхъ

цѣль гораздо ближе къ Парижу, нежели Палестина. Онъ воспользуется первою представившеюся ему благовидною причиною, чтобы удалиться со сцены, гдѣ онъ очень знаетъ, что силы Государства его истощаются безъ всякой пользы.

— А Эрцъ-Герцотъ Австрійской?

— О! что касается до Эрцъ-Герцога, то его себялюбіе и глупость ведутъ его къ тому же, куда политика и благоразуміе устремляютъ Филиппа. Онъ воображаетъ, (да подкрѣпитъ его Богъ въ этихъ пріятныхъ мысляхъ!) что ему платятъ неблагодарностью; потому, что всѣхъ уста, даже и собственныхъ его *Minne Singers* (1) исполнены только похвалами Короля Ришарда, котораго онъ боится и ненавидитъ, и котораго погибели обрадовался бы онъ до безконечности: подобно лѣнивымъ и дурно выvoженымъ собакамъ, которые, когда лихая изъ своры попадется въ волчьи лапы, вмѣсто того, чтобы отбить ее, ее же скорѣе хватаютъ за хвостъ. Но,

(1) Менестрели.

зачѣмъ же все это разсказывать вамъ, если не для того, чтобы доказать, какъ чистосердечно желаю я, чтобъ союзъ этотъ разрушился, и здѣшнія мѣста освободились отъ могущественныхъ этихъ монарховъ и ихъ войскъ? Вамъ также извѣстно, какъ и мнѣ, и вы сами видѣли, что всѣ Князья, имѣющіе вліяніе и власть, нетерпеливо желаютъ заключить миръ съ Саладиномъ.

— Я согласенъ; должно быть слѣпому, чтобъ не видать этаго въ послѣднихъ совѣщаніяхъ. Но приподыми еще немного наличникъ свой, и скажи мнѣ истинную причину, заставившую тебя настаивать въ совѣтѣ, чтобы отправить съ предложеніемъ о мирѣ этаго сѣвернаго Англичанина, этаго Шотландца, этаго Рыцаря Барса, какъ ты величаешъ его?

—Ето политическая была штука, отвѣчалъ Италіянецъ. Рожденный въ Великобританіи, онъ тѣмъ самымъ уже пріобрѣталъ благосклонность Саладина, знавшаго, что онъ сражается подъ знаменами Ришар-

да, тогда какъ свойство его, какъ Шотландца, и еще другія личныя причины къ неудовольствію, извѣстныя мнѣ, дѣлали его дѣйствительнымъ нашимъ посломъ, при возвращеніи его, не имѣвшимъ никакихъ сношеній съ Ришардомъ, которому присудствіе его не пріятно.

— Политика эта черезъ чуръ тонка, сказалъ Гросъ-Мейстеръ; повѣрьте мнѣ, голова этаго островитянина Самсона не съ стрижеными волосами, всегда проскочитъ сквозь Италіанскую паутину: опутайте его новыми и самыми крѣпкими веревками, естьли можете, и вы хорошо здѣлаете. Развѣ вы не видите, что выбранный вами съ такимъ попеченіемъ, привезъ намъ этаго лѣкаря, который поставитъ на ноги это Львиное-Сердце, этаго Англичанина съ воловьею выею, и оживитъ силы его для довершенія кресщоноснаго его подвига; а какъ скоро онъ выступитъ впередъ, то кто изъ Князей осмѣлится остаться назади? Стыдъ принудитъ ихъ слѣдовать за нимъ, хотя имъ это острый ножъ.

— Будьте покойны, отвѣчалъ Конрадъ Монтфератъ, прежде нежели этотъ лѣкарь, развѣ какое сверхъ-естественное чудо поможетъ ему, успѣетъ вылѣчить Ришарда, очень удобно посѣлить явную вражду между Французами, или покрайности между Австрійцами, и союзниками ихъ Англичанами, такъ что они останутся на вѣкъ непримиримами врагами. Тогда, если Ришардъ и выздоровѣетъ, то ему придется воевать съ одними своими полками, но никто не допуститъ его располагать прочимъ воинствомъ крестоносцевъ.

— Ты усердный стрѣлокъ, Конрадъ Монтфератъ, сказалъ Тампліеръ; но твой лукъ слишкомъ слабо натянутъ, чтобы попасть стрѣлою въ цѣль.

Онъ вдругъ замолчалъ, окинулъ вкругъ себя безпокойнымъ взглядомъ, какъ бы увѣриться, что никто не услышитъ его, и схвативъ Конрада за руку, сжалъ ее крѣпко, глядя ему въ лице, повторивъ протяжнымъ голосомъ:

— Ришардъ выздоровѣетъ, говоришь ты? Товарищь, должно чтобы онъ никогда не выздоравливалъ!

Маркизъ Монтфератъ затрепеталъ.—Какъ! вскричалъ онъ, о Ришардѣ ли Львиномъ-Сердцѣ говорите вы, о поборникѣ Христіанства? Щеки его поблѣднѣли и ноги подгибались подъ нимъ, произнося эти слова. Тампліеръ пристально посмотрѣлъ на него, и улыбка презрѣнія обозначилась на суровыхъ его чертахъ.

— Знаешь ли, на кого ты теперь походишь, Сиръ Конрадъ, вскричалъ онъ; не на политика и храбраго Маркиза Монфератскаго, не на человѣка, хотѣвшаго управлять Совѣтомъ Князей и рѣшать участь Имперій, но на новичька, который наткнувшись на заклинанія въ книгахъ своего наставника, не умышленно призвавъ дьявола, испугался, увидя представшаго передъ нимъ духа.

—Признаюсь, отвѣчалъ Маркизъ, оправясь, естьли нельзя уже найти другаго вѣрнѣйшаго средства, то означенное тобой ведетъ прямо къ надлежащей цѣли. Но, Мати Божія! не возгнушается ли нами вся Европа,

не станутъ ли проклинать насъ всѣ, начиная отъ владыки престольнаго Рима, до послѣдняго нищаго, стоящаго въ преддверіи церькви; и тотъ, хотя бы онъ былъ покрытъ рубищемъ и гноищемъ, въ самой крайней бѣдности, будетъ благословлять небо за то, что онъ не Жиль Амори и не Конрадъ Монтфератъ!

— А если такъ, сказалъ Гросъ-Мейстеръ, съ тѣмъ же хладнокровіемъ, которое выдержалъ онъ въ продолженіи замѣчательнаго эшаго разговора, то предадимъ забвенію все произшедшее между нами, какъ будто все это было лишъ сонъ, изчезнувшій при пробужденіи.

— Сонъ этотъ всегда будетъ мниться мнѣ, возразилъ Конрадъ.

— Правда, что сны о Герцогскихъ коронахъ и Королевскихъ вѣнцахъ не такъ-то легко изглаждаются въ воображеніи, сказалъ Гросъ-Мейстеръ.

— Хорошо, отвѣчалъ Маркизъ; но дозволь мнѣ прежде попытаться посѣять раздоръ между Австріи и Англіи.

Они разстались. Конрадъ остановился неподвижно на томъ мѣстѣ,

гдѣ они стояли, смотря на бѣлую ментію Тампліера, развѣвающуюся по вѣтру при удаленіи его, и скрывающуюся мало по малу во мракѣ ночи, которая быстро наступаетъ на Востокѣ, не отдѣляяся отъ вечера сумерьками. Гордый, честолюбивый, коварный и безсовѣстный Маркизъ Монтфератъ, не былъ однакоже жестокаго нрава. Онъ, какъ и многіе другіе, одинаковаго съ нимъ свойства, былъ сладострастный Эпикуріанецъ; онъ не терпѣлъ, не смотря на неограниченное честолюбіе, ни наносить глубокихъ ранъ, ни быть зрителемъ свирѣпыхъ поступковъ. Къ тому же, онъ вообще дорожилъ добрымъ своимъ имянемъ, и это собственное уваженіе, замѣняетъ иногда другіе похвальнѣйшія правила, которыя должны бы служить ему основаніемъ.

Все еще устремивъ глаза свои на то мѣсто, гдѣ развѣвала ментія Тампліера, онъ сказалъ самъ въ себѣ: — Я точно вызвалъ дьявола, и онъ ужасенъ. Ктобы могъ подумать, что этотъ строгій и богомольный Гросъ-Мейстеръ, котораго щастіе и

нещастіе неразрывно съ его Орденомъ, для утвержденія своихъ выгодъ, захочетъ завлечь меня дальше, нежели требуетъ того личная моя польза? Признаюсь, я желалъ ниспровергнуть, уничтожить безразсудный этотъ крестовый походъ, но не смѣлъ и помыслить о рѣшительномъ средствѣ, которое не поколебался предложить мнѣ этотъ монашествующій воинъ. И однакожъ оно вѣрнѣйшее. Можетъ статся, оно безопаснѣе другихъ.

Таковы были внутреннія размышленія Маркиза, прерванныя сиповатымъ голосомъ, прокричавшимъ въ близкомъ отъ него разстояніи, съ важностью герольда: — Помни Гробъ Господень!

Крикъ этотъ передался отъ стражи до стражи, потому что часовымъ отданъ былъ приказъ, отъ времяни до времяни, стоя на часахъ, прокрикивать эти слова, чтобы крестоносные воины не забывали никогда о причинѣ ихъ вооруженія. Но хотя Конрадъ привыкъ къ этому обыкновенію, и много разъ слыхалъ этотъ крикъ, оставляя его

безъ вниманія, однакожъ на эту минуту, онъ такъ различествовалъ съ занимавшими его мыслями, что казался ему нисшедшимъ съ небесъ, для предувѣдомленія его о беззаконномъ предпріятіи, умышленномъ во внутренности его души. Онъ озирался во всѣ стороны съ безпокойствомъ.

Въ эту минуту, глаза его остановились на Англійскомъ Королевскомъ знамѣ, развѣваемомъ вѣтромъ, видномъ не смотря на ежеминутно умножающуюся темноту ночи. Оно стояло на возвышеніи, очевидно воздвигнутомъ человѣческими руками, почти въ срединѣ лагеря, которое, можетъ быть, какой Европейской полководецъ или ратоборецъ здѣлалъ въ воспоминаніе обретеннаго имъ покоя. Какъ бы то ни было, названіе его изгладилось временемъ, а крестоносцы наименовали его Егорьевскимъ потому, что съ этой насыпи, возвышающейся надъ всѣмъ станомъ, Англійское знамя распростиралось какъ бы въ знакъ владычества надъ знаменами всѣхъ полководцевъ, Князей и даже Коро-

лей, стоящихъ на низменныхъ мѣстахъ.

Минутнаго вдохновенія достаточно было для возбужденія новыхъ мыслей въ такомъ живомъ умѣ, каковъ былъ Конрадовъ. Онъ отправился къ палаткѣ своей скорыми и и рѣшительными шагами, какъ человѣкъ, который замыслилъ планъ свой, и готовъ произвесть его въ дѣйствіе. Пришедъ къ себѣ, онъ распустилъ всѣхъ служителей, ожидавшихъ его, составлявшихъ его свиту не меньше Королевской; и легши въ постель, проворчалъ твердое намѣреніе свое, гораздо удобнѣйшее и не такъ жестокое, нежели предложенное ему отчаянное средство Тампліеромъ.

— Завтре, сказалъ онъ самъ въ себѣ, я буду обѣдать у Австрійскаго Эрцъ-Герцога. Посмотрю, что возможно здѣлать для исполненія нашего предпріятія, прежде нежели приступлю къ совѣтамъ мрачнаго Тампліера.

КНИГА II.

„Сѣверный нашъ климатъ ту имѣетъ въ себѣ выгоду, что часто въ одномъ человѣкѣ соединяется богатство, умъ, знатность и храбрость. Но зависть черными своими стрѣлами преслѣдуетъ достоинство, какъ быстрая ищейка гонясь за устрашенною ланью, ревнуя къ возвышенной его степени, на которой онъ поставленъ, стремясь его низринуть."

Сиръ Давидъ Линдсаль.

Леопольдъ, Австрійскій Эрцъ-Герцогъ, первый изъ владѣтелей прекрасной этой земли, пользовался княжескимъ этимъ титломъ. Въ Германской Имперіи возвели его въ Герцогское достоинство, потому что онъ былъ ближній родственникъ Императора Генриха Жестокаго, и прекраснѣйшія провинціи, орошаемыя Дунаемъ, находились подъ его владычествомъ. Слава его омрачена въ Исторіи жестокимъ и вѣроломнымъ поступкомъ противъ Ришарда, имѣвшимъ свое начало въ случившихся произшествіяхъ въ

святой землѣ, нами описываемыхъ. И однакожъ, постыдный плѣнъ Ришарда, тогда какъ онъ проѣзжалъ его владѣнія безъ свиты и переодѣтый, не былъ слѣдствіемъ Леопольдова свойства. Его скорѣе можно было назвать слабымъ и тщеславнымъ Государемъ, нежели честолюбивымъ и жестокимъ тираномъ, и наружность его много соотвѣтствовала его нравственности. Онъ былъ высокаго роста, силенъ и строенъ. Бѣлизна его лица составляла разительную противуположность съ алыми его щеками, а длинные бѣлокурые его волосы вились по плечамъ: но въ поступи его было что-то неловкое; повидимому, въ немъ недоставало возвышеннаго, пылкаго духа, для оживленія исполинскаго его стана. Хотя онъ одѣвался всегда богато и пышно, но казалось, что платья его не по немъ были сшиты. Бывъ владѣтельнымъ Государемъ, онъ не умѣлъ примѣниться къ знаменитому своему сану, и часто затрудняясь въ принятіи на себя повелительнаго вида въ важныхъ случаяхъ, почиталъ себя при-

нужденнымъ прибѣгать къ жестокимъ выраженіямъ, и грубымъ поступкамъ, для пріобрѣтенія поверхности, которую гораздо легче и приличнѣе сохранилъ бы онъ, еслибъ при началѣ преній, поступалъ осмотрительнѣе и благоразумнѣе.

Не только недостатки его были замѣтны другимъ, но и самъ Эрцъ-Герцогъ тяготился иногда внутреннимъ чувствомъ, что онъ не въ силахъ поддержать возвышеннаго своего сана, на который онъ поставленъ былъ судьбой; ни заставить уважать себя, полагая не безъ причины, что и другіе такого же о немъ мнѣнія.

Когда онъ соединился съ крестоносцами, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, то желая снискать дружбу Ришарда, старался всѣми средствами пріобрѣсть ее; и предложенія его были такъ лестны, что Англійскому Королю, какъ хорошему политику, должно бы было соотвѣтствовать ей. Хотя Эрцъ-Герцогъ не былъ трусомъ, но не могъ сравниться въ храбрости съ Львинымъ-Сердцемъ; въ немъ недоста-

вало этаго пылкаго рвенія, которое побуждало Ришарда выискивать опасности, какъ снискиваютъ любовь обожаемой женщины, и Король сталъ оказывать ему нѣкотораго рода пренебреженіе. Къ тому же, Ришардъ происходилъ отъ Нормандскаго поколѣнія, народа привычнаго къ трѣзвости; онъ гнушался склонностію Нѣмца къ пресыщенію, особенно же пристрастію его къ вину. Эти причины, соединенныя съ другими, совершенно личными, произвели то, что Англійской Король вскорѣ безъ всякаго принужденія сталъ обнаруживать презрѣніе свое къ Австрійскому Князю, и подозрительный Леопольдъ, тотчасъ замѣтивъ это, платилъ ему глубоко укоренившеюся ненавистью. Вражда между ими была подкрѣпляема разными происками и хитростями политика Филиппа, Короля Французскаго, умнѣйшаго изъ Монарховъ своего вѣка. Филиппъ, опасаясь гордаго и неукротимаго нрава Ришарда, почитая его природнымъ своимъ врагомъ, и оскорбляясь повелительнымъ видомъ, съ какимъ этотъ Государь,

бывЪ подчиненнымЪ Французскаго Короля за владѣнія свои на твердой землѣ, поступалЪ сЪ верховнымЪ своимЪ властителемЪ, старался подкрѣплять свою партію, и ослаблять Ришардову, поощряя крестоносныхЪ Князей низшей степени соединиться, для сопротивленія, такЪ называемой имЪ хищнической власти Англійскаго Монарха.

Таковы были политическія мнѣніи ЭрцЪ-Герцога Австрійскаго, когда КонрадЪ МонтфератЪ рѣшился употребить вЪ пользу свою ненависть этаго Князя противЪ Ришарда, какЪ оружіе для разрушенія союза крестоносцевЪ, или покрайности чтобы ослабить существовавшую между ими связь.

ОнЪ выбралЪ полуденный часЪ для посѣщенія его, а предлогомЪ тому было представить Леопольду Кипрскаго вина, лучшей доброты, внедавнѣ попавшагося ему, чтобы сравнить его сЪ РейнскимЪ и ВенгерскимЪ. Подобное предложеніе заслуживало приглашеніе кЪ обѣду; ЭрцЪ-ГерцогЪ то и здѣлалЪ сЪ большею вѣжливостію, и ничего не было по-

щажено, чтобы обѣдъ былъ достоинъ великолѣпія Владѣтельнаго Государя. Однакожъ, Италіанскій Маркизъ будучи очень разборчивъ въ кушаньѣ, нашелъ больше излишества, нежели вкуса въ сытныхъ блюдахъ, обременявшихъ столъ.

Нѣмцы, хотя и одарены были открытымъ и воинственнымъ нравомъ своихъ предковъ, покорившихъ Римскую Имперію, но они сохранили еще въ себѣ глубокіе оттѣнки древняго невѣжества. Они не такъ далеко простирали разборчивость свою въ Рыцарскихъ уставахъ, какъ Французскіе и Англійскіе Рыцари, и не столько наблюдали предписанные правила общежитія, почитаемые обѣими этими народами признакомъ величайшаго образованія. Сидя за столомъ Эрцъ-Герцога, Конрадъ былъ оглушенъ и развеселенъ шумнымъ разговоромъ Нѣмцовъ, которыхъ голоса раздавались со всѣхъ сторонъ, несмотря на торжественный обѣдъ, даваемый ихъ Государемъ. Нарядъ ихъ показался ему равно чуднымъ; многіе изъ Австрійскихъ дворянъ сохранили длин-

ныя свои бороды; нося коротнія, разноцвѣтныя фуфайки, разшитыя и обшитыя по всѣмъ швамъ и кругомъ бахрамой, хотя она и гораздо въ меньшемъ была употребленіи въ западной Европѣ.

Множество служителей, молодыхъ и старыхъ, стоящихъ въ шатрѣ, по временамъ вступали въ разговоръ, получая отъ господъ своихъ подачки, пожираемые ими съ жадностью за стульями гостей. Тутъ же толпились во множествѣ шуты, карлики и менестрели, шумя и позволяя себѣ всевозможныя вольности, какихъ не потерпѣли бы въ лучшемъ обществѣ. Какъ въ винѣ, льющемся со всѣхъ сторонъ, не было недостатка, то и шумъ, повидимому позволенный имъ, умножался отъ часу больше.

Посреди этихъ криковъ и безпорядка, Эрцъ-Герцогу служили при столѣ со всѣми обрядами мелочнаго почтенія, доказывающими, какъ много онъ пекся о поддержаніи своего сана, требуя должнаго отъ всѣхъ уваженія. Пажи, благороднѣйшаго поколѣнія подавали ему блюда на колѣняхъ; онъ ѣлъ на серебряномъ

сервизѣ, пилъ Рейнское и Токайское вина изъ золотаго кубка. Герцогская его мантія, великолѣпно подбита и опушена была горностаемъ; а корона цѣною своею равнялась Королевской; ноги его, въ бархатныхъ башмакахъ непомѣрной длины отъ носка до каблука, покоились на табуретѣ изъ цѣльнаго серебра. Главнымъ же признакомъ свойства Эрцъ-Герцога служило то, что желая оказать всевозможное вниманіе Маркизу Монтферату, котораго посадилъ онъ изъ вѣжливости по правую руку, онъ гораздо больше занимался съ *Spruch-Sprecher*, или главнымъ острякомъ, стоявшимъ за правымъ его плечемъ.

Этотъ острякъ былъ очень богато одѣтъ; мантія и фуфайка его были изъ чернаго бархата, украшенныя разными золотыми и серебреными монетами, нашитыми имъ въ знакъ щедрости Князей, ими одарившихъ его; онъ держалъ въ рукѣ палочку, къ кольцамъ которой также привѣшены были серебряныя деньги, которыми позвѣнивалъ онъ всякой разъ, когда сбирался сказать что нибудь достой-

ное вниманія или острое. Званіе его при дворцѣ Эрцъ-Герцога занимало средину между Менестрелемъ и Совѣтникомъ; онъ былъ то льстецъ, то поэтъ, то ораторъ; всѣ искатели Эрцъ-Герцогскихъ милостей старались вообще пріобрѣсть благоволеніе *Spruch-Sprecher*.

Опасаясь, чтобы излишняя мудрость этаго чиновника не здѣлалась утомительною, по лѣвую сторону Эрцъ-Герцога стоялъ *Hoffnarr*, или придворный шутъ, по имяни Іоганнъ Швапкеръ, не меньше производившій шуму своими бубенчиками и колокольчиками, привѣшенными къ его колпаку и дубинкѣ, какъ и *Spruch-Sprecher* своею палкою, унизанною серебряною монетою.

Оба они поочередно потѣшали присутствующихъ смѣшными и важными своими шутками, разсказами, тогда какъ Государь ихъ, смѣясь и хлопая въ ладоши, внимательно посматривалъ на своего гостя, стараясь замѣчать, какое дѣйствіе производятъ надъ образованнымъ этимъ Маркизомъ, образцы Австрійскаго ума и краснорѣчія.

Трудно было рѣшить, который изъ нихъ, шутъ или острякъ способствовали больше къ развеселенію гостей, или пользовались большею милостію Князя, ихъ Государя; казалось, шутки обѣихъ равно принимались съ величайшимъ одобрѣніемъ. Иногда они спорили другъ съ другомъ, стараясь заглушать одинъ другаго звономъ колокольчиковъ своихъ и монетъ, гремя ими изъ всѣхъ силъ; но вообще, они повидимому были очень согласны, и такъ привыкли выставлять другъ друга, что *Spruch-Sprecher* иногда до того снисходилъ своему товарищу, что удостоивалъ изъяснять острыя слова шута, для лучшаго вразумленія слушателей, такъ что мудрость одного, служила истолкованіемъ глупости другаго. Въ отплату *Hoffnarr* часто заключалъ забавною шуткою продолжительную и скучную рѣчь оратора.

Каково бы ни было настоящее мнѣніе Конрада, но онъ всѣми средствами старался, чтобы лице его выражало полное удовольствіе отъ всего слышаннаго. Онъ улыбался и

одобрялъ съ не меньшимъ восторгомъ, какъ и самъ Эрцъ-Герцогъ, торжественной глупости *Spruch-Sprecher,* и неистолкуемымъ розсказнямъ дурака. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ выжидалъ удобной минуты, когда тотъ или другой вмѣшаетъ въ разговоръ свой что нибудь приличное къ занимавшему его предмету.

Вскорѣ рѣчь коснулась и до Англійскаго Короля. Шутъ привыкнувъ щитать *Дика Генета* (1) предметомъ пріятнѣйшаго разговора и неистощимыхъ шутокъ, не замедлилъ заговорить о немъ. Ораторъ хранилъ молчаніе, не прежде вступивъ въ разговоръ, какъ по просьбѣ Маркиза, который отнесся къ нему съ истолкованіемъ словъ шута, отвѣчавъ, что *Генетъ* означаетъ униженіе, смиреніе, и что не худо бы было людямъ, украшающимся этою эмблемою, почаще вспоминать объ ея значеніи.

Слова эти достаточно изъяснили здѣланное замѣчаніе на символъ зна-

(1) Сокращенное имя Ришарда Планта-Генета.

менитаго дома Плантагенетовъ, и Іоганнъ Шванкеръ прибавилъ, что *смиряяйся возносится.*

— Воздавай почтеніе, кому почесть принадлежитъ, сказалъ Маркизъ Монтфератъ; мы всѣ участвовали нѣсколько въ его походахъ и битвахъ, и мнѣ кажется, что и прочіе Князья вправѣ требовать нѣкотораго возмѣздія за славу, приписываемую всѣми Менестрелями и *Minne-Singers* исключительно одному Ришарду Англійскому. Нѣтъ ли у здѣшнихъ пѣвцевъ пѣсни, въ честь знаменитаго нашего хозяина, Его Высочества, Эрцъ-Герцога Австрійскаго?

Три *Minne-Singers* пѣвца выступили вдругъ, начавъ воспѣвать его, сопровождая голоса свои игрою арфъ. Не безъ труда велѣлъ *Spruch-Sprechers* умолкнуть двумъ изъ нихъ, которые повидимому отправляли должность потѣшныхъ людей, и всѣ устремили вниманіе къ избранному пѣвцу, который воспѣлъ въ Нѣмецкихъ стансахъ славу своего Государя.

Кто изъ храбрыхъ полководцевъ поведетъ
нас
На поле битвы, куда зоветъ насъ крестъ
святой?
Тотъ, кто соберетъ полки
Лучшихъ и отважныхъ всадниковъ,
Кто окажетъ больше рвенія,
Кто главой своей касается небесъ.

Тутъ ораторъ потрясъ своею палкою, чтобы прогремѣть серебрянными монетами, изъясняя всѣмъ собесѣдникамъ, чего можетъ быть никто бы и не понялъ, по этому поэтическому описанію, что означенный полководецъ въ стихахъ, есть ни кто другой, какъ знаменитый Князь, хозяинъ ихъ; и всѣ гости, наливъ полные бокалы, выпили воскликнувъ: *Hoch lebe der Herzog Leopold* (1)!

Пѣвецъ продолжалъ:

Не вопрошай меня за чѣмъ
Горделивая Австрія возноситъ знамя
свое
Выше всѣхъ знаменъ могущихъ Королей:
Иль спроси ты мощнаго Орла,
Почто онъ подымаясь съ земли,
Разсѣкаетъ облака крыломъ,
И возносится безтрепетно къ свѣтилу дня!

---

(1) Долгоденствія желаемъ Эрцъ-Герцогу Леопольду.

Ораторъ взявшись изъяснять все невразумительное, сказалъ тогда: «Орелъ, украшаетъ гербъ благороднаго нашего господина Эрцъ-Герцога, или Королевскую его милость, долженъ бы сказать я: орелъ летаетъ выше всѣхъ птицъ, и ближе всѣхъ паритъ къ солнцу.»

—Однакожъ, здѣсь Левъ перешибъ крылья Орлу, перескочивъ чрезъ него, сказалъ небрежно Конрадъ.

Эрцъ-Герцогъ покраснѣлъ, пристально смотря на Маркиза Монтферата, тогда какъ *Spruch-Sprecher* отвѣчалъ ему, съ минуту помолчавъ: — Да проститъ мнѣ благородный Маркизъ, левъ не можетъ перескакнуть черезъ орла, потому что у него нѣтъ крылъ, чтобы настигнуть его.

— Выключая Льва Венеціанскаго.

— Это Венеціанское знамя, сказалъ Эрцъ-Герцогъ; но утвердительно можно сказать, что эти амфибіи, полудворяне, полукупцы, не осмѣлятся вступить въ мѣстничество съ нами.

— Не о Венеціанскомъ львѣ заговорилъ я, сказалъ Маркизъ Монтфе-

ратѣ, но о трехъ львахъ, пришедшихъ къ намъ изъ Англіи. Встарину, сказываютъ, они были леопардами, но превратились въ настоящихъ львовъ, и хотятъ одержать преимущество надъ всѣми четвероногими, надъ всѣми птицами и рыбами, или горе тому, кто воспротивится имъ.

—Неужъли вы сурьозно это говорите, Маркизъ? спросилъ Австріецъ, котораго голова разгорячена была виномъ. Не ужъ ли вы полагаете, что Ришардъ Англійскій хочетъ взять преимущество надъ независимыми Государями, которые добровольно стали его союзниками въ этомъ крестовомъ походѣ.

—Я сужу по наружности, отвѣчалъ Конрадъ. Знамя его одно развѣвается на возвышеніи посреди всего нашего стана, какъ бы онъ былъ Царь или Генералиссимусъ всей Христіанской арміи.

— И вы такъ терпѣливо это сносите! и такъ холодно объ этомъ говорите, сказалъ Эрцъ-Герцогъ.

— Какъ можно бѣдному Маркизу Монтферату, возразилъ Конрадъ, вступаться за нанесенную обиду

всему достопочтенному воинству, когда съ такимъ терпѣніемъ переносятъ ее такіе могущественные Государи, каковъ Филиппъ Французской и Леопольдъ Австрійской: посрамленіе, хладнокровно переносимое вами, не можетъ быть безславіемъ для меня.

Леопольдъ сжавъ кулакъ, крѣпко ударилъ имъ по столу.

—Я тоже самое говорилъ Филиппу, вскричалъ онъ; я часто предъувѣдомляю его объ обязанности нашей защищать младшихъ Князей противъ хищническихъ замысловъ этаго островитянина. Но онъ всегда отвѣчаетъ мнѣ однимъ холоднымъ возраженіемъ на щетъ сношеній своихъ съ нимъ, какъ вассала и верховнаго властителя, увѣряя, будто предосудительно съ его стороны нарушать царствующій между ними союзъ по крестовому походу.

—Свѣту извѣстно, что Филиппъ остороженъ, сказалъ Маркизъ, и онъ отнесетъ покорность его къ политикѣ. Что же принадлежитъ до Австрійскаго Эрцъ-Герцога, то онъ одинъ могъ бы вступиться за

всѣхъ; но стало важныя причины побуждаютъ его подчиниться владычеству Англичанъ.

— Мнѣ подчиниться! вскричалъ Леопольдъ съ негодованіемъ. Мнѣ, Австрійскому Эрцъ-Герцогу, достопочтенному члену святой Римской Имперіи; мнѣ покорствовать Королю, владѣющему полуостровомъ, этому внуку незаконнорожденнаго Нормандца! Нѣтъ! клянусь небомъ! весь станъ и все Христіанское воинство увидятъ, умѣю ли я отмщать за себя, и уступлю ли я хоть на шагъ этому собакѣ Англичанину. Встанемъ-те, Господа, встанемъ те, и ступайте за мной. Мы сами, собственною рукою, не теряя ни минуты, воткнемъ Австрійскаго орла на верхушкѣ насыпи такъ высоко, что знамя наше разспрострется выше всѣхъ знаменъ Королевскихъ и Кесарскихъ.

При этихъ словахъ онъ всталъ изъ застола, и посреди шумныхъ восклицаній пировавшихъ своихъ гостей и всей свиты, вышедъ изъ шатра, выхватилъ знамя свое, стоявшее передъ дверьми.

— Не опасаетесь ли вы, сказалъ Конратъ, притворно смягчая его, помрачить такимъ отважнымъ поступкомъ, и въ теперешній часъ, вашу мудрость? Можетъ статься, не лучше ли бы было покорствовать еще нѣсколько времяни Англіи, нежели. . . .

— Ни часу, ни минуты! кричалъ Ерцъ-Герцогъ, и неся самъ знамя свое, шелъ скорыми шагами, въ сопровожденіи многочисленной свиты, къ возвышенію, составляющему средину лагеря: пришедъ туда, онъ занесъ руку, чтобы вырвать Англійское знамя.

— Баринъ, любезный мой господинъ! вскричалъ Іоаннъ Шванкеръ, охвативъ станъ его руками, остерегитесь, одумайтесь, что вы дѣлаете; вѣдь у львовъ есть зубы.

— А у орловъ есть когти, отвѣчалъ Эрцъ-Герцогъ, все еще обхватывая копье, къ которому прикрѣплено было Англійское знамя, хоть и колеблясь вырвать его.

На оратора, не смотря на обыкновенное его упражненіе, находили иногда благоразумныя минуты,

и онъ сильно потрясалъ гремучею своею палкою, а Леопольдъ, какъ бы по привычкѣ, обернулъ голову на своего Совѣтника.

—Орелъ есть царь надъ птицами, сказалъ *Spruch-Sprecher*, какъ левъ повелитель надъ звѣрьми. У каждаго изъ нихъ есть отдѣльныя свои области, одна съ другою несовмѣстные, какъ Англія съ Германіею. Благородный орелъ, не позорь льва, и поставь знамя свое подлѣ этаго, пусть развѣваются ихъ вмѣстѣ.

Леопольдъ отнялъ руку, обхватившую копье, и обернясь искалъ глазами Конрада Монтферата, но не нашелъ его; потому, что какъ скоро Маркизъ увидѣлъ успѣхъ своего предпріятія, то скрылся въ толпѣ, стараясь въ присутствіи многихъ постороннихъ зрителей изъявить сожалѣніе свое, что Леопольдъ для отмщенія, по мнѣнію его, нанесенной ему обиды, выбралъ такую неблагопріятную для себя минуту, сей часъ вышедъ изъ застола. Не видя того, къ которому онъ преимущественно хотѣлъ бы отнестись, Эрцъ-Герцогъ сказалъ

громко, что не желая посѣевать раздора въ крестоносной арміи, онъ ограничивается поддержаніемъ своихъ преимуществъ и права равенства съ Англійскимъ Королемъ; хотя и отъ него зависитъ, естьлибъ онъ захотѣлъ, возвысить знамя свое, доставшееся ему отъ Императоровъ его предковъ, надъ знаменемъ простаго потомка Анжуйскихъ Графовъ; приказавъ потомъ принесть бочку вина, и выставить ее для подчиванья зрителей, которые при барабанномъ боѣ съ музыкою, начали пьянствовать вкругъ Австрійскаго знамя.

Неблагопристойное это зрѣлище произошло не безъ шума, и тревога распространилась по всѣму стану. Между тѣмъ критическая минута наступила, въ которую по объявленію Эль-Гакима, по правиламъ его искуства, можно было разбудить царственнаго больнаго, потому что лѣкарство произвело уже свое дѣйствіе. Лѣкарю не трудно было увѣрить Барона Гисланда, что горячка совсѣмъ прошла у его Государя, и что по крѣпкому его сложенію, ему не

нужно будетъ давать другаго пріема цѣлительнаго питья, какъ въ иныхъ случаяхъ это бываетъ. Ришардъ, по видимому, одинакого былъ съ нимъ мнѣнія, потому что сѣвъ на постель и протирая себѣ глаза, онъ спросилъ Вокса, сколько у нихъ наличныхъ денегъ въ Королевской шкатулкѣ.

Баронъ отвѣчалъ, что онъ утвердительно не можетъ сказать того.

— Нужды нѣтъ, возразилъ Король, велика ли, мала ли эта сумма, отдай ее всю искусному этому лѣкарю, который, кажется, далъ мнѣ силы вновь быть полезнымъ крестоносцамъ; и если въ шкатулкѣ меньше тысячи цѣхиновъ, то дополни ихъ драгоцѣнными каменьями.

—Я не постигаю самъ, какими свѣдѣніями надѣлилъ меня Алла, отвѣчалъ Маврской лѣкарь, но знайте, великой Государь, что божественное питье, принятое вами, потеряетъ всю цѣну свою въ недостойныхъ рукахъ моихъ, если я промѣняю его на золото или алмазы.

— Онъ отказывается отъ платы? думалъ Вуксъ. Ето еще чудеснѣе столѣтней его жизни.

— Фома Воксъ, сказалъ Ришардъ, тебѣ извѣстны только сила меча и Рыцарскія добродѣтели: говорю тебѣ, что этотъ Мавръ въ независимости своей можетъ служить примѣромъ тѣмъ, которые почитаютъ себя украшеніемъ рыцарства.

—Для меня довольно и этой награды, сказалъ Эль-Гакимъ, положивъ крестообразно руки свои на грудь, въ поступи выражающей почтеніе, преисполненной важности, что я слышу такой отзывъ о себѣ изъ устъ Мелекъ-Рика. Но, осмѣливаюсь просить васъ, чтобъ вы нѣсколько времяни успокоились; потому, что хотя и считаю не нужнымъ для васъ другой пріемъ цѣлебнаго этаго питья, но не безопасно для васъ будетъ вдругъ предаться трудамъ, покуда ваши силы совсѣмъ не укрѣпятся.

— Должно повиноваться тебѣ, Гакимъ, отвѣчалъ Король. Однакожъ, повѣрь мнѣ, что я чувствую себя

совершенно освобожденымъ отъ пожиравшаго меня пламени столько дней, и въ состояніи теперь сразиться съ самымъ храбрѣйшимъ поборникомъ. Но, послушайте! что значатъ эти крики и эта музыка, раздающіеся въ отдаленіи лагеря? Фома Воксъ, ступай узнавать.

—Ето Эрцъ-Герцогъ Леопольдъ, сказалъ онъ, изволитъ разгуливать по лагерю.

—Не ужъ ли не можетъ онъ скрыть невоздержанія своего въ шатрѣ своемъ, вскричалъ Ришардъ, вмѣсто того, чтобъ выставлять его на показъ предъ всѣми войсками. — Ну, что скажете новаго, Сиръ Маркизъ, сказалъ онъ Конраду Монтферату, входящему тогда въ шатеръ.

— Что я радуюсь, достопочтенный Государь, отвѣчалъ Маркизъ, видя Ваше Величество выздоравливающимъ, или лучше сказать, совсѣмъ здоровымъ; и эту рѣчь позволительно распространить тому, кто сей часъ только вышелъ изъ стола Австрійскаго Эрцъ-Герцога.

—Какъ, вы обѣдали тамъ! воскликнулъ Англійской Монархъ. За чѣмъ

заводитъ онъ такой содомъ? Право, Сиръ Конрадъ, я до сихъ поръ считалъ васъ охотникомъ до веселій, и удивляюсь, что вы такъ скоро оставили подобный праздникъ.

Воксъ, стоя позади Короля, измучился давая знать Маркизу, моргая и кивая головой, чтобы онъ не сказывалъ Ришарду о происходящемъ въ лагерѣ; но Конрадъ не понялъ, или не хотѣлъ понять его.

— Эрцъ-Герцоговы поступки ни кому не понятны, а еще меньше понимаетъ ихъ онъ самъ. Однакожъ, сказать правду, онъ принялся теперь за такую потѣху, въ которой я никогда не захочу участвовать: онъ вырываетъ Англійское знамя, укрѣпленное на Георгіевскомъ холму, посреди лагеря, чтобы выставить на мѣсто его свое.

— Что ты говоришъ? вскричалъ Король такимъ голосомъ, отъ котораго возбудились бы и мертвецы.

— Государь, отвѣчалъ Маркизъ, не ужъ ли Ваше Величество станете предаваться гнѣву?

— Да молчатъ всѣ, вскричалъ Ришардъ, вскочивъ съ постели и

одѣваясь съ величайшею поспѣшностью. Прошу не говорить, Маркизъ Монтфератъ. Ни слова, Мюлтонъ, я запрещаю тебѣ. Кто произнесетъ хоть полслова, тотъ недругъ Ришарда Плантагенета. Молчи, Гакимъ, я приказываю тебѣ.

Говоря такимъ образомъ, Король поспѣшно надѣвалъ на себя платье; выговоривъ послѣднее слово, онъ схватилъ мечь свой, висѣвшій на столбѣ шатра своего, и безъ всякаго другаго оружія, не приказывая никому за собою слѣдовать, бросился вонъ изъ шатра. Конрадъ поднявъ руки къ верху, какъ бы въ величайшемъ изумленіи, казалось хотѣлъ войти въ разговоръ съ Воксомъ, но Сиръ Фома, сильно оттолкнувъ его, вышелъ изъ шатра, и кликнувъ одного изъ Королевскихъ щитоносцевъ, поспѣшно сказалъ ему:

— Бѣги скорѣй въ лагерь Лорда Салисбюри, скажи ему, чтобъ вооружилъ полкъ свой, и сей же часъ слѣдовалъ бы за мной на гору святаго Георгія. Скажи ему, что горячка у Короля утолилась, но здѣлалось воспаленіе въ мозгу.

Изумленный поспѣшностью, съ какою Лордъ Воксъ приказывалъ ему, едва разслышавъ слова его и совсѣмъ не понимая ихъ, щитоносецъ въ точности исполнилъ данныя ему приказанія, а товарищи его, вышедъ изъ Королевскаго шатра, побѣжали по ближнимъ палаткамъ дворянъ, распространяя во всемъ лагерѣ всеобщее смятеніе, безъ ясной къ тому причины.

Солдаты, спавшіе сладкимъ сномъ, утомленные полуденнымъ жаромъ, отъ солнечнаго зноя, вскочивъ въ просоньяхъ, спрашивали другъ друга, какая была бы причина внезапной этой тревоги: и не дожидаясь отвѣта, догадками дополняли свое недоразумѣніе. Одни говорили, что Сарацины напали на ихъ станъ; другіе, что Короля ихъ хотѣли умертвить; многіе увѣряли, что онъ умеръ прошедшую ночь горячкою; большая часть утверждали, что онъ убитъ Эрцъ-Герцогомъ Австрійскимъ. Офицеры и дворяне, бывъ въ равномъ недоумѣніи съ солдатами, чтобы дознаться настоящей причины смятенія, поспѣшно ударили сборъ,

велѣвъ вооружиться коннымъ и пѣшимъ збираясь по полкамъ, опасаясь, чтобы ихъ дерзновеніе не навлекло какого бѣдствія на крестоносную армію. Англійскіе трубачи трубили зборъ конницы. Тревога, и военный кличь:— стрѣлки и военные люди! военные люди и стрѣлки! безпрерывно повторялись вкругъ каждой палатки; солдаты приходя на зборныя мѣста, откликались народнымъ кликомъ: святый Георгій и Англія!

Тревога распространялась отъ мѣста до мѣста, и солдаты всѣхъ земель, соединенные въ одномъ станѣ, гдѣ можно сказать, каждый народъ имѣлъ своихъ представителей, бросились къ ружью, стекаясь отъ всюду посреди всеобщаго смятенія, не зная тому ни причины, ни повода. Не смотря на то, въ продолженіи этаго дѣйствія, грозящаго опасностью, Графъ Салисбюри, до отправленія своего, въ сопровожденіи небольшаго числа отборныхъ войскъ, на назначенное ему мѣсто Фомою Воксомъ, къ щастію отдалъ приказъ, чтобы остальное Англійское войско оставалось на квартирахъ

своихъ, подъ ружьемъ, бывъ въ готовности поспѣшить на помощь, естьли необходимость того потребуетъ, но въ хорошемъ порядкѣ, устройствѣ, въ подчиненности, а не въ шумномъ безпорядкѣ и торопливости, отъ рвенія и тревоги, какія могли бы возбудить въ нихъ Королевская опасность.

Между тѣмъ, Ришардъ, ни минуты не заботясь о крикахъ, шумѣ и восклицаніяхъ, начинавшихся усиливаться вкругъ него, въ безпорядочномъ одѣяніи, держа подъ мышкою мечь свой въ ножнахъ, быстрыми шагами поспѣшалъ на гору Святаго Георгія, будучи сопровождаемъ лишъ Воксомъ и двумя чиновниками своего дома.

Онъ предъупредилъ даже и тревогу, возбужденную его неукротимостью, прошедъ станъ храбрыхъ войскъ своихъ Анжуйскихъ, Нормандскихъ, Пуатіерскихъ и Гасконскихъ, прежде нежели разпространилось смятеніе въ этихъ частяхъ лагеря, хотя большее число солдатъ, проснувшись отъ шума, встали изъ любопытства. Но, Рыцарь Барса,

узнавъ Короля, и замѣтивъ торопливость, съ какою онъ бѣжалъ, убѣждаясь, что вѣрно угрожаетъ имъ какая опасность, тотчасъ схватилъ мечь свой и щитъ, чтобы раздѣлить ее, присоединяся къ Воксу, который съ трудомъ могъ поспѣшать за нетерпѣливымъ своимъ Государемъ. Воксъ, на любопытный взглядъ, брошенный на него Шотландскимъ Рыцаремъ, отвѣчалъ пожатіемъ плечь, и оба продолжали слѣдовать за Ришардомъ.

Король вскорѣ достигъ до подошвы горы святаго Георгія, которой всходъ и площадка были усѣяны и окружена толпою, состоящею отъ части изъ Австрійской свиты, прославлявшихъ себя громкими кликами радости, почитая поступокъ Эрцъ-Герцога правосуднымъ дѣломъ, въ воздаяніе народной чести; и частію зрителями различныхъ народовъ, привлеченныхъ ненавистью къ Англичанамъ, или любопытствомъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ кончится необычайное это зрѣлище. Ришардъ пробился сквозь многочисленной, шумной этой толпы, подобно кораб-

лю, разсѣкающему пѣнистыя волны, который не заботится, сливаются ли онѣ въ слѣдъ за нимъ съ ревомъ.

На верхушкѣ этаго возвышенія, была небольшая площадка, на которой развѣвались оба соперничествующія знамя, а вкругъ нихъ стояли собравшіеся друзья и защитники Эрцъ-Герцога. Посреди этаго кружка, стоялъ самъ Леопольдъ, съ удовольствіемъ смотрящій на слѣдствія своего подвига, которымъ онъ воображалъ прославиться, внимая восклицаніямъ и плескамъ, расточаемымъ всѣми его окружащими. Тогда какъ онъ пресыщался похвалами, Ришардъ ринувшись въ это толпу, бывъ сопровождаемъ только двумя человѣками, но вмѣщающій въ неукротимой своей пылкости непреодолимое воинство.

— Кто осмѣлился, вскричалъ онъ, занося руку на Австрійское знамя, грознымъ голосомъ подобнымъ грому, предшествующему землятресенію, кто осмѣлился поставить это отрепье близь Англійскаго знамя?

Эрцъ-Герцогъ былъ не робкаго нрава, и не возможно, чтобъ онъ не

отвѣтствовалъ на такой отзывъ. Но онъ до того былъ изумленъ и смущенъ неожиданнымъ приходомъ Ришарда, пораженный невольнымъ почтеніемъ, внушаемымъ пылкимъ, неукротимымъ свойствомъ этаго Монарха, что Ришардъ повторилъ вопросъ свой, прежде нежели Леопольдъ собрался съ приличною твердостью отвѣчать ему:

—Я, я, Леопольдъ Австрійской.

— Такъ Леопольдъ Австрійской увидетъ, возразилъ Ришардъ, какъ мало дорожитъ Ришардъ Англійской его знаменъ и его требованіями.

При этихъ словахъ, онъ вырвалъ изъ земли копье, поддерживающее Австрійское знамя, переломилъ въ дребезги древко и потопталъ ногами флагъ.

—Вотъ какимъ образомъ поступаю я съ Австрійскимъ знаменъ, прибавилъ онъ. Между Тевтоническими вашими Рыцарями, есть ли хоть одинъ, который бы осмѣлился вызваться на защиту его?

Съ минуту продолжилось молчаніе, но нѣтъ народа храбрѣе Нѣмцевъ.

—Я! я! я! вскричали множество Рыцарей изъ свиты Эрцъ-Герцога, и онъ самъ присоединилъ голосъ свой, къ возражавшимъ на вызовъ Англійскаго Короля.

—Къ чему же медлить? вскричалъ Графъ Валанродской, исполинскаго роста воинъ, прибывшій въ святую землю съ Венгерскихъ границъ. Братцы, благородные соотечественники, человѣкъ этотъ попираетъ ногами честь нашей земли. Отмстимъ ему, за нанесенную намъ обиду, и ниспровергнемъ Англійскую гордость.

При этихъ словахъ, онъ обнаживъ мечь свой, нанесъ такой сильный ударъ Ришарду, который былъ бы пагубенъ ему, естьлибъ Шотландской Рыцарь бросясь впередъ, не оградилъ его щитомъ своимъ.

— Я далъ клятву, сказалъ Ришардъ, котораго голосъ раздался громче шумнаго смятенія, дошедшаго до высшей степени, не поражать человѣка, носящаго на плечѣ своемъ крестъ. И такъ, дарую тебѣ жизнь, Валанродъ; живи, чтобы вспоминать о Ришардѣ Англійскомъ.

Говоря это, онъ обхватилъ руками станъ Венгерскаго великана, и какъ никто не могъ сравниться съ нимъ ни въ борьбѣ и ни въ какихъ другихъ воинскихъ упражненіяхъ, то онъ взбросилъ его назадъ такъ сильно, что тѣло его, какъ бы пущенное какою воинскою машиною, бывшихъ тогда въ употребленіи, перескочивъ мимо всѣхъ зрителей на край площадки, покатилось по спуску съ горы, до самой подошвы ея, гдѣ Графъ остался за мертво, съ вывихнутымъ плечемъ.

Такой опытъ почти сверхъестественныхъ силъ, не убѣдилъ ни Эрцъ-Герцога, и ни одного человѣка изъ свиты его возобновить борьбу, начатую подъ такимъ неблагопріятнымъ знаменованіемъ. Правда, что стоявшіе въ самыхъ дальныхъ рядахъ, махая въ воздухѣ своими саблями, кричали:— Рубите въ куски эту Англійскую собаку! но ближніе, можетъ статься прикрывая личный страхъ свой притворнымъ почтеніемъ, какъ бы, для наблюденія порядка, почти всѣ кричали: — Миръ! миръ! миръ ради креста, миръ ради

святой церкви; миръ ради нашего святаго отца Папы!

Различные эти крики наступающихъ, означали ихъ нерѣшимость, тогда какъ Ришардъ продолжалъ попирать ногою Эрцъ-Герцогской флагъ; онъ казалось искалъ взорами сопротивника себѣ, заставляя потуплять глаза Австрійскихъ дворянъ, окружавшихъ его, въ нѣкоторомъ однакожъ разстояніи, какъ бы они опасались грозныхъ лапъ Льва. Воксъ и Рыцарь Барса стояли подлѣ него, и хотя они не обнажали еще мечей своихъ, но по видимому были въ готовности защищать Ришарда до послѣдней капли крови, а отмѣнный ростъ ихъ и силы доказывали, что это защищеніе будетъ отчаянное.

Салисбюри также приближился съ войскомъ своимъ, бердыши и копья впередъ, съ натянутыми луками.

Въ эту минуту, Филлипъ, Король Французскій, въ сопровожденіи двухъ дворянъ своихъ, прибывъ на площадку освѣдомиться о причинѣ мятежа, здѣлалъ знакъ удивленія, увидя Англійскаго Короля не въ постелѣ, гдѣ продержала его столько

времяни горячка, но стоящаго противъ общаго ихъ союзника, Эрцъ-Герцога Австрійскаго, съ грознымъ и ругательнымъ видомъ. Самъ Ришардъ покраснѣлъ, что Филиппъ, котораго лично не любя, онъ уважалъ за прозорливый умъ его, нашелъ его совсѣмъ не въ приличномъ положеніи ни достоинству Монарха, ни свойству крестоносца. Замѣтно было, что онъ какъ бы нечаянно отодвинулъ назадъ ногу свою, которою наступилъ онъ на посрамленное имъ знамя, и черты его, напряженныя яростью и гнѣвомъ, преобразились въ притворное хладнокровіе и равнодушіе. Леопольдъ также старался принять на себя спокойный видъ, какъ ни было обидно ему прибытіе новаго свидѣтеля своего позора, который принужденъ онъ выносить отъ неукротимаго Англійскаго Короля.

Одаренный великими качествами, которыя пріобрѣли ему отъ подданныхъ его, наимянованіе Августѣйшаго, Филиппъ могъ бы назваться Улиссомъ крестоносцевъ, какъ Ришардъ ихъ Ахиллесомъ. Король Фран-

цузскій былЪ мудрЪ, остороженЪ, разсудителенЪ вЪ совѣтѣ, твердЪ и спокоенЪ, когда нужно было дѣйствовать; онЪ умѣлЪ выбирать приличнѣйшія мѣры кЪ выгодамЪ своего Государства, и постоянно имЪ слѣдовалЪ; словомЪ, поступь его исполнена была достоинства и совершенно царская; не смотря на храбрость свою, онЪ былЪ больше политикЪ, нежели воинЪ. ОнЪ по собственному выбору никакЪ не сталЪ бы участвовать вЪ крестовой войнѣ, но духЪ того вѣка былЪ заразителенЪ, и онЪ принужденЪ былЪ предпринять этотЪ походЪ, какЪ по настоятельнымЪ убѣжденіямЪ церкви, такЪ и по единодушному желанію всего дворянства. Во всякомЪ другомЪ положеніи, и вЪ просвѣщеннѣйшій вѣкЪ, слава его была бы громчѣе смѣлаго Львинаго-Сердца. Но вЪ крестовомЪ походѣ, совершенно безразсудномЪ предпріятіи по себѣ самомЪ, здравый разсудокЪ, изЪ всѣхЪ качествЪ, меньше всего цѣнился; вообще полагали, по тогдашнему времяни и по свойству похода, что геройская храбрость унизилась бы, соединяясь

хоть мало съ осторожностью. И такъ достоинство Филиппа, сравненное съ высокомѣріемъ его соперника, было ясный, но слабый свѣтъ лампады, поставленный близь ярко свѣтящагося факела, который бывъ меньше полезенъ ея, въ десятеро больше ослѣпляетъ глаза.

Филиппъ зналъ, что общественное мнѣніе поставляло его на низшую степень противъ Ришарда, и онъ испытывалъ негодованіе, свойственное возвышеннаго ума Государямъ. И такъ неудивительно, что онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выставить нравъ свой передъ своимъ соперникомъ, въ самомъ выгодномъ видѣ. Въ теперешнихъ же обстоятельствахъ онъ надѣялся, что благоразуміе и хладнокровіе несомнѣнно восторжествуютъ надъ буйствомъ и упорствомъ.

—Что значитъ неблагопристойная эта ссора, спросилъ онъ, между двумя Князьями, поклявшимися братствомъ принявъ крестъ; между его Величествомъ Королемъ Англійскимъ, и его Высочествомъ Эрцъ-Герцогомъ Австрійскимъ? Какъ могло

это случиться, чтобы начальники и столбы священнаго похода.....

— Увольте отъ представленій, Филиппъ, вскричалъ Ришардъ, оскорбленный до глубины сердца, видя себя поставленнымъ наровнѣ съ Леопольдомъ, и не зная самъ, какъ изъявить свое негодованіе; это Высочество, этотъ Эрцъ-Герцогъ, этотъ столбъ, естьли вамъ угодно, былъ дерзокъ, и я за то наказалъ его, вотъ и все тутъ; не стоитъ шумѣть за то, что проучили сварливую собаку.

— Французскій Король, сказалъ Эрцъ-Герцогъ, отдаю на судъ вашъ и всѣхъ владѣтельныхъ Князей, недостойный поступокъ противъ меня Англійскаго Короля. Онъ опрокинулъ мое знамя, изорвалъ его, попралъ ногами.

—За то, что Леопольдъ осмѣлился воткнуть его подлѣ моего знамя, сказалъ Ришардъ.

—Какъ владѣтель, равный тебѣ, я имѣлъ право на то, отвѣчалъ Эрцъ-Герцогъ, ободренный присутствіемъ Филиппа.

—Говори еще о равенствѣ, вскричалъ Ришардъ, и клянусь святымъ

Георгіемъ, что я поступлю съ самимъ тобою такъ точно, какъ поступилъ съ этимъ шитымъ платкомъ твоимъ, который никуда больше не годится, какъ для низкаго употребленія, на какое бываютъ пригодны платки.

— Потерпите, Англійскій братъ мой, сказалъ Король Филиппъ, и я сію минуту дамъ почувствовать Эрцъ-Герцогу, что онъ заблуждается въ этомъ. Не подумайте, благородный Леопольдъ, продолжалъ онъ, чтобы позволивъ Англійскому знамю стоять на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лагеря, мы, независимые повелители крестоносцевъ, признали бы тѣмъ первенство Короля Ришарда. Безразсудно было бы о томъ и помыслить, потому что даже Орифлама, первостепенное Французское знамя, уважаемое самимъ Королемъ Ришардомъ, какъ вассала Франціи за владѣнія его въ нашемъ Государствѣ, на теперешнее время, стоитъ гораздо ниже Англійскаго Льва. Но поклявшись братскимъ союзомъ на крестѣ, бывъ воинственными богомольцами, предавъ забвенію великолѣпіе, гордость и тще-

ту міра сего, мы вооруженною рукою пролагаемъ путь себѣ къ гробу Господню; я и прочіе Князья, изъ уваженія къ знаменитой славѣ Короля Ришарда, мы уступили ему это преимущество, которое однакожъ во всякомъ другомъ случаѣ, и безъ этой причины, не дозволили бы ему. Я несомнѣнно увѣренъ, что размысливъ хорошенько сказанное мною, вы изъявите соболѣзнованіе свое, поставивъ знамя свое на этомъ мѣстѣ, и что тогда, Его Величество Англійскій Король васъ удовлетворитъ въ нанесенномъ оскорбленіи, на которое вы жалуетесь.

Spruch-Sprecher и *Hoff-Narr* удалились на почтительное разстояніе, когда боялись, чтобы не дошло до драки, и придвинулись потомъ, видя востановившійся порядокъ, вслушиваясь въ разговорную распрю, которая была имъ сподручнѣе.

Ораторіальный человѣкъ, былъ такъ восхищенъ политическою рѣчью Филиппа, что когда Францускій Король умолкъ, то онъ сильно тряхнулъ своею палкою, и забывъ, передъ кѣмъ онъ стоитъ, вскричалъ

съ надутостью, что во всю жизнь свою онъ никогда еще такъ мудро не говаривалъ.

— Статься можетъ, сказалъ ему Іоганнъ Шванкеръ въ полголоса; но насъ откатаютъ розгами, если ты будешъ такъ громко говорить.

Эрцъ-Герцогъ отвѣчалъ съ досадою, что онъ донесетъ о распрѣ своей верховному Совѣту крестоносцевъ. Филиппъ одобрилъ его намѣреніе, которымъ казалось прекращался соблазнъ, могущій здѣлаться пагубнымъ для всего Христіанства.

Ришардъ, не перемѣняя безпечнаго своего положенія, слушалъ Филиппа, покуда краснорѣчіе его по видимому истощилось, сказавъ потомъ громогласно: —Я чувствую усыпленіе, кажется, что это остатки еще проклятой этой горячки. Братъ мой, Французскій Король, тебѣ извѣстенъ правъ мой; ты знаешъ, что во всякомъ случаѣ я не многорѣчивъ. И такъ знай, однажды навсегда, что я не подчиню никакому суду дѣло, касающееся до чести Англіи, не отнесусь ни къ какому Владѣтелю, ни къ верховному Совѣту, ниже къ са-

мому Папѣ. Вотъ мое знамя; естьли кто поставитъ другое на разстояніе отъ него трехъ пущенныхъ стрѣлъ, хотя бы это была сама Орифлама, о которой вы кажется сію минуту говорили, то я такое же безславіе нанесу ему, какому подвергнулъ это отрепье. Я не дамъ за то никакого другаго удовлетворенія, кромѣ личнаго, не смотря на изнеможенные мои члены, на ристалищѣ, естли осмѣлятся вызвать меня, хотябы противъ меня вооружилось пятеро ратоборцевъ.

— Теперь, сказалъ шутъ на ухо своему товарищу, это такъ глупо сказано, какъ бы я самъ проговорилъ эти слова: и однакожъ я думаю, что въ этомъ дѣлѣ найдется человѣкъ, еще глупѣе Ришарда.

— Кто жъ это? спросилъ поучительный человѣкъ.

— Либо Филиппъ, либо Леопольдъ, отвѣчалъ *Hoff-Narr*, естли который изъ нихъ согласится на вызовъ.

Тѣмъ временемъ, какъ достойные эти сотоварищи стоя поодаль, отправляли между собой обыкновенное свое дѣло, Филиппъ хладнокров-

но, отвѣчалъ на вызовъ, даже обидный, Ришарда.

—Я не за тѣмъ пришелъ сюда, сказалъ онъ, чтобы возбуждать новыя вражды, равно противныя данной нами присяги, какъ несовмѣстныя съ священною обязанностью, на насъ возложенною. Я разстаюсь съ Англійскимъ братомъ своимъ, какъ братья должны разходиться; и между Французскою Лиліею и Англійскими Львами не будетъ другой распри, кромѣ той, кто пробьется дальше въ ряды Музульманъ.

—Я согласенъ, братъ, вскричалъ Ришардъ, протягивая ему руку, со всею откровенностью приличною великодушному хоть и запальчивому его нраву; да возможемъ мы скорѣе раздѣлаться съ нашими врагами.

—Благородный Эрцъ-Герцогъ, прошу и васъ приступить къ дружескому нашему союзу, въ щастливую эту минуту! сказалъ Филиппъ; и Леопольдъ подошелъ съ пасмурнымъ видомъ, какъ бы волею и неволею приступая къ союзу.

—Я не забочусь ни о дуракахъ, ни объ ихъ глупостяхъ, сказалъ Ри-

шардъ съ безпечностью; и Эрцъ-Герцогъ, отворотясь отъ него, удалился съ своею свитою.

Ришардъ нѣсколько минутъ слѣдовалъ за нимъ глазами! Бываетъ такого разбора храбрость, сказалъ онъ потомъ, которая, какъ свѣтящійся червячекъ, показывается только ночью. Во время дня, достаточно и зоркаго глаза Льва, для охраненія этаго знамя, но не должно оставлять его безъ защиты въ ночной темнотѣ. Фома Гисландъ, тебѣ ввѣряю я охраненіе этаго знамя, оберегай честь Англіи.

—Спасеніе Англіи мнѣ еще драгоцѣннѣе, отвѣчалъ Фома Воксъ, а жизнь Ришарда составляетъ спасеніе Англіи. Должно Ваше Величество проводить въ шатеръ, и безъ отлагательства.

—Ты преупорный хожатый за больнымъ, сказалъ Король Воксу улыбаясь; и оборотясь потомъ къ Сиръ Кеннету, прибавилъ: — Храбрый Шотландецъ, я еще въ долгу у тебя, и отплачу щедро. Ты видишъ Англійское знамя, надзирай надъ нимъ какъ новобранный солдатъ наблю-

даетъ оружіе свое наканунѣ предназначеннаго дня къ возведенію его въ Рыцарское достоинство; не отдаляйся отъ него дальше какъ на три мѣрныхъ копья, и защищай его своею грудью отъ всякихъ обидъ и поношеній. Естьли нападутъ на тебя вдругъ больше трехъ человѣкъ, то протруби въ рогъ. Берешъ ли ты на себя это попеченіе?

—Очень охотно, Государь, отвѣчалъ Кеннетъ, и ручаюсь головой своей. Я схожу только за оружіемъ своимъ, и тотчасъ возвращусь.

Тогда Французскій и Англійскій Короли чинно распростились другъ съ другомъ, скрывая подъ видомъ вѣжливости, взаимныя свои неудовольствія другъ противъ друга: Ричардъ досадовалъ на Филиппа за слишкомъ услужливое заступленіе его за Леопольда; а Филиппъ негодовалъ на Львиное-Сердце за невѣжливость, съ какою онъ принялъ его посредничество.

Любопытные, бывъ привлечены шумомъ, разошлись тогда по разнымъ мѣстамъ, оставя гору Святаго Георгія въ той же пустотѣ, какъ

была она до Эрцъ-Герцогскаго самохвальства. Каждый разсуждалъ объ этомъ произшествіи по чувствамъ своимъ и мнѣніямъ; и тогда какъ Англичане обвиняли Австрійца, вызвавшагося на ссору, прочіе народы единогласно приписывали всю вину гордости островитянина, и дерзости нрава Ришарда.

— Ты видешь, сказалъ Маркизъ Монтфератъ Гросъ-Мейстеру Тампліеровъ, что изворотливость вѣрнѣе удается насильства: я ослабилъ узелъ, связывавшій этотъ пукъ скиптровъ и копій; и ты увидешъ, что они вскорѣ разсыпясь разлетятся.

— Я почелъ бы планъ твой превосходнымъ, отвѣчалъ Тампліеръ, еслибъ нашелся между этими льдяными Австрійцами хоть одинъ человѣкъ, который столько бы имѣлъ духу, чтобъ однимъ ударомъ разсѣкъ этотъ узелъ. Ослабленный узелъ можетъ опять затянуться; но былобъ совсѣмъ иначе, еслибъ веревку изрубили въ куски.

КНИГА III.

„Найдется ли такая твердыня, сыщется ли такое сердце, чтобъ устоять навѣкъ могло противъ хитрости и прелестей? Нѣтъ въ мірѣ семъ постоянства и твердости: рука, поборая храбрыхъ сопротивниковъ, уступаетъ ловкости, бывъ ею обезоружена; и холодное сердце, не любившее никогда, пренебрегая красотой и прелестьми, раноль, поздно ли уступитъ имъ, покаряясь ихъ владычеству.“

Спенсеръ.

Въ рыцарской вѣкъ, опасный постъ или отважный подвигъ, бывали часто наградою за воинскую храбрость, которыми цѣнились первоначальные опыты. Наступила полночь, и ясный мѣсяцъ съ высоты небесъ проливалъ яркой свѣтъ свой, когда рыцарь Барса, стоя одинъ одинехонекъ на горѣ Святаго Георгія, близь Англійскаго знамя, охранялъ его отъ поношенія, которое замышляли противъ эмблемы народной чести тысячи непріятелей, возбужденныхъ Ришардовою гордостью.

Размышленія слѣдовали одно за другимъ въ умѣ Шотландскаго рыцаря. Ему казалось, что онъ пріобрѣлъ благосклонность Англійскаго Монарха, не бывъ до той минуты отличенъ имъ въ толпѣ храбрыхъ воиновъ, привлеченныхъ его славою подъ его знамена. Онъ мало заботился о томъ, что Ришардъ удостоилъ возложить на него опаснѣйшій подвигъ, для испытанія его храбрости. Страстная любовь его, которую простиралъ онъ такъ высоко, воспламеняла его мужество. Какъ ни слабы были его надежды, но ему казалось, что произшествія того дня нѣкоторымъ образомъ зближали разстояніе, отдѣлявшее его отъ любимаго имъ предмета. Тотъ, кому Ришардъ оказалъ такую довѣренность, отличивъ его предъ всѣми, не былъ уже ничтожный, малозначущій воинъ, но человѣкъ достойный взгляда Принцессы, хотя и совсѣмъ еще не равный ей. Участь его не могла уже оставаться во мракѣ неизвѣстности. Если при нечаянномъ нападеніи, онъ лишится жизни защищая знамя, то достославная

смерть его заслужитЪ ему похвалу Львинаго-Сердца, возбудитЪ его отмщеніе, и сожалѢніемЪ, даже слезами почтитЪ прахЪ его знаменитая красавица, Царской отрасли Англійскаго Двора. И такЪ смерть его будетЪ прославлена.

СирЪ КеннетЪ имѢлЪ все время на свободѢ предаваться различнымЪ размышленіямЪ, возрожденнымЪ вЪ немЪ романическимЪ духомЪ рыцарства, который не смотря на мечты свои и заблужденія, никогда не причастный холоднаго себялюбія, былЪ всегда великодушенЪ, вѢренЪ, хотя излишняя самонадѢянность и заставляла часто предполагать вЪ себѢ совершенства, не совмѢстныя сЪ человѢческими слабостями. ВкругЪ него казалось все погруженнымЪ вЪ глубокой сонЪ тихимЪ сіяніемЪ луны, или ночною тьмой. ВЪ рядахЪ палатокЪ и шатровЪ, освѢщаемыхЪ мѢстами мѢсяцемЪ, или скрытыми ночною мглою, царствовало глубокое безмолвіе, какЪ вЪ пустомЪ, безлюдномЪ городѢ.

Близь дротика, не верхушкѢ котораго развѢвалось Царское знамя,

лежала борзая собака, единственный товарищь Сиръ Кеннета, взятый имъ на стражу; на бдительность ее онъ смѣло могъ положиться, зная, что она тотчасъ предувѣдомитъ его о приближеніи непріятеля. Благородное животное казалось понимало цѣль караула своего господина, потому что оно по временамъ подымая голову, посматривало на знамя, котораго богатыя складки сжимались и развѣвались по волѣ вѣтра. На клики часовыхъ, стоящихъ при внѣшнихъ укрѣпленіяхъ стана, раздававшихся въ отдаленіи, она отвѣчала пролаявъ по одному разу, какъ бы давая знать, что и она оберегаетъ постъ свой; иногда опускала она голову махая хвостомъ, когда господинъ ея проходилъ взадъ и впередъ мимо ее, расхаживая близь знамя; когда же рыцарь останавливался, разсѣянный и молчаливый, опираясь на копье свое, поднявъ глаза къ небу, вѣрный товарищь его, осмѣливался иногда *нарушать его мечтанія*, какъ говорится въ романическомъ слогѣ, протягивая рыло свое на руку своего

господина, покрытую лапною рукавицею, для испрошенія его ласки: но, вдругъ она залаяла съ яростью, и казалось готова была броситься въ ту сторону, гдѣ темнота мрачнѣе простиралась, ожидая однакожъ знака своего господина, какъ бы бывъ на травлѣ.

— Кто идетъ? вскричалъ Кеннетъ, бывъ увѣренъ, что кто нибудь приближается въ темнотѣ.

— Ради Мерленя и Мангиса, отвѣчалъ грубый, отвратительный голосъ, удержите четвероногаго вашего демона, или я не подступлюсь къ вамъ.

— А ты кто, желающій приблизиться къ моему посту? спросилъ рыцарь, устремивъ глаза свои со вниманіемъ на движущійся предметъ, котораго однакожъ онъ не могъ разсмотрѣть; берегись; отъ этаго зависитъ жизнь или смерть.

— Говорю вамъ, воздержите зубастаго этаго дьявола, или я разражу его стрѣлой.

И въ ту же минуту Сиръ Кеннетъ услышалъ, что натягиваютъ лукъ.

— Спусти тетиву, и покажись на свѣтъ, вскричалъ Шотландецъ, или клянусь Святымъ Андреемъ, что пригвозжу тебя къ землѣ, что или ктобъ ты ни былъ.

При этихъ словахъ онъ схватилъ длинное копье свое, и устремивъ глаза на движущееся существо, махалъ имъ по воздуху, какъ бы готовясь къ отраженію, за недостаткомъ другаго оружія. Вскорѣ почти устыдился онъ опрометчивости своей, остановясь и видя выходящаго на свѣтъ, какъ актера выступающаго на сцену, безобразное существо, въ которомъ по стану и наряду его, онъ узналъ даже и въ дальнемъ разстояніи, карлика, видѣннаго имъ въ Энгадскомъ придѣлѣ. Вспомнивъ тогда же и о прочихъ видѣніяхъ совсѣмъ другаго рода, бывшихъ въ достопамятную эту ночь, онъ далъ знакъ собакѣ своей, которая тотчасъ понявъ его, легла опять у подножія знамя, глухо проворчавъ.

Уродливое это созданіе, не страшась больше грознаго своего непріятеля, началъ всходить по уступамъ

на довольно крутую гору Св. Георгія, затрудняясь до усталости по причинѣ малаго своего шага, и весь запыхавшись вскарабкался наконецъ на площадку. Тогда перекинувъ въ лѣвую руку маленькой свой лукъ, который былъ ни что иное, какъ игрушка, даваемая дѣтямъ для стрѣлянія въ воробьевъ, и принявъ на себя важный видъ, протянулъ правую руку Сиръ Кеннету, какъ бы въ ожиданіи отъ него соотвѣтствованія на воинское привѣтствіе. Бывъ обманутъ въ своемъ ожиданіи, онъ вскричалъ ярымъ и дикимъ голосомъ:

— Воинъ, для чего же не отдаешь ты чести Небектамусу, должной его званію? Не ужъ ли ты могъ позабыть долгъ свой?

— Великій Небектамюсъ, отвѣчалъ рыцарь, желая польстить карлику, такое забвеніе было бы непростительно тому, кто разъ видалъ тебя. Однакожъ, извини меня, что бывъ на стражѣ подъ ружьемъ, я не воздаю почести такому грозному существу, который воспользовавшись моею оплошностью, могъ бы обезоружить меня. Довольно и

того, что я уважаю твое достоинство, со всею покорностью и униженіемъ, какія только можетъ оказать воинъ стоящій на стражѣ.

— Хорошо, сказалъ Небектамюсъ, только съ условіемъ, чтобъ ты сей же часъ слѣдовалъ за мной, и явился бы къ пославшимъ меня съ этимъ повелѣніемъ къ тебѣ.

— Сиръ Небектамюсъ, возразилъ рыцарь, я не могу удовлетворить тебя на этотъ щетъ, потому что долженъ оставаться при этомъ знамѣ до солнечнаго всхода. И такъ, прошу васъ въ томъ извинить меня.

При этихъ словахъ онъ началъ опять расхаживать по площадкѣ; но карликъ не переставалъ приступать къ нему съ своими докуками.

— Послушай, Сиръ Рыцарь, сказалъ онъ ему, ставъ передъ нимъ и мѣшая ему ходить; ты долженъ повиноваться мнѣ, какъ требуетъ того долгъ твой, или я прикажу тебѣ, имянемъ той, которой красота можетъ воззвать къ существамъ высшей сферы, и по величію своему, повелѣть безсмертному поколѣнію, отъ котораго она происходитъ.

Странное и несообразное заключеніе представилось уму Сирѣ Кеннета; но онѣ тотчасѣ отклонилѣ его. Невозможно, думалѣ онѣ, чтобы владычица души его, избрала такого посла, для отданія такого приказанія. Однакожѣ, онѣ отвѣчалѣ трепещущимѣ голосомѣ.

— Не осмѣливайся шутить, Небектамюсь, и теперь же скажи мнѣ откровенно, знаменитая особа, о которой ты говоришѣ мнѣ, не гурія ли, видѣнная мною вѣ Энгадскомѣ придѣлѣ, сѣ метлою вѣ рукахѣ, помогавшая тебѣ месть полѣ.

— Высокомѣрный Рыцарь! вскричалѣ карла, какѣ могѣ ты подумать, чтобы предметѣ Царской нашей любви, раздѣляющая наше величіе и красоту, захотѣла унизиться до такой степени, чтобы отправлять посла кѣ такому вассалу какѣ ты? Нѣтѣ; какѣ ни велика оказываемая тебѣ честь, но ты еще не заслужилѣ вниманія той, вѣ глазахѣ которой, сѣ высоты ея величія, и самые владѣтели ни что иное, какѣ пигмеи. Посмотри сюда, и узнавѣ или не узнавѣ эту драгоцѣнность,

повинуйся или ослушайся приказанія пославшей кЪ тебѢ.

Говоря такимЪ образомЪ, онЪ подалЪ рыцарю перстень, украшенный дорогимЪ лаломЪ, который даже и при лунномЪ свѢтѢ, онЪ безЪ труда узналЪ за носимый обыкновенно благородною особою, которой посвятилЪ онЪ всѢ помышленія свои. ЕслибЪ и оставалось вЪ немЪ на этотЪ щетЪ какое сомнѢніе, то онЪ могЪ бы убѢдиться маленькимЪ узелкомЪ алой ленты, привязанной кЪ перстню. Это былЪ любимый цвѢтЪ обожаемой имЪ особы; онЪ самЪ нѢсколько разЪ нашивалЪ его вЪ сраженіяхЪ и на ристалищахЪ, и алый цвѢтЪ одерживалЪ верхЪ надЪ всѢми цвѢтами.

Изумленіе его здѢлало его неподвижнымЪ и онѢмѢлымЪ, при видѢ вЪ такихЪ рукахЪ неоспоримаго этого знака посольства. Тогда карликЪ принявЪ на себя торжественный видЪ, захохоталЪ, вскричалЪ потряхивая огромною своею головой:

—ОсмѢльтесь теперь отказаться итти за мной; осмѢльтесь не повиноваться моимЪ приказаніямЪ; ос-

мѣльтесь сомнѣваться, что я не Артурѣ Тинтагель, имѣющій право повелѣвать всею Англійскою конницею.

— Ради всего, что есть священнаго, вскричалѣ рыцарь, скажи мнѣ, кто далѣ тебѣ этотѣ перстень; обуздай хоть на одну, или на двѣ минуты, если можешѣ, блуждающій твой разсудокѣ, и скажи, кто прислалѣ тебя и вѣ чемѣ состоитѣ настоящее твое посольство; остерегайся вѣ словахѣ твоихѣ; знай, что предметѣ такѣ важенѣ, что я не потерплю ни малѣйшаго шутовства.

— Дерзновенный и безразсудный рыцарь, что же ты хочешѣ больше знать, какѣ не то, что ты удостоенѣ повелѣній Принцессы, которая избрала Короля для доставленій ихѣ кѣ тебѣ? — Мы не удостоимѣ тебя дальнѣйшихѣ переговоровѣ. Мы повелѣваемѣ тебѣ, имянемѣ и властію этаго перстня, теперь же за нами слѣдовать, и предстать передѣ ту, кому принадлежитѣ онѣ. Каждая минута медленности есть преступленіе противѣ данной тобою клятвы.

—Добрый Небектамюсъ, размысли о томъ хорошенько. Знаетъ ли эта особа, гдѣ я, и какую обязанность долженъ выполнить нынѣшнюю ночь? Знаетъ ли она, что моя жизнь.... но, стоитъ ли говорить о моей жизни? извѣстно ли ей, что честь моя зависитъ отъ сохраненія этаго знамя до утренней зари? Можетъ ли она желать, чтобъ я лишился ее, хотя бы то было и для свиданья съ ней? Не возможно! Принцессѣ угодно было позабавиться на щетъ своего служителя такою присылкою; и избраніе такого посла еще больше увѣряетъ меня въ томъ.

— Пожалуй упорствуйте въ вашемъ мнѣніи, сказалъ Небектамюсъ, повернувшись, какъ бы удаляясь съ площадки; я ни мало не забочусь, покорны ли вы знаменитой этой особѣ, или не повинуетесь ей. Простите.

— На минуту, вскричалъ Рыцарь; остановись на минуту! отвѣчай только на одинъ вопросъ: пославшая тебя особа близко ли отсюда?

—Что вамъ нужды? отвѣчалъ карликъ; не ужь ли вѣрность измѣ-

ряется четверть верстами, или цѣлыми милями, какъ бѣдному гонцу платятъ смотря по разстоянію мѣста имъ проѣханному? Какъ бы то ни было, недовѣрчивый человѣкъ, прекрасная рука, носящая повседневно этотъ перстень, присланный такому недостойному вассалу, на полетъ одной стрѣлы, пущенной изъ моего лука.

Сиръ Кеннетъ снова бросилъ взглядъ на перстень, какъ бы точно увѣриться, не обманывается ли онъ.

— Скажи мнѣ, спросилъ онъ Карла, отсудствіе мое на долгое ли продолжится время?

— На долгое ли время продолжится! повторилъ Небектамюсъ голосомъ, означившимъ его слабоуміе: что вы называете временемъ? я не вижу его, я не чувствую, не осязаю его? это лишъ пустой призракъ, безъ всякой вещественности; цѣпь мгновеній, измѣряемыхъ ночью звукомъ колокола, а днемъ налагаемою тѣнью на солнечныхъ часахъ. Знай, что истинный Рыцарь, не иначе долженъ исчислять время свое, какъ предпринятыми имъ подвигами въ

славу Бога и въ честь своей красавицы.

— Святая истинна, сказалъ Рыцарь, хоть и глупость произнесла эти слова. Но точно ли требуютъ меня за тѣмъ, чтобы возложить какое порученіе, и точно ли нужны мои услуги? Повелѣніе это не можетъ ли отсрочиться до восхожденія солнца?

— Она требуетъ твоего присутствія въ сію же минуту, отвѣчалъ Карла, прежде нежели десять песчинокъ успѣютъ пересыпаться въ песочныхъ часахъ. Слушай, холодный и недовѣрчивый Рыцарь, вотъ собственныя слова ея:—Скажи ему, что рука выронившая розы, можетъ даровать и лавры.

Ето напоминовеніе случившагося въ Энгадскомъ придѣлѣ, возродило въ Сиръ Кеннетѣ тысячи воспоминаній, удостовѣривъ его, что Карла точно присланъ къ нему съ повелѣніемъ. Распуколки розъ, хоть и совсѣмъ уже поблекшія, все еще хранились подъ латами его, близь сердца, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище. Онъ колебался, и не могъ рѣшиться

пропустить благопріятнаго этаго случая, может быть единственнаго, в который удостоится он благосклоннаго взгляда властительницы души своей и всѣх помышленій. Однакож, Карла умножил его замѣшательство требуя, чтобы он возвратил ему перстень, или немедленно бы за ним слѣдовал.

— На минуту! еще на одну минуту, сказал Рыцарь, и прибавил потом, говоря сам в себѣ: развѣ я раб или подданный Короля Ришарда? развѣ я не свободный Рыцарь, обрѣкшійся на служеніе крестовой войны? Кому пришел я служить здѣсь копьем и мечем своим? Богу и властительницѣ своей.

— Перстень! перстень! вскричал Карла с нетерпѣніем. Безчестный и нерадивый Рыцарь, отдай мнѣ назад этот перстень; ты недостоин ни дотрогиваться до него, ни смотрѣть на него.

— На секунду, добрый Небектамюс, на одну секунду; не возмущай моих размышленій. — Как! еслиб Сарацины напали сей час на наш лагерь, то остался ли бы я,

какъ покорный рабъ Англіи, стеречь это знамя, ограждая Ричардову гордость отъ поношенія, или бросился бы на проломъ на защиту креста? И такъ, за исполненіемъ моего долга, послѣдуютъ велѣнія моей властительницы. И однакожъ, приказаніе Львинаго-сердца, мое обѣщаніе. . . . Небектамюсъ, заклинаю тебя, скажи, далеко ли ты долженъ провожать меня?

— До этаго шатра, который ты увидишъ тамъ; и когда уже необходимо тебѣ это знать, то смотри, утренній свѣтъ ударяетъ на золотую маковку, украшающую верхушку его, которая стоитъ не меньше Королевскаго выкупа.

—Я могу черезъ минуту возвратиться назадъ, сказалъ Рыцарь, закрывъ глаза съ отчаяніемъ, предвидя пагубныя послѣдствія, могущія выйти изъ его ослушанія. Если кто подступится къ знамю, то я могу услышать оттуда лай моей собаки. Я брошусь къ ногамъ моей властительницы, и стану умолять ее, чтобы она позволила мнѣ выстоять срочное время на часахъ. Сюда,

Росвальдъ! вскричалъ онъ, клича свою сабаку, и бросивъ эпанчу свою подъ Королевское знамя, сказалъ: стереги его, и никого не подпускай къ нему.

Величественная собака посмотрѣла прямо въ глаза своего господина, какъ бы желая его увѣрить, что она поняла приказъ его, легла потомъ на его эпанчу, поднявъ голову къ верху, и насторожпвъ уши, какъ бы совершенно зная, за чѣмъ ее оставляютъ на этомъ мѣстѣ.

— Пойдемъ, Небектамюсъ, сказалъ тогда Сиръ Кеннетъ, поспѣшимъ исполнить повелѣнiе, съ которыми ты присланъ ко мнѣ.

— Поспѣшай кто другой, а не я, сказалъ Карла съ досадою; ты не спѣшилъ исполнить моихъ приказанiй, а я не въ силахъ гнаться за тобой. Ты не человѣческимъ шагомъ идешъ, а бѣжишь какъ дикой строусъ.

Оставалось только два средства къ преодолѣнiю упорства Небектамюса, который говоря такимъ образомъ, шелъ ползкомъ какъ улитка: подарки, но онъ не въ состоянiи былъ

одарить его; лесть, но ему нѣкогда было расточать ее. Въ нетерпѣніи своемъ, онъ поднялъ карлика, взялъ его на руки и понесъ; вскорѣ пришелъ онъ съ нимъ къ указанному ему шатру. Но приближась къ нему, онъ увидѣлъ небольшой отрядъ солдатъ, сидящихъ на землѣ, которыхъ въ дали не замѣтилъ онъ за передовыми палатками. Удивясь, что стукъ его оружія не возбудилъ ихъ вниманія, и полагая, что въ подобныхъ обстоятельствахъ всѣ движенія его должны быть скрыты, онъ спустилъ на землю запыхавшагося малорослаго своего проводника, чтобы онъ перевелъ духъ, и растолковалъ, что ему дѣлать. Небектамюсъ былъ устрашенъ и раздраженъ; но, чувствуя себя въ мощныхъ рукахъ Рыцаря, совершенно подъ властію его, какъ сова въ орлиныхъ когтяхъ, ни мало не желалъ снова подвергаться его могуществу.

И такъ, безъ всякихъ жалобъ и роптаній, на суровый его поступокъ, обойдя въ обходъ за разставленными вокругъ палатками, онъ провелъ въ молчаніи Рыцаря къ дру-

гой сторонѣ шатра, чтобъ скрыть его отъ глазъ стражи, которые по-видимому были отягощены сномъ, или небрежно исполняя долгъ свой, не слишкомъ заботились о стражѣ своей. Пришедъ туда, карликъ приподнялъ за конецъ полотна завѣшивающаго шатеръ, давъ знакъ Сиръ Кеннету, чтобъ онъ наклонясь прошелъ въ отверстіе. Рыцарь колебался; ему казалось не приличнымъ тайкомъ проходить въ шатеръ, служившій жилищемъ знаменитыхъ особъ; но вспомнивъ несомнѣнный залогъ, возложеннаго на него порученія, переданный ему карликомъ, заключилъ, что такова есть воля его властительницы.

И такъ, онъ наклонился, чтобы войти въ шатеръ, и какъ скоро переступилъ въ него, то карликъ сказалъ ему:

— Останьтесь тутъ, покамѣстъ я позову васъ.

КНИГА IV.

„Какъ помѣстить васъ вмѣстѣ, веселость съ невинностью? Въ самомъ раю, когда первоначальный человѣкъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода, вы разошлись по разнымъ сторонамъ, чтобъ не встрѣчаться ввѣкъ. Веселость, оставшися одна, въ отчаяніи своемъ взяла въ товарищи себѣ легкомысленную насмѣшку, какъ малолѣтное дитя совсѣмъ безъ умысла раздавляетъ бабочку, общипываетъ цвѣтокъ, составлявшій съ минуту назадъ его утѣху, и умирающій скупецъ осклабляется узнавъ, что живущій близъ него бѣднякъ, въ нищетѣ кончаетъ жизнь свою.“

Старинная комедія.

Нѣсколько минутъ Сиръ Кеннетъ, оставался одинъ въ совершенной темнотѣ. Такое принужденное ожиданіе, продолжало его отсудствіе отъ ввѣреннаго ему поста, и онъ начиналъ уже раскаяваться въ легкомысленной своей отлучкѣ. Но, возвратиться туда не видавъ Лади Эдифи, было свыше силъ его. Нарушивъ долгъ свой, онъ рѣшился уже предаться очаровательной надеждѣ, вовлекшей его въ здѣланный имъ просту-

покѣ. Однакожь положеніе его совсѣмѣ было не завидно; вѣ потьмахѣ онѣ не могѣ различить, куда попалѣ онѣ; Лади Эдифѣ составляла свиту Англійской Королевы, слѣдственно, если узнаютѣ о скрытномѣ его приходѣ вѣ Королевской шатерѣ, то онѣ подвергнется опаснѣйшимѣ подозрѣніямѣ.

Тѣмѣ времянемѣ какѣ онѣ предавался такимѣ непріятнымѣ размышленіямѣ, и даже желалѣ бы потихоньку уйти, не бывѣ ни кѣмѣ примѣченѣ, вдругѣ раздались женскіе голоса, смѣющіеся и разговаривающіе вѣ ближнемѣ покоѣ, отѣ котораго, сколько могѣ онѣ различить, отдѣляло его лишь завѣшенное полотно. Тамѣ засвѣтились лампады, и свѣтѣ разлился по полотну, служившему перегородкою того покоя; тѣни многихѣ женщинѣ, сидящихѣ или ходящихѣ вѣ ближнемѣ покоѣ, также обозначились на полотнѣ. Жестоко было бы обвинять Сирѣ Кеннета вѣ нескромности, когда онѣ сталѣ вслушиваться вѣ ихѣ разговорѣ, бывѣ главнымѣ предметомѣ онаго.

— Позови ее! ради Бога, позови ее скорѣй, сказала одна изъ этихъ невидимокъ, смѣясь отъ всего сердца. Небектамюсъ, ты будешъ отправленъ посломъ ко двору Папы—Ивана, въ доказательство, какъ хорошо умѣешъ ты выполнять данное тебѣ порученіе.

Грубой и дикой звукъ голоса Небектамюса отозвался; но онъ такъ тихо говорилъ, что Сиръ Кеннетъ не могъ разслушать словъ его.

—Но какъ освободиться намъ отъ призваннаго духа Небектамюсомъ, сказалъ другой голосъ.

— Удостойте меня выслушать, Государыня, сказалъ третій голосъ: естьли мудрый Король Небектамюсъ не ревнивъ къ привлекательной Королевской особѣ, супругѣ своей, то поручите ей отправить дерзновеннаго Рыцаря, осмѣлившагося такъ легко повѣрить, чтобы свѣтлѣйшія особы имѣли нужду въ дерзновенныхъ его услугахъ.

— Мнѣ кажется, подхватилъ прежній голосъ, справедливость требуетъ, чтобы Царица Женевіева изъ вѣжливости отправила того,

кого мудрость достойнаго ея супруга такъ удачно заманила сюда.

Пристыженный, раздраженный слышаннымъ, Сиръ Кеннетъ хотѣлъ отъискать выходъ, чтобъ бѣжать вонъ изъ шатра, какъ слѣдующее остановило его.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ первый голосъ, должно, чтобъ кузина наша Эдифъ узнала о достославномъ поступкѣ столько хваленнаго ею Рыцаря. Должно, чтобы она удостовѣрилась собственными глазами, какъ измѣняетъ онъ своей обязанности. Этотъ укоръ можетъ послужить ей въ пользу; повѣрь мнѣ, Калиста, я не напрасно подозрѣвала иногда, что она питаетъ тайную склонность къ Шотландскому этому побродягѣ.

Калиста пробормотала нѣсколько словъ, выхваляя благоразуміе и осторожность Лади Эдифи.

— Осторожность! подхватила другая, это лишь гордость и чванство, чтобы прослыть благоразумнѣйшею изъ всѣхъ насъ. Нѣтъ, я не отступлюсь отъ небольшаго своего торжества. Вамъ самимъ слиш-

комѣ извѣстно, что какѣ скоро вѣ чемѣ проступишся, то никто такѣ искусно не умѣетѣ уличить васѣ, какѣ Лади Эдифѣ, хоть и самымѣ вѣжливымѣ образомѣ. Но вотѣ и она сама.

Приходѣ обѣявленной особы вѣ этотѣ покой, обозначился тѣнію на полотнѣ, проходящею вѣ доль перегородки, покуда не смѣшалась она сѣ прочими. Не смотря на горестное заблужденіе и оскорбительный сѣ нимѣ поступокѣ, который повидимому происходилѣ отѣ насмѣшки или глупой прихоти Королевы Беренжеры, супруги Ришарда, говорящей громче всѣхѣ и повелительно, Рыцарь находилѣ несказанное утѣшеніе видя, что Эдифѣ не участвовала вѣ гнусномѣ ихѣ заговорѣ противѣ него, и послѣдующая сцена возбудила любопытство его до такой степени, что онѣ вмѣсто того, чтобы слѣдуя благоразумію, вѣ минуту удалится, сталѣ искать щелки, вѣ которую бы глаза его могли также какѣ и уши, участвовать во всемѣ происходящемѣ.

Конечно, говорилъ онъ самъ въ себѣ, Королева, которой вздумалось позабавиться надо мной, подвергая опасности честь мою, а можетъ статься и самую жизнь, не имѣетъ уже права жаловаться на меня, что я пользуясь представившимся мнѣ благопріятнымъ случаемъ, хочу узнать, какъ далеко простирается ее недоброжелательство ко мнѣ.

Однакожъ, казалось, что Эдифъ ожидала повелѣній Королевы; а ея Величество не осмѣливалась говорить, боясь, чтобы не расхохотаться, и не надѣясь удержать въ должномъ почтеніи свиту свою, потому что Сиръ Кеннетъ слышалъ только перешепты ея съ придворными дамами, удерживающими смѣхъ свой.

— Ваше Величество, сказала наконецъ Эдифъ, кажется въ веселомъ расположеніи духа, хоть въ теперишній часъ лучше было бы думать о снѣ. Я сбиралась уже ложиться спать, какъ меня позвали къ Вашему Величеству.

— Я не долго замедлю ваше успокоеніе, сестрица, отвѣчала Коро-

лева. Однакожъ, я боюсь встревожить сонъ вашъ, обълвивъ вамъ, что я выиграла закладъ свой.

— Вы слишкомъ озабочиваетесь шуткою, которая такъ давно уже продолжается, что должна прискучить вамъ. Я не билась съ вами объ закладъ, хоть Вашему Величеству и угодно предполагать и утверждать противное.

— Не смотря на наше богомолье, прелестная сестрица, сатана все еще одерживаетъ верьхъ надъ вами, и заставляетъ васъ прибѣгать ко лжи. Не ужъ ли вы станете запираться, что не бились объ закладъ со мной, вашимъ яхонтовымъ перстнемъ противъ моей золотой бреслеты, что этотъ Рыцарь Барса, или какъ бы ни называли его, устоитъ противъ всѣхъ обольщенiй, и не покинетъ своего поста?

— Чрезмѣрное мое уваженiе къ Вашему Величеству, не позволитъ мнѣ противорѣчить вамъ; но всѣ эти дамы, если только имъ будетъ угодно, засвидѣтельствуютъ, что вы сами, Ваше Величество, предла-

гали мнѣ этотъ закладъ; сами сняли съ руки моей перстень, тогда какъ я утвердительно объявила вамъ, что не почитаю приличнымъ ни лѣтамъ моимъ, ни моему полу, утверждать или что либо прозакладывать о такомъ предметѣ.

— Но вы не можете отпереться, Лади Эдифъ, сказала одна изъ придворныхъ дамъ Королевы, чтобъ вы не заступались за Рыцаря Барса, и не ручались бы за его храбрость.

— А еслибъ это такъ и было, съ живостью возразила Эдифъ, то развѣ это даетъ вамъ право вмѣшиваться въ нашъ разговоръ, чтобы поддержать веселость Ея Величества? Я говорила о немъ, по словамъ всѣхъ мущинъ, которые видали его сражающимся, и столько же мало имѣю права защищать его, какъ вы нападать на него. Да и о чемъ же говорить женщинамъ въ лагерѣ, какъ не о воинскихъ подвигахъ?

— Благородная Лади Эдифъ, сказала другая, все еще гнѣвается на меня съ Калистою за то, что мы разсказали Вашему Величеству, какъ

она уронила двѣ распуколки розъ въ Энгадскомъ придѣлѣ.

— Если Вашему Величеству, сказала Эдифъ, такимъ голосомъ, который показался Сиръ Кеннету почтительнымъ выговоромъ, не угодно ничего другаго приказать мнѣ, то я прошу позволенія итти спать.

— Молчи, Флориза, сказала Королева; мое снисхожденіе не должно заставлять тебя забываться, какая разница есть между тобой и Англійскою нашею родственницею. Но вы, прекрасная кузина, прибавила она шутливо, какъ можете вы, будучи такъ добры, укорять за минутную веселость бѣдныхъ женщинъ, которыя провели столько горькихъ дней въ слезахъ и скрежете зубовъ.

—Да возможетъ продлиться веселость Вашего Величества навсегда, отвѣчала Эдифъ; что же касается до меня, то я лучше соглашусь не улыбнуться во всю жизнь свою, нежели.....

Она умолкла, вѣроятно изъ почтенія; но по голосу ея, Сиръ Кеннетъ ясно заключить могъ о сильномъ ея волненіи.

— Простите безразсудной, но веселонравной Принцессѣ, Имперскаго дома, сказала Беренжера. Но совсѣмъ тѣмъ, что же это и за бѣда? Молодаго Рыцаря заманили сюда хитростью, онъ отлучился, или заставили его отлучиться отъ караула своего, изъ любви къ прелестной женщинѣ, на которой никто не нападетъ въ отсутствіе его. Я должна отдать справедливость вашему ратоборцу, Эдифъ, что его не иначе могли убѣдить къ тому, какъ вашимъ имянемъ.

— Праведный Боже! вскричала Эдифъ, голосомъ изъявляющимъ гораздо больше страха противъ прежняго; я надѣюсь, что Ваше Величество сказали это въ шутку, вы не могли иначе это сказать, изъ уваженія къ собственной вашей чести, и къ чести родственницы вашего супруга. Подтвердите мнѣ, Государыня, что это была одна лишь шутка, и простите мнѣ, что я съ минуту могла усумниться въ томъ.

— Лади Эдифъ, сказала Королева съ неудовольствіемъ, досадуетъ о

проигрышѣ своего перстня. Мы возвращаемѣ вамѣ залогѣ вашѣ, прелестная сестрица; только не укоряйте насѣ за маленькое торжество, одержанное надѣ вашимѣ благоразуміемѣ, которое вы простирали иногда надѣ нами какѣ знамя, служащее защитою войску.

— Торжество! Государыня, вскричала Эдифѣ сѣ негодованіемѣ, торжество! Конечно, невѣрные восторжествуютѣ узнавѣ, что Англійская Королева можетѣ подвергать насмѣшкамѣ и поруганію доброе имя родственницы своего супруга.

— Вы сокрушаетесь о потерѣ любимаго вашего перстня, прелестная кузина, сказала Королева; но когда вамѣ такѣ тягостно разставаться сѣ закладомѣ своимѣ, то мы отступаемся отѣ нашихѣ правѣ. Вашимѣ имянемѣ, вашимѣ перстнемѣ вызвали сюда этаго Рыцаря, и мы теперь не заботимся больше о приманкѣ, какѣ скоро рыбка попала на уду.

— Государыня, возразила Эдифѣ сѣ нетерпѣніемѣ, вамѣ слишкомѣ извѣстно, что все, что я имѣю, при-

надлежитъ Вашему Величеству, какъ скоро вы изъявите хотя малѣйшее на то желаніе; но я охотно отдала бы полный четверикъ яхонтовъ только за то, чтобъ не употребляли ни моего перстня, ни моего имяни, для вовлеченія въ проступокъ храбраго Рыцаря, которымъ можетъ онъ заслужить безславіе и наказаніе.

— О! такъ насъ устрашаетъ безопасность нашего вѣрнаго Рыцаря, сказала Королева. Дешево же вы цѣните наше могущество, прелестная кузина, если полагаете, чтобы шалость, которую мы позволили себѣ, могла стоить кому нибудь жизни. Не одна Лади Эдифъ можетъ имѣть вліяніе надъ воинами, закованными въ желѣзо и сталь. И сердце самаго льва составлено не изъ мрамора, оно бываетъ мягче воска; повѣрьте мнѣ, я довольно пользуюсь милостьми Ришарда, чтобы избавить Рыцаря, въ которомъ Лади Эдифъ принимаетъ такое участіе, отъ наказанія, хотя онъ и заслуживаетъ его, ослушавшись въ исполненіи Королевскихъ повелѣній.

— Умоляю васъ, Государыня, именемъ Святаго креста, вскричала Эдифъ, и Сиръ Кеннетъ съ неизъяснимымъ чувствомъ услышалъ, какъ простерлась она къ ногамъ Королевы; ради блаженной Дѣвы Маріи, и всѣхъ Святыхъ угодниковъ, размыслите напередъ о томъ, что вы хотите дѣлать! Вы еще не знаете Короля Ришарда; вы слишкомъ недавно его супругою, вы скорѣе можете задуть полночный вѣтеръ, не смотря на всѣ его усилія и порывы, нежели успѣете убѣдить своими словами о прощеніи здѣланнаго проступка противъ воинскаго порядка. Ради самаго Бога, отошлите скорѣе назадъ этаго рыцаря, если вы точно заманили его сюда. Я почти готова принять на себя весь стыдъ здѣланнаго ему приглашенія сюда, если узнаю, что онъ возвратился къ своему посту, куда призываетъ его теперь долгъ его, и гдѣ присутствіе его необходимо.

— Встаньте, сестрица, встаньте, сказала Королева, и будьте увѣрены, что все гораздо лучше кончится, нежели вы думаете. Говорю

вамъ, встаньте, милая Эдифъ: мнѣ досадно, что я здурачилась, и сыграла такую штуку съ рыцаремъ, въ которомъ вы принимаете такое живѣйшее участіе. Не ломайте такъ рукъ своихъ, я охотно вѣрю, что вы ни мало не заботитесь о немъ. Я всему повѣрю, въ угодность вашу, только не хочу видѣть васъ въ такомъ сокрушеніи. Говорю вамъ, что я готова обвинить себя во всемъ, и оправдать передъ Ришардомъ прекраснаго вашего Сѣвернаго друга, или вашего знакомца, если вы не хотите признать его вашимъ другомъ. Не глядите на меня съ такою укоризною, мы препоручимъ Небектамюсу отослать назадъ этаго рыцаря знамя. Онъ вѣрно спрятанъ въ которой нибудь изъ ближнихъ палатокъ.

— Клянусь лилейною моею короною и водянымъ скиптромъ, сказалъ Небектамюсъ, что Ваше Величество ошибаетесь. Онъ гораздо ближе отсюда, нежели вы полагаете; онъ спрятанъ здѣсь, за этимъ холстомъ.

— И вѣрно слышалъ весь разговоръ нашъ! вскричала Королева, из-

умленная вѣ свою очередь такимѣ обѣявленіемѣ. Вонѣ отсюда, глупое и ядовитое чудовище!

Едва произнесла она эти слова, какѣ Небектамюсѣ убѣжалѣ, испустивѣ пронзительный визгѣ; намѣ позволено усумниться, ограничилась ли Королева однимѣ выговоромѣ, и не присоединила ли кѣ тому какихѣ ощутительнѣйшихѣ знаковѣ своего гнѣва.

—Что теперь намѣ дѣлать! спросила Королева у Эдифи вѣ полголоса, сѣ очевиднымѣ безпокойствомѣ.

— То, чего требуютѣ обстоятельства, сѣ твердостью отвѣчала Эдифь; должно призвать рыцаря, и просить у него извиненія.

И не медля ни минуты, она подошла кѣ перегородкѣ отдернуть занавѣсѣ, служившій вмѣсто двери того и другаго покоя.

— Ради Бога, не дѣлайте ничего, вскричала Королева. Подумайте. . . . моя горница.... часѣ полуночи, наше одѣянье. . . . моя честь.

Но прежде, нежели она успѣла проговорить свои представленія, занавѣсѣ былѣ уже отдернутѣ, и ничто

больше не загорожало ихъ отъ рыцаря.

Палящій зной восточной ночи, заставилъ Королеву съ ея придворными дамами одѣться гораздо легче и простѣе нежели позволяло ихъ званіе, и требовало присутствіе рыцаря. Королева вспомнивъ то, вскрикнула, и бросилась вонъ изъ покоя, куда вошелъ тогда рыцарь, поспѣшая на другую половину шатра; за нею послѣдовали и всѣ женщины, выключая Эдифи, которая бывъ огорчена и взволнована, желая нетерпѣливо скорѣе обьясниться съ Шотландскимъ рыцаремъ, можетъ быть и забыла, что волосы ея были въ совершенномъ безпорядкѣ, и что сама она была одѣта неприличнымъ образомъ для знатной дѣвицы, въ тѣ времяна, когда благопристойность состояла больше въ скромности, нежели въ жеманствѣ и пустыхъ предразсудкахъ. Легкое шелковое платье, карнатоваго цвѣта, совсѣмъ распущенное, составляло главное ея одѣяніе; она наскоро надѣла на босую ногу восточные туфли, и богатый эшарфъ небрежно на-

брошенъ былъ на плечахъ ея. Одни лишь волосы ея распущенные въ безпорядкѣ, разсыпаясь по всему стану, служили ей вмѣсто покрывала, отчасти закрывая черты лица ея, которыя отъ смущенія и негодованія, смѣшанныхъ съ другимъ сильнѣйшимъ чувствомъ, покрывалось живѣйшимъ румянцемъ.

Хотя она и чувствовала свое положеніе, со всею разборчивостію, составляющею главную прелесть ея пола, но ни минуты не поколебалась преодолѣть свою робость, для исполненія своей обязанности, какъ полагала она, противъ рыцаря, вовлеченнаго обманомъ въ заблужденіе, который легко могъ пострадать за нее. Она лишь ограничилась тѣмъ, что поставила на столъ бывшую въ рукахъ ея лампаду, ярко освѣщавшую ее, и расправила шарфъ свой на шеѣ и на плечахъ; тогда какъ Сиръ Кеннетъ стоялъ неподвижно на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился онъ при отдернутомъ занавѣсѣ; вмѣсто того чтобъ отдалиться, Эдифь подвинулась къ нему, вскричавъ:

— Поспѣшите возвратиться скорѣй къ вашему посту, храбрый рыцарь. Васъ обманули, чтобы заманить сюда. Не разспрашивайте меня ни о чемъ.

— Мнѣ не о чемъ спрашивать васъ, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, преклонивъ колѣно передъ ней, съ почтительнымъ подобострастіемъ, какъ бы передъ святилищемъ, опустивъ глаза въ землю, страшась, чтобы взглядъ его не удвоилъ смущеніе Эдифи.

— Все ли вы слышали? вскричала Эдифь съ нетерпѣніемъ. За чѣмъ же медлить здѣсь, когда каждая протекшая минута угрожаетъ вамъ опасностью или посрамленіемъ?

— Я знаю, что посрамилъ себя, и изъ устъ вашихъ слышалъ приговоръ свой. Что мнѣ нужды до наказанія? мнѣ остается объ одномъ только просить васъ; я брошусь между Музульманскихъ сабль, и посмотрю, омывается ли безчестіе кровію.

— Избави васъ Богъ, не предпринимайте ничего, не оставайтесь здѣсь дольше, будьте осторожны;

все пойдетъ хорошо, если вы поспѣшите скорѣе къ вашему посту.

—Я ожидаю только отъ васъ прощенія въ томъ, что осмѣлился возмечтать, что покорныя услуги мои могутъ быть вамъ полезны, и заслужать хоть искру вашего уваженія.

— Я прощаю васъ; о! мнѣ не въ чемъ васъ прощать, я одна виною вашего нещастія. Но, ступайте, ступайте скорѣе. Да, да, я прошу васъ, я стану уважать васъ, какъ уважаю каждаго храбраго крестоносца, если вы сію же минуту уйдете.

— Примите напередъ драгоцѣнный и пагубный этотъ залогъ, сказалъ рыцарь, все еще стоя на колѣняхъ, и подавая Эдифѣ, здѣлавшей новый знакъ нетерпѣнія, полученный имъ отъ Небектамюса перстень.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала она, отказываясь принимать его; сохраните его, сохраните его какъ знакъ моего уваженія, моихъ соболѣзнованій, хотѣла я сказать; но ступайте, если не для себя, то пусть это будетъ ради меня.

Участіе, принимаемое по видимому Эдифью вЪ безопасности его, почти вознаградило его за утраченную имЪ честь, о чемЪ услышалЪ онЪ отЪ нее самой; онЪ всталЪ, и устремивЪ сЪ минуту глаза свои на Эдифь, низко поклонясь ей, удалился. ВЪ то же мгновеніе робкая стыдливость, которую преодолѣли на время пылкія чувства Эдифи, овладѣли тогда ею, и она вышла изЪ покоя, задувЪ лампаду, оставивЪ какЪ душу, такЪ и тѣло рыцаря вЪ совершенной мглѣ.

Первая мысль, выведшая его изЪ задумчивости, была скорѣе повиноваться ей, и онЪ поспѣшно сталЪ отыскивать то мѣсто, вЪ которое онЪ вошелЪ вЪ шатерЪ; но ему многаго труда бы стоило, вЪ потьмахЪ различить, гдѣ удобнѣе приподнять полотно для выхода, а на это потребно было много времяни и вниманія; и такЪ, для сокращенія всѣхЪ трудностей, ему не оставалось другаго средства, какЪ кинжаломЪ прорѣзать себѣ отверстіе. ВышедЪ на чистый воздухЪ, онЪ такЪ удрученЪ былЪ стеченіемЪ различныхЪ чувствЪ, что не вЪ силахЪ

будучи ихъ разобрать, стоялъ какъ изступленный: наконецъ вспомнилъ онъ, что Лади Эдифь велѣла ему поспѣшать, но запутанный въ веревкахъ и столбикахъ, служившихъ для прикрѣпленія палатки, и страшась разбудить стражу, помѣщенную передъ Королевинымъ шатромъ, онъ принужденъ былъ итти съ осторожностью, покуда достигнулъ входа въ лагерь, куда привелъ его Карла, подвигаясь тихимъ шагомъ впередъ, чтобы не встревожить стражи паденіемъ своимъ, или стукомъ своего оружія.

Легкое облако застлало луну, при выходѣ его изъ шатра, и это было новымъ для него затрудненіемъ, тогда какъ всѣ мысли кружились въ головѣ его, а сердце такъ растрогано, что въ немъ едва ли оставалось сколько нибудь присутствія ума. Вдругъ достигли до слуха его звуки, которые въ мгновеніе возвратили ему всю силу души и тѣлесную бодрость. Они отдавались съ горы Св. Георгія. Сначала услышалъ онъ лай громкой, ярый и грозный; и почти

вѣ слѣдѣ за тѣмѣ, раздался испустившійся вой умирающей собаки.

Никогда еще серна не бросалась такѣ быстро при лаѣ Росвальда, какѣ устремился Сирѣ Кеннетѣ, когда послышался ему послѣдній вопль умирающаго благороднаго этаго животнаго, которое будучи слишкомѣ горделиво, не стало бы выть при нанесенной ей легкой ранѣ; онѣ вѣ минуту пробѣжалѣ пространство, отдѣлявшее лагерь отѣ горы, достигнулѣ до нее, не смотря на полное свое вооруженіе, гораздо прытче, нежели кто другой могѣ бы то здѣлать безѣ всякаго вооруженія; взбѣжалѣ по крутизнѣ ее, не убавляя шага, и черезѣ нѣсколько минутѣ очутился на площадкѣ.

Луна пробилась тогда сквозь застилавшее ее облако, и при свѣтѣ ея онѣ увидѣлѣ, что Англійское знамя пропало: поддерживающее его древко, было повержено на землю и раздроблено вѣ мѣлкіе куски, а вѣрная его собака, растянувшись близь него, казалось испускала духѣ свой.

КНИГА V.

„И такъ, я утратилъ честь свою, сокровище, которое въ молодости охранялъ я съ такимъ тщаніемъ, для украшенія моей старости! — Быстрый потокъ твой превратился въ мутный, изсякшій ручей, гдѣ обнажились кремнистые камни, и ребенокъ безъ труда переходитъ его въ бродъ.“

Донъ Савостьянъ.

Сначала, первая мысль изумленнаго и пораженнаго Сиръ Кеннета была, отыскивать виновниковъ, нанесшихъ оскорбленіе Англійскому знамю; но какъ приступить къ тому? гдѣ найти похитителя? Вторая мысль можетъ быть покажется странною тѣмъ, кто не испыталъ привязанности къ собакамъ, была увѣриться, въ какомъ положеніи находится вѣрный Росвальдъ, повидимому смертельно раненый, исполнившій долгъ свой гораздо лучше рыцаря, который увлеченный обольщеніемъ, покинулъ ввѣренный ему постъ. Онъ ласкалъ умирающее животное, и Росвальдъ, бывъ вѣренъ

до конца жизни, казалось забывалъ собственную боль, чтобъ изъявить радость свою о возвращеніи Сиръ Кеннета; онъ продолжалъ махать хвостомъ и лизать его руки, выражая самыми стонами, что рыцарь умножалъ его страданія, стараясь вытащить изъ раны его обломокъ копья, остававшагося въ ней; и потомъ возобновилъ свои ласки, какъ бы опасаясь оскорбить своего господина, показывая, что попеченія его умножали боль его. Знаки привязанности, истощаемые благороднымъ этимъ животнымъ, разливали новое прискорбіе въ душѣ Сиръ Кеннета, разтерзанной стыдомъ и отчаяніемъ, потрясавшимъ все бытіе его. Казалось, что онъ лишался единственнаго своего друга въ ту минуту, когда преступилъ долгъ свой, когда подвергнулся всеобщему презрѣнію и поношенію. Скорбь одолѣла силу души рыцаря; онъ испускалъ глубокіе стоны, и слезы лились изъ глазъ его.

Тогда какъ предавался онъ горести своей, яснымъ и торжественнымъ голосомъ, подобнымъ звонкому

голосу Имана, поучающаго въ мечетяхъ, произнеслись близь него слѣдующія слова, на Левантскомъ языкѣ, равно понятномъ для Сарацинъ и Христіанъ.

— Нещастіе, подобно весеннимъ и осеннимъ дождямъ; они холодны, тягостны, непріятны для людей и животныхъ, но они же произращаютъ цвѣты и плоды; они пораждаютъ розу, финикъ и гранату.

Рыцарь Барса оборотился къ говорящему, и увидѣлъ Маврскаго лѣкаря, который приближась къ нему не бывъ имъ примѣченъ, сѣлъ позади его не много поодаль, поджавъ ноги, и съ важностію, но съ участіемъ произносилъ нравоучительныя поученія, почерпнутыя имъ изъ Корана и его послѣдователей, по обычаю Восточныхъ народовъ, полагающихъ, что мудрость не въ томъ состоитъ, чтобы выставлять собственныя свои свѣденія, но чтобы заимствовать поученія изъ завѣта своего, умѣть удержать ихъ въ памяти своей, и кстати помѣщать.

Сиръ Кеннетъ стыдясь, что его застали плачущимъ какъ женщину,

съ негодованіемъ отеръ слезы свои, и снова началъ ухаживать за умирающею своею любимицею.

— Стихотворецъ говоритъ, продолжалъ Эль Гакимъ, какъ бы не примѣчая мрачнаго вида и поникшаго взора рыцаря: — Волъ созданъ для долины, верблюдъ для пустыни. Лѣкарской рукѣ приличнѣе будетъ цѣлить раны, нежели солдатской, хотя онъ и лучше умѣетъ наносить ихъ.

— Етотъ больной, Гакимъ, не въ силахъ уже пользоваться твоею помощію, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ. Въ добавокъ, по закону твоему, собака принадлежитъ къ числу нечистыхъ животныхъ.

— Когда Алла соблаговолилъ даровать ей жизнь, надѣлить чувствомъ радости и скорби, сказалъ лѣкарь, то непростительно бы было мудрецу, имъ озаренному, отказать ей въ продолженіи бытія ея, или въ облегченіи ея страданій. Дай мнѣ осмотрѣть рану этаго животнаго.

Сиръ Кеннетъ молча согласился на то, и лѣкарь осмотрѣлъ рану Росвальда съ такимъ же вниманіемъ

и съ такимъ же попеченіемъ, какъ бы рана была человѣческая. Потомъ, взявъ связку инструментовъ, съ величайшимъ искуствомъ вынулъ обломокъ остававшагося оружія въ плечѣ собаки, и остановилъ теченіе крови примочкою, перевязавъ рану. Бѣдное животное очень терпѣливо выдержало операцію, какъ бы чувствуя благотворныя намѣренія пекшагося о немъ.

— Это животное можетъ вылѣчиться, сказалъ Эль Гакимъ, обращаясь къ Сиръ Кеннету, если ты позволишь отнесть его въ мою палатку, и велишъ мнѣ лѣчить его съ тѣмъ стараніемъ, котораго заслуживаетъ славная его порода. Да будетъ извѣстно тебѣ, что покорный твой слуга, Адонебекъ, не меньше знающь въ породахъ и качествахъ собакъ, лошадей, какъ и въ искуствѣ излѣчать болѣзни, которымъ подверженъ человѣческой родъ.

— Вели же отнесть ее, отвѣчалъ Рыцарь, я охотно тебѣ дарю ее, если ты оживишь ее. Къ тому же, я еще долженъ заплатить тебѣ за попеченія твои о моемъ щитоносцѣ,

и мнѣ не чѣмъ больше одарить тебя. Что же принадлежитъ до меня, то охота моя кончилась, и рогъ мой не будетъ уже сзывать собакъ на травлю.

Мавръ не отвѣчалъ ни слова, хлопнулъ въ ладоши, и по данному имъ знаку тотчасъ явились два черные невольника. Онъ далъ имъ повелѣніе на Арабскомъ языкѣ, получивъ въ отвѣтъ: слышимъ и повинуемся. — Они взяли тотчасъ на руки животное, и понесли его безъ большаго сопротивленія со стороны Росвальда, потому, что хотя глаза его устремлялись на рыцаря, но силы были слишкомъ слабы, чтобы защищаться отъ нихъ.

— Прости, мой Росвальдъ, сказалъ Сиръ Кеннетъ; прости, последній и единственный другъ мой, ты слишкомъ благороденъ, чтобы принадлежать такому презрѣнному существу, какимъ я сталъ. Какъ желалъ бы я, прибавилъ онъ, тогда какъ невольники удалялись, промѣняться участью своею съ этимъ благороднымъ животнымъ, хотя оно и умирающее.

— Писано, сказалъ лѣкарь, хотя это восклицаніе и не къ нему относилось, что всѣ твари созданы на службу человѣка, а царь земли, унижаетъ себя до такой крайности, что въ малодушіи своемъ, желалъ бы промѣнять настоящія и будущія свои надежды, на низкую долю презрѣнной твари.

— Собака, которая нещадитъ своего живота, для исполненія своей обязанности, съ силою отвѣчалъ рыцарь, превосходитъ человѣка, забывшаго свой долгъ. Оставь меня, Гакимъ; ты обладаешъ въ вышней степени чудеснымъ даромъ излѣчать тѣлесныя болѣзни; но душевныя немощи свыше силъ твоихъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ Адонебекъ, если страждущій захочетъ только объявить скорбь свою, и станетъ слѣдовать совѣтамъ лѣкаря.

— Знай же, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, когда ты такъ не отступенъ, что въ нынѣшнюю ночь, Англійское знамя развѣвалось на этомъ возвышеніи; мнѣ поручено было охранять его; утренняя заря уже занимается;

ты видишь это древко раздробленнымъ, знамя пропало, а я здѣсь, я здѣсь стою и живъ еще.

— Какъ! сказалъ Эль-Гакимъ, осматривая его; кольчуги и латы твои цѣлы; копье и мечь твой не окровавлены, ты слывешь храбрымъ человѣкомъ, и не могъ бы уступить знамя безъ сраженія. Ты вѣрно вдался въ обольщеніе; оставилъ постъ свой, для алыхъ щекъ и черныхъ глазъ какой нибудь изъ вашихъ Гурій, которымъ вы, Назаряне, воздаете почести, приличныя одному лишь Аллѣ, пламенѣя къ нимъ безразсудною любовію, несовмѣстною съ нашимъ бреннымъ существомъ; точно, я не обманываюсь.

— А если бы это такъ и было, лѣкарь, сказалъ рыцарь, съ мрачнымъ видомъ, то гдѣ же средство къ исцѣленію.

— Знанія преодолѣваютъ могущество, какъ мужество замѣняетъ силу. Послушай меня. Человѣкъ не дерево, приросшееся корнемъ къ землѣ; онъ не сотворенъ раковиною, чтобы прилипать къ кремнистой

горѣ, хотя она и ничтожнѣйшая изъ одушевленныхъ существъ.

— Какое же сношеніе все это имѣетъ со мною? спросилъ Шотландецъ.

— Ты услышишь, отвѣчалъ лѣкарь; даже и мудрецъ укрывается отъ возстающей бури, которой онъ не въ силахъ преодолѣть. Итакъ, поспѣшай; бѣги отъ мщенія Ришарда, и уклонись подъ тѣнь побѣдоноснаго знамя Саладина.

— Правда, съ насмѣшкою сказалъ Рыцарь, я могъ бы скрыть позоръ свой во станѣ невѣрныхъ язычниковъ, гдѣ даже неизвѣстно и значеніе слова чести. Не лучше ли было бы мнѣ совсѣмъ присоединиться къ нимъ? не присовѣтуешь ли мнѣ здѣлаться Музульманомъ? Правда, къ довершенію моего безчестія, не достаетъ только богоотступничества.

— Не ругайся надъ нами, Назаряниномъ! вскричалъ съ твердостью Эль Гакимъ. Саладинъ никого не приневоливаетъ обращаться въ Магометовъ законъ. Если ты будешь озаренъ свѣтомъ истинны, то великій

Султанѣ, котораго щедроты не из-
числимы, какѣ не измѣрима власть
его, можетѣ даровать тебѣ царство;
если же ты захочешѣ оставаться вѣ
слѣпотѣ своей, подвергая будущую
жизнь свою скорбямѣ, то Саладинѣ
и тогда обогатитѣ тебя, устроитѣ
щастіе твое вѣ здѣшней жизни. Но
знай, что чело твое не прежде укра-
сится чалмой, какѣ по собственному
твоему желанію и произволу.

— Скорѣе соглашусь я, вкусить
позорную казнь, которая совершит-
ся надо мной до захожденія солнца.

—Ты безразсудно дѣлаешѣ отвер-
гая предложеніе мое, Назарянинѣ;
знай, что я пользуюсь довѣрен-
ностію Саладина, и могу завѣрить
тебя вѣ милостяхѣ его. Размысли
хорошенько, сынѣ мой. Крестовой
вашѣ походѣ, который вы сами на-
зываете безразсуднымѣ предпрія-
тіемѣ, подобно огромному кораблю,
разбитѣ бурными волнами. Ты самѣ
былѣ отправленѣ кѣ могуществен-
ному Саладину сѣ мирнымѣ предло-
женіемѣ, отѣ имяни всѣхѣ союз-
ныхѣ Государей и Князей, распо-
ложенныхѣ вѣ здѣшнемѣ станѣ; но

едва ли знаешь ты, въ чемъ состоять эти предложенія.

— Не знаю, и не забочусь знать о нихъ, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ Кеннетъ. Что мнѣ въ томъ, что я былъ Княжескимъ посломъ, когда на утро трупъ мой съ позоромъ будетъ выставленъ на висѣлицѣ!

— Слова мои способствуютъ къ избавленію тебя отъ этаго бѣдствія, возразилъ Адонебекъ. Саладинова дружества ищутъ всѣ; Князья, составляющіе противъ него враждебный союзъ, предлагали ему на самыхъ выгоднѣйшихъ условіяхъ миръ, которыя, въ другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, и не отвергнулъ бы онъ. Многіе изъ Владѣтелей, даже дѣлали ему особенныя предложенія, договариваясь удалить войска свои изъ христіанскаго стана, для присоединенія ихъ къ Султановой арміи, на защиту Магометова знамя. Но Саладинъ не хочетъ пользоваться такимъ вѣроломствомъ, измѣною, основанною на личной ихъ корысти. Царь Царей не иначе хочетъ договариваться о мирѣ, какъ съ Королемъ

Львомъ. Саладинъ рѣшительный подпишетъ миръ только съ Мелекъ-Рикомъ; съ нимъ однимъ хочетъ онъ заключить условія, или сразиться какъ съ храбрѣйшимъ поборникомъ. Онъ дозволитъ свободный пропускъ богомольцамъ въ Іерусалимъ, и по всѣмъ мѣстамъ, святимымъ Назарянами. Онъ даже согласится раздѣлить Имперію свою, съ братомъ своимъ Ришардомъ, позволивъ ему помѣстить христіанскіе гарнизоны въ шести укрѣпленныхъ городахъ Палестины, равно какъ и въ Іерусалимѣ, которые будутъ состоять подъ непосредственною властію полководцевъ Короля Ришарда, соглашаясь даже признать его въ званіи сторожеваго Короля Іерусалима. Какъ ни странно, какъ ни невѣроятно это покажется тебѣ, Сиръ Рыцарь, но, полагаясь на скромность твою, и зная, что ты способенъ хранить важнѣйшія тайны, скажу тебѣ еще одну такую вещь, которая покажется тебѣ еще невѣроятнѣе. Знай, что Саладинъ, для укрѣпленія священнаго, блаженнаго этаго союза, между двухъ благороднѣйшихъ, храб-

рѣйшихъ Государей Франчистаніи и Азіи, возведетъ на степень супруги своей Христіанскую дѣвицу, отъ поколѣнія Короля Ришарда, извѣстную подъ имянемъ Эдифи Плантагенетъ (1).

— Возможно ли? вскричалъ Сиръ Кеннетъ, слушавшій его безъ вниманія и разсѣянно, покуда не произнесъ онъ послѣднихъ этихъ словъ, живо поразившихъ его, какъ раненый членъ при всемъ онѣмѣніи тѣла, от-

(1) Предложеніе это можетъ показаться сверхъ-естественнымъ и неправдоподобнымъ. Я считаю необходимымъ увѣрить о существенности онаго. Но вмѣсто Эдифи, историки упоминаютъ о вдовствующей Наварской Королевѣ, сестрѣ Саладина, и вмѣсто этаго Султана, поставляютъ одного изъ его братьевъ. Имъ повидимому, неизвѣстно было существованіе Эдифи Плантагенетъ. Смотри *Исторію крестоваго похода*, *Милля*, *Кн: II*, *страница 61*.

Означенное твореніе Милля мало извѣстно; пусть смотрятъ въ превосходномъ твореніи Мишо о томъ же предметѣ.

зывается ужасною болію, когда до него дотронутся. Но, преодолѣвъ себя свыше силъ, онъ укротилъ чувства свои, умѣрилъ негодованіе, скрывъ его подъ презрительною усмѣшкою сомнѣнія, продолжая разговоръ, чтобы вывѣдать отъ него всѣ подробности злоумышленнаго заговора, какимъ почиталъ онъ этотъ планъ, посягающій на честь и благосостояніе той, которую не переставалъ онъ боготворить, хотя страсть его къ Эдифѣ, подвергнувъ его обольщенію, разрушила все щастіе и обезславила его.

— Какой Христіанинъ, сказалъ онъ, захочетъ утвердить бракъ, противный чести и закону, Христіанской дѣвицы съ нечестивымъ Сарациномъ?

— Ты самый невѣрный и непросвѣщенный Назарянинъ, отвѣчалъ Адонебекъ. Развѣ ты не видешъ, какъ безпрестанно совершаются браки въ Гишпаніи, между Христіанскихъ благородныхъ дѣвицъ и Мусульманскихъ владѣтелей, и ни Франки, ни Мавры тѣмъ ни мало не соблазняются? Въ добавокъ, испол-

ненный довѣренности къ поколѣнію Ришарда, Саладинъ даруетъ юной Англійской дѣвицѣ ту же свободу, какою пользуются по Франчистанскимъ правамъ ваши женщины. Онъ позволитъ ей свободное отправленіе ея богослуженія, тѣмъ больше, что мы совсѣмъ не заботимся о вѣроисповѣданіи женщинъ. Онъ возвыситъ ее на степень первой Султанши, и подчинитъ ее владычеству всѣхъ женъ Зенана. Словомъ, она будетъ во всѣхъ отношеніяхъ, единственною его супругою и полномочною Королевою.

— Какъ! вскричалъ Сиръ Кеннетъ, неужъ ли ты осмѣливаешся помыслить, Музульманинъ, что Ришардъ согласится, чтобы родственница его, добродѣтельная и знаменитая Принцесса, стала первою наложницею Музульманскаго Гарема? Познай, Гакимъ, что послѣдній и бѣднѣйшій изъ Христіанскихъ дворянъ, содрогнулся бы при одной мысли о такой постыдной чести.

— Ты ошибаешся, отвѣчалъ лѣкарь. Филиппъ Французской, Генрихъ Шампанской, и другіе изъ гла-

внѣйшихъ союзниковъ Ришарда, безъ содроганія выслушали это предложеніе, и обѣщались сколько можно способствовать этому союзу, которымъ прекратится бѣдственная война. Мудрый Тирской Архіепископъ взялся здѣлать о томъ предложеніе Англійскому Королю, въ полной надеждѣ склонить его къ этому союзу. Мудрый Султанъ, по благоразумію своему, еще таитъ это предпріятіе отъ другихъ владѣтелей, какъ то отъ Маркиза Монтфератскаго и Госъ-Мейстера Тампліеровъ, зная, что честолюбивые виды ихъ стремятся къ поруганію и умерщвленію Ришарда, а не къ славѣ его и продолженію жизни. И такъ, вставай, Рыцарь, и садись на коня своего. Я дамъ тебѣ письмо къ Султану, которое доставитъ тебѣ милости его. Не подумай, чтобы ты измѣнилъ тѣмъ своему отечеству, его пользѣ или своей религіи; выгоды обоихъ монарховъ здѣлаются скоро общими. Саладинъ съ удовольствіемъ выслушаетъ твои совѣты, на щетъ многихъ вещей, касающихся до Христіанскихъ браковъ, до ихъ обраще-

нія съ ихъ женами, и во многихъ другихъ отношеніяхъ на щетъ ихъ законовъ, обычаевъ, которые необходимо ему знать, при заключеніи подобнаго союза. Правая рука Султана, разсыпающая всѣ милости Востоку, есть неисчерпаемый источникъ; если же ты захочешъ, то Саладинъ, здѣлавшись союзникомъ Англіи, безъ труда можетъ выпросить тебѣ у Ришарда не только прощеніе, и введетъ тебя въ прежнюю милость къ нему, но посредствомъ его, тебѣ дадутъ начальство надъ частію Англійскихъ войскъ, оставленныхъ имъ въ Палестинѣ, для подкрѣпленія здѣшней его власти, и Саладинова правленія въ Палестинѣ. Вставай же, садись на коня, и ступай къ нему, путь гладкой и ровной предлежитъ тебѣ.

—Гакимъ, отвѣчалъ Шотландской Рыцарь, ты мирный гражданинъ; ты спасъ жизнь Ришарда Англійскаго, и бѣднаго моего щитоносца. И такъ, я до конца выслушалъ тебя; но, еслибъ кто другой изъ Музульманъ, осмѣлился мнѣ здѣлать такое предложеніе, то я тотчасъ бы пересѣкъ

слова его кинжаломъ. Гакимъ, въ замѣну твоего благорасположенія, дружески совѣтую тебѣ, скажи тому Сарацину, который явится къ Ришарду съ предложеніемъ брачнаго союза, отрасли Плантагенета съ проклятымъ его поколѣніемъ, чтобы онъ оградилъ голову свою добрымъ шишакомъ, отъ грознаго удара палицы, раздробившей Акрскіе ворота. А иначе, все лѣкарское твое искуство будетъ не въ помощь ему.

— И такъ ты упорствуешъ, и не хочешъ согласиться искать убѣжища въ Сарацинской арміи? спросилъ Адонебекъ. Не забудь, что оставаясь здѣсь, ты не избѣгнешъ смерти; а законъ твой, равно какъ и нашъ, возбраняетъ человѣку прекращать жизнь свою.

— Боже сохрани меня забыться до такой крайности, сказалъ Шотландецъ, осѣнивъ себя крестомъ; но намъ также возбраняется избѣгать и наказанія, заслуженнаго нашими преступленіями; и когда ты, Гакимъ, такое слабое понятіе имѣешъ о вѣрности, то я жалѣю отдавъ тебѣ добрую мою собаку, потому

что выздоровѣвъ, она останется при такомъ господинѣ, который не будетъ знать цѣны ея.

— Подарокъ, о которомъ сожалѣютъ, уже самъ собою уничтожается, сказалъ Эль-Гакимъ. У нашихъ братьевъ лѣкарей таковъ законъ, чтобы не отсылать назадъ больныхъ, не вылѣчивъ ихъ напередъ; если же собака твоя не умретъ, то она опять будетъ твоя.

— Полно, полно, Гакимъ, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, о собакахъ и соколахъ ни слова, когда человѣку остается нѣсколько часовъ жить. Оставь меня свободно размыслить о грѣхахъ моихъ, и примириться съ небомъ.

— Я оставляю тебя въ упорствѣ твоемъ; туманомъ застилается пропасть въ глазахъ людей, обрѣченныхъ судьбою къ погибели.

Онъ удалился тихими шагами, оборачивая по времянамъ голову назадъ, какъ бы въ ожиданіи, не поколеблется ли Рыцарь, рѣшившійся предаться своему року, въ своемъ намѣреніи, отъ слова его или знака. Наконецъ, чалма его скрылась въ

многочисленныхъ палаткахъ, протянутыхъ загору святаго Георгія, обѣленныхъ блѣднымъ свѣтомъ денницы, смѣшанной съ лучами яснаго мѣсяца.

Хотя Адонебековы совѣты не произвели надъ Сиръ Кеннетомъ желаннаго имъ дѣйствія, но слова его возродили въ немъ привязанность къ жизни, и сколько ни былъ онъ обезчещенъ въ собственныхъ глазахъ своихъ, но не хотѣлъ покинуть жизни, какъ сбрасываютъ съ себя запятнанную одежду, въ которой уже не прилично показаться въ свѣтѣ. Множество обстоятельствъ, происходившихъ между имъ и пустынникомъ въ Энгади, или бывшихъ между затворникомъ и Шееркофомъ, или Ильдеримомъ, пришедшихъ тогда ему на память, подтвердили ему слышанное отъ Маврскаго лѣкаря, на щетъ тайнаго условія въ предлагаемомъ договорѣ.

Онъ говорилъ о невѣрномъ мужѣ, обращенномъ Христіанскою женою. И почему знать, можетъ статься, измѣнникъ показывалъ Эдифъ Плантагенетъ Сарацину, чтобы онъ

могъ собственными глазами судить, достойна ли она вступить въ сѣраль его? Еслибъ попался мнѣ вдругорядь этотъ язычникъ, какъ случилось ему попасться мнѣ въ руки нѣсколько дней тому назадъ, то конечно уже не удалось бы ему вырваться изъ нихъ, и не онъ бы явился въ здѣшній станъ съ поноснымъ предложеніемъ для чести Христіанскихъ Королей, и знаменитой, добродѣтельной дѣвицы. Но, что могу теперь здѣлать я, которому остается нѣсколько минутъ жизни! Что нужды! покуда длится еще жизнь, покуда я дышу, возможно еще что нибудь здѣлать, и я это здѣлаю безъ отлагательства.

Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ бросилъ шишакъ свой, и направилъ шаги свои къ шатру Ришарда.

КНИГА VI.

„Утренній пѣвецъ возвѣщалъ селенію наступленіе дня; Эдуардъ видѣлъ, какъ ночь удалялась въ облакахъ, уступая мѣсто ясному утру: крикъ чернаго ворона раздаваясь въ дали, угрожалъ нещастіемъ. — Я слышу тебя, сказалъ Принцъ, жалостный крикъ твой возбуждаетъ ярый гнѣвъ мой. Клянусь свѣтозарнымъ престоломъ Бога силы и добродѣтели, что до захожденія солнца, до конца дня пресѣкнется жизнь Карла Бодуина."

Шатертонъ.

Ришардъ оставивъ Сиръ Кеннета при знамѣ, послѣ бури, возмутившей вечернее его успокоеніе, возвратился въ свой шатеръ, въ полной довѣренности на безпредѣльное свое мужество, довольный одержаннымъ имъ торжествомъ надъ своимъ соперникомъ, въ присудствіи всего Христіанскаго воинства и большаго числа полководцевъ, между которыми, извѣстно ему было, многіе въ тайнѣ щитали униженіе Австрійскаго Эрцъ-Герцога своимъ собственнымъ. И такъ, гордость его

услаждалась смиреніемъ ста враговъ въ лице одного униженнаго имъ непріятеля.

Другой Монархъ, на мѣстѣ Ришарда, удвоилъ бы стражу свою на эту ночь, послѣдующую за такимъ бурнымъ происшествіемъ, и покрайности половинному числу своего войска, велѣлъ бы остаться подъ ружьемъ. Напротивъ же, Львиное-Сердце распустилъ даже и обыкновенную свою стражу, велѣвъ раздать солдатамъ вина, чтобы они праздновали его выздоровленіе, и пили въ честь знамя Святаго Георгія. Изъ того бы и вышло, что въ занимаемомъ отводномъ мѣстѣ Англійскими войсками въ Христіанскомъ станѣ, разрушился бы весь порядокъ, не было бы ни бдительности, ни предосторожности, еслибъ Герцогъ Сализбюри, Сиръ Фома Воксъ, и другіе дворяне, не приняли благоразумныхъ мѣръ для поддержанія воинскаго порядка посреди шумнаго веселья.

Маврской лѣкарь оставался при Королѣ, съ той минуты, какъ онъ легъ спать, до полуночи, давъ ему въ

продолженіе этаго времяни два пріема питья, приготовленнаго имъ, справляяся, высоко ли подымалась луна, говоря, что вліяніе ея способствуетъ дѣйствію лѣкарства, или наноситъ вредъ. Уже было около трехъ часовъ утра, когда вышелъ онъ изъ Ришардова шатра, чтобы итти въ свою палатку, разбитую для него и свиты его. Возвращаяся къ себѣ, онъ зашелъ въ палатку рыцаря Барса, чтобы навѣдаться, каковъ прежній больной его въ Христіанскомъ станѣ, по имяни Странтанъ, щитоносецъ Сиръ Кеннета. Спросивъ гдѣ рыцарь, и узнавъ о ввѣренномъ ему постѣ, онъ отправился на гору Святаго Георгія, гдѣ и нашелъ искомаго имъ въ бѣдственномъ положеніи, описанномъ нами въ послѣдней книгѣ.

На восходѣ солнца, послышалось приближеніе вооруженнаго человѣка, идущаго медленными шагами къ Королевскому шатру; и Воксъ, спавшій тогда, сидя близь кровати своего Государя, самымъ легкимъ сномъ, подобно сторожевой собакѣ, заводящей глаза свои, едва успѣлъ вскочивъ

спросить : — кто идетъ ? какъ рыцарь Барса вошелъ въ шатеръ; мрачное облако разстилалось на мужественныхъ его чертахъ.

— Какъ осмѣлились вы безъ доклада войти въ Королевскую спальню, Сиръ рыцарь? вскричалъ Воксъ съ строгимъ видомъ, понижая голосъ свой, чтобы не нарушить успокоеніе своего Государя.

—Молчи, Воксъ, сказалъ Ришардъ, проснувшійся тогда; Сиръ Кеннетъ, какъ добрый солдатъ, пришелъ донесть намъ объ успѣхѣ своей стражи, и Генеральская палатка всегда отворена для такого воина, какъ онъ. Приподнявшись тогда и опираясь на локоть, онъ устремилъ на рыцаря большіе, яркіе глаза свои. Говорите, Сиръ рыцарь, продолжалъ онъ, вы пришли донесть мнѣ, что вы исправно отстояли постъ свой; бодрственно, достославно исполнили долгъ свой ; и все состоитъ благополучно; не такъ ли? Шумъ складокъ Англійскаго Королевскаго знамя, развѣваемыхъ вѣтромъ, достаточенъ бы былъ для охраненія его,

безъ защиты такого знаменитаго рыцаря, какимъ слывете вы.

— И какимъ уже не стану больше слыть, Государь, отвѣчалъ Кеннетъ. Не бодрственно, и не достославно исполнилъ я долгъ свой, и не все состоитъ благополучно. Англійское знамя похищено.

— И ты живъ еще, чтобы объявить мнѣ о томъ, вскричалъ Ришардъ съ усмѣшкою недовѣрчивости. Не можетъ быть! Никакъ не вѣрю. У тебя даже и лице не оцарапано. Чтожъ ты молчишъ? говори правду: не должно смѣть шутить съ Королемъ. Говори, я прощаю тебя, если ты солгалъ.

— Солгалъ, Государь, горделиво возразилъ злополучный рыцарь, съ пламеннымъ взоромъ огненныхъ глазъ своихъ, какъ отскакиваетъ искра отъ холоднаго кремня; но я заслуживаю всякое наказаніе: я доносилъ вамъ сущую правду.

— Клянусь Богомъ и Святымъ Георгіемъ! вскричалъ съ яростью Король, и потомъ умѣривъ гнѣвъ свой, продолжалъ: Воксъ, отправься на мѣсто, и узнай о всемъ. Горячка

помѣшала умъ его. Невозможная вещь. Человѣкъ этотъ на самомъ дѣлѣ доказалъ храбрость свою. Не можетъ быть, говорю; ступай же, или пошли кого нибудь вмѣсто себя, если не хочешъ самъ туда итти.

Королевскія слова были прерваны приходомъ Генриха Невиля, который, запыхавшись вбѣжалъ съ извѣстіемъ, что знамя пропало, и на рыцаря, которому было поручено охраненіе его, вѣроятно напала многочисленная сила, потому что на площадкѣ, гдѣ стояло знамя, видны кровавыя пятна.

— Но, кого я вижу здѣсь? прибавилъ Невиль, устремивъ вдругъ глаза свои на Сиръ Кеннета.

— Измѣнника, вскричалъ Король вскочивъ съ постели, и который, въ глазахъ твоихъ, получитъ достойную казнь за свое вѣроломство. Потомъ схвативъ палицу свою, стоящую всегда близь него, поднялъ ее, какъ бы готовясь ею разразить рыцаря.

Блѣдный какъ смерть, не подвижный какъ истуканъ, Шотландецъ стоялъ передъ Королемъ, съ откры-

тою головою и безъ всякой защиты, съ поникшими глазами въ землю, шевеля не много губами, вѣроятно читая про себя молитву. Передъ нимъ, и въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи, остановился Ришардъ, окутанный въ *камезіи*, родъ шлафора полотнянаго, отъ шеи до ногъ, выключая обнаженной правой руки, плеча и части груди. Онъ напрягалъ силы свои, чтобы мощною рукою нанесть ударъ, подобный одному изъ Саксонскихъ предковъ его, заслужившаго прозваніе *желѣзной руки;* простоявъ съ минуту въ грозномъ этомъ положеніи, онъ вдругъ опустилъ палицу на полъ, вскричавъ:

— Но мѣсто окровавлено; Невиль, ты видѣлъ на площадкѣ кровь. Послушай, Сиръ Шотландецъ, ты былъ прежде храбръ, я самъ видалъ тебя сражающимся. Скажи, что ты убилъ двухъ изъ этихъ собакъ, напавшихъ на знамя... иль только одного. Скажи, что ты нанесъ ударъ для защищенія его, и ступай вонъ изъ моего стана, влачить позорную жизнь свою.

— Вы назвали меня, Государь, лжецомъ, съ твердостью отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, но по крайности въ этомъ вы обидѣли меня. Узнайте, что кровь, пролитая на защиту Англійскаго знамя, кровь моей собаки; вѣрнѣе своего господина, она отстаивала постъ, отъ котораго онъ отлучился.

—Клянусь святымъ Георгіемъ, воскликнулъ Ришардъ, замахнувшись вдругорядь палицею, теперь то ты по....

Но Воксъ бросясь между Королемъ и предметомъ его гнѣва, сказалъ ему съ грубою откровенностью, свойственною ему:

—Не здѣсь, Государь, не отъ вашей руки долженъ онъ погибнуть. Довольно безразсудно на нынѣшніе сутки и того, что вы ввѣрили охраненіе своего знамя Шотландцу. Не говорилъ ли я вамъ, что ихъ должно остерегаться.

— Ты говорилъ мнѣ это, Воксъ, отвѣчалъ Король, и признаюсь, ты правъ. Мнѣ должно бы лучше знать его; я забылъ, что лукавый ихъ Вил-

ліамъ обманулъ меня на щетъ крестоваго похода.

— Государь , сказалъ Кеннетъ, Вилліамъ Шотландской никогда никого не обманывалъ; но обстоятельства воспрепятствовали ему присоединить силы свои.

— Молчи , безстыдный наглецъ! вскричалъ Король ; ты помрачаешъ имя этаго Принца, произнося его. И однакожъ, Воксъ, странно смотрѣть, какъ этотъ человѣкъ выдерживаетъ себя. Онъ долженъ быть иль трусъ, или измѣнникъ; но онъ ожидалъ безтрепетно удара Ришарда Плантагенета, когда рука моя готова была радробить черепъ его. Еслибъ я замѣтилъ въ немъ малѣйшій признакъ робости, еслибъ дрогнулъ въ немъ хоть одинъ членъ, еслибъ рѣсница его хоть мало пошевелилась, то я раздробилъ бы голову его какъ хрустальный стаканъ. Но не въ силахъ поражать, какъ скоро безтрепетно и безъ сопротивленія ждутъ моего удара!

Минутное продолжалось молчаніе.

— Государь, сказалъ Кеннетъ.....

— А! вскричалъ Ришардъ, перерывая его; наконецъ ты заговорилъ. Моли Бога о помилованіи, но не жди пощады отъ меня, потому что Англія поругана твоей виной; и если бы ты былъ братъ мой, единственный мой братъ, то нѣтъ прощенія такой винѣ.

— Я не о помилованіи себѣ прошу, отвѣчалъ Шотландецъ. Отъ воли Вашего Величества, зависитъ даровать или отказать мнѣ въ нѣсколькихъ минутахъ жизни, для приготовленія моего по долгу Христіанскому къ смерти. Если человѣкъ откажетъ мнѣ въ томъ, то Богъ разрѣшитъ прощеніе грѣховъ моихъ, котораго желалъ я получить отъ церкви. Но сію ли минуту, или черезъ полчаса умру я, я не меньше умоляю Ваше Величество даровать мнѣ минутную аудіенцію, для объявленія вамъ о такомъ дѣлѣ, которое относится къ вашей славѣ, какъ Христіанскаго Монарха.

— Говори, сказалъ Король, не сомнѣваясь услышать отъ него какое признаніе на щетъ похищеннаго знамя.

— То, что я долженъ сообщить вамъ, возразилъ Сиръ Кеннетъ, относится лично до Англійскаго Короля, и должно быть слышимо лишь Вашимъ Величествомъ.

— Выпте отсюда, господа, сказалъ Король Невилю и Воксу.

Первый тотчасъ повиновался; другой отказался отходить отъ Короля.

— Когда вы сами признались, что я правъ, сказалъ Воксъ своему Государю, то и хочу поступать какъ благоразумный человѣкъ. И на этотъ разъ не послушаюсь васъ; я не оставлю васъ одного съ этимъ измѣнникомъ Шотландцомъ.

— Какъ, Воксъ, вскричалъ Ришардъ, топнувъ о полъ ногою съ легкимъ негодованіемъ; какъ осмѣливаешся ты боятся за меня присудствія измѣнника?

— Пожалуй наморщивайте себѣ брови, топайте ногою, Государь, отвѣчалъ Воксъ, я не оставлю больнаго съ здоровымъ человѣкомъ, почти обнаженнаго съ вооруженнымъ съ головы до ногъ.

— Что нужды, сказалъ Шотландской рыцарь, я не ищу длить время и буду говорить въ присутствіи Лорда Гисландскаго. Онъ равно приверженъ, какъ и храбръ.

— Я также думалъ и о тебѣ за полчаса, сказалъ Воксъ вздохнувъ, голосомъ изъявлявшимъ горесть, смѣшенную съ досадою.

— Вы окружены измѣною, Англійской Король, продолжалъ Кеннетъ.

— Легко статься можетъ, какъ говоришъ ты, возразилъ Ришардъ; и ты на самомъ дѣлѣ доказалъ мнѣ это.

— Я говорю объ измѣнѣ, прибавилъ Кеннетъ, которая гибельнѣе будетъ для васъ потери тысячи знаменъ на полѣ сраженія. Онъ съ минуту колебался, и продолжалъ понизивъ голосъ свой: — Лади, Лади Эдиѳь. . . .

— А! вскричалъ Король, принявъ вдругъ на себя надмѣнный, внимательный видъ, и устремивъ съ тверстію глаза свои на мнимаго преступника, что ты хочешъ разсказать о ней? Что говорить тебѣ о

ней? Какое можетъ быть сношеніе между ею и тобой?

— Государь, возразилъ Шотландецъ, составленъ заговоръ противъ чести Королевскаго поколѣнія; васъ хотятъ склонить на бракъ Лади Эдифи съ Сарацинскимъ Султаномъ, чтобы этимъ союзомъ купить поносный миръ для всего Христіанства, и постыдный для Англіи.

Это объявленіе произвело совсѣмъ противное дѣйствіе противъ ожидаемаго Сиръ Кеннетомъ. Ришардъ Плантагенетъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, какъ говоритъ Іаго, не хотятъ служить Богу, когда дьяволъ побуждаетъ ихъ къ тому: свѣденія и представленія получаемыя имъ, не столько дѣйствовали надъ Ришардомъ по существенности и важности своей, какъ смотря по свойству тѣхъ лицъ, которыми сообщались они, по мнѣнію его о тѣхъ людяхъ, и по предполагаемымъ имъ въ нихъ видамъ. Имя родственницы его, привело ему на память то, что считалъ онъ всегда въ Рыцарѣ Барса чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, даже и въ то время, когда слава

гремѣла о немъ, возвышая его предъ прочими Рыцарями; но въ тогдашнемъ ничтожномъ положеніи Кеннета, казалась неукротимому Монарху, достаточнымъ оскорбленіемъ для воспламененія вновь ярости его.

— Молчи! вскричалъ онъ, безчестный и дерзкой человѣкъ! Клянусь небомъ, что велю вырвать языкъ твой раскаленными клещами, есть ли ты осмѣлишься еще разъ произнесть имя такой благородной Христіанской дѣвицы! Знай, вѣроломный измѣнникъ, что мнѣ давно извѣстно, какъ высоко осмѣливался ты простирать виды свои, и что я сносилъ это только для того, хоть и считалъ это дерзостью, что ты заслуживалъ нѣкоторое вниманіе за храбрость свою, которая оказалась теперь совсѣмъ ничтожною и вымышленною, потому что ты весь составленъ изъ лжи и обмана. Теперь же посрамленный безчестнымъ твоимъ признаніемъ, какъ осмѣливаешся ты произносить имя знаменитой родственницы нашей, въ видѣ принимаемаго тобою участія въ

судьбѣ и выгодахъ ея; и какое тебѣ дѣло, за Сарацина, или Христіанина выходитъ она замужъ? Что нужды тебѣ въ станѣ, гдѣ владѣтели превратились днемъ въ трусовъ, а ночью въ разбойниковъ, гдѣ храбрые рыцари стали бѣглецами и измѣнниками; что нужды тебѣ и всякому другому, что я хочу вступить въ родство съ Саладиномъ, вмѣщающимъ въ себѣ храбрость и праводушіе?

— Правда, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, что нѣтъ нужды въ томъ человѣку, передъ которымъ скоро весь міръ изчезнетъ; но естли вы велите и пытать меня, то я не меньше стану повторять, что донесенное мною, Вашему Величеству, слишкомъ важно для вашей совѣсти и славы. Докладываю вамъ, Государь, что естли вы только вздумаете выдать за мужъ родственницу вашу, Ладм Эдифъ. . . .

— Не произноси имяни ея! ни минуты не смѣй мыслить о ней! вскричалъ Ришардъ, снова схвативъ палицу свою и, сжавъ ее такъ крѣпко, что всѣ жилы и мускулы его об-

означились на рукѣ, подобно вiющейся повелики вкругъ дубоваго корня.

— Не произносить имяни ея! не мыслить о ней! воскликнулъ Сиръ Кеннетъ, котораго духъ, сначала стѣсненный и удрученный бѣдствiемъ, началъ воспламеняться вновь прежнимъ возвышеннымъ чувствомъ, при этомъ преніи; клянусь святымъ крестомъ, на которомъ основаны всѣ надежды мои, что имя ея будетъ послѣднимъ произнесеннымъ мною словомъ; что образъ ея будетъ послѣднею мыслiю, запечатлѣвшеюся въ умѣ моемъ. Испытайте столько прославляемую силу вашу надъ этимъ открытымъ челомъ, и посмотрите, возможете ли вы поколебать мою рѣшимость.

— Онъ сведетъ меня съ ума, сказалъ Ришардъ Ѳомѣ Воксу съ досадою; но видя рѣшительный взглядъ преступника, палица выпала изъ рукъ его.

Прежде, нежели Лордъ Гисландъ успѣлъ отвѣчать Королю, раздался шумъ за шатромъ, и пришли объявить о прибытiи Королевы.

—Остановите ее, остановите ее, Невиль! вскричалъ Король; это зрѣлище не прилично для женскихъ глазъ. Какъ могъ такой гнусный измѣнникъ до такой крайности взволновать всю кровь мою! Воксъ, сказалъ онъ потихоньку Лорду Гисланду, выведи его задними дверьми. Запри его накрѣпко; ты отвѣчаешъ мнѣ за него головой своей. Послушай, онъ обреченъ на казнь; дай ему духовника, мы не хотимъ умерщвлять души и тѣла. Постой, мы не хотимъ безславить его. Пусть умираетъ онъ рыцаремъ; не снимайте съ него протупеи и шпоръ, хотя преступленіе его и адское, но и неустрашимость его дьявольская.

Воксъ очень обрадовался, судя по правдѣ, что сцена эта кончилась, и къ чести Ришарда, онъ не посрамилъ себя убійствомъ безоруженнаго плѣнника, который безъ малѣйшаго сопротивленія предавался въ руки его; и такъ, онъ поспѣшилъ вывесть Сиръ Кеннета изъ Королевской спальни въ другую палатку, гдѣ его обезоружили и надѣли цѣпи на руки, на ноги его, для лучшаго

охраненія. Вoксъ посмотрѣлъ съ унылымъ вниманіемъ на строгія мѣры великагоПрезуса, котораго стражѣ поручался рыцарь.

Когда они заковали его, то онъ сказалъ злополучному преступнику торжественнымъ голосомъ: — Король Ришардъ повелѣваетъ, чтобъ вы умерли не бывъ обезславлены; тѣла вашего не станутъ четвертовать, рыцарское ваше достоинство не будетъ поругано; мечь отдѣлитъ вашу голову отъ туловища.

— Это означаетъ его благость, сказалъ Рыцарь тихимъ и покорнымъ голосомъ, какъ человѣкъ, услышавшій неожиданную милость; поносная казнь не сразитъ моего семейства. О отецъ мой! мой отецъ!

Это призываніе, хотя и произнесенное тихимъ голосомъ, отдалось въ ушахъ Англичанина, котораго свойство было жалостливо, хоть и грубо, и онъ прежде, нежели могъ вымолвить слово, отеръ слезы, навернувшіяся на глазахъ его.

— Ришарду Англійскому также угодно, сказалъ онъ, собравшись наконецъ съ духомъ, чтобы при васъ

былЪ священникЪ. Я встрѣтилЪ, входя сюда, Кармелитскаго монаха, который можетЪ приготовить васЪ кЪ дальнему вашему пути. ОнЪ дожидается, чтобЪ вы приготовились кЪ принятію его.

— ТакЪ поспѣшитЪ же онЪ скорѣе отвѣчалЪ рыцарь. Это новая благость Ришарда. Теперь лучшее и удобнѣйшее время кЪ бесѣдѣ моей сЪ святымЪ отцемЪ; я разпрощался уже сЪ жизнію, и готовЪ разстаться сЪ свѣтомЪ, какЪ странникЪ, дошедшій до распутія, гдѣ каждому предлежитЪ своя череда.

— Похвально, сказалЪ ВоксЪ сЪ важною медленностію. Мнѣ болѣзненно сообщать вамЪ остальное порученіе мое. Королю Ришарду угодно, чтобЪ вы сей же часЪ изготовились кЪ смерти.

— Да будетЪ воля Божія и Королевская! сказалЪ СирЪ КеннетЪ сЪ терпѣніемЪ. Я не опровергаю праваго его суда, и не прошу обЪ отсрочкѣ казни.

ВоксЪ здѣлалЪ нѣсколько шаговЪ, чтобЪ вытти изЪ палатки, но очень медленно. ОнЪ остановился у дверей,

обернулся, чтобы взглянуть на Шотландца, котораго видъ обозначалъ, что откинувъ всѣ суетные помыслы, онъ углубился въ благочестивыя размышленія. Храбрый Англійской Баронъ не былъ одаренъ слишкомъ живою чувствительностью; но въ эту минуту противъ обыкновеннаго растрогало его сострадание. Онъ приближился къ связкѣ тростника, на которой сидѣлъ заключенный, взялъ одну изъ рукъ его, отягощенную цѣпью, сказавъ самымъ кроткимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Сиръ Кеннетъ, ты еще молодъ и имѣешь отца. Мой Ралтъ, котораго я оставилъ дома объѣзжать головайскую лошадку на берегахъ Иртинга, быть можетъ доживетъ до твоихъ лѣтъ; дай Богъ, чтобъ молодость его столько же обѣщала мнѣ хорошаго, сколько обѣщала и твоя, выключая нещастной этой ночи! Не могу ли чего сдѣлать или сказать въ твою пользу?

— Ничего, отвѣчалъ Шотландецъ уныло. Я покинулъ постъ свой. Ввѣренное мнѣ знамя было похищено. Когда мечь и плаха будутъ готовы,

што голова и туловище приготовятся.

—И такъ, да смилуется надъ тобою Богъ! сказалъ Воксъ. И однакожъ, я желалъ бы лишиться лучшаго моего коня, и утѣшнѣе было бы мнѣ самому стеречь это знамя. Тутъ скрывается тайна, молодой человѣкъ; это ясно видно, хоть я и не могу ни проникнуть, ни истолковать ее. Трусость? похоже ли это на тебя? Никогда еще трусъ не сражался такъ храбро, какъ видалъ я сражающимся тебя. Измѣна? Не возможно, чтобъ измѣнникъ такъ спокойно готовился къ смерти. Ты вѣрно отвлеченъ былъ отъ своего поста какою нибудь хитростью, коварствомъ. Или вопли какой дѣвы въ злополучіи растрогали слухъ твой; или обольстился ты улыбкою прелестницы. Не стыдись; мы всѣ вдаемся въ подобныя искушенія. Послушайся, прошу тебя, признайся мнѣ. Избери меня духовникомъ своимъ. Ришардъ снисходителенъ, когда проходитъ гнѣвъ его. Что же, не ужъ ли ты ничего не скажешъ мнѣ?

— Ничего, отвѣчалъ злополучный Рыцарь, отвернясь отъ сострадательнаго воина, дружески его допрашивающаго.

Воксъ, истощивъ всѣ средства свои къ убѣжденію, всталъ и вышелъ изъ палатки, поджавъ руки, съ величайшимъ уныніемъ, не постигая самъ, отъ чего такъ растрогался онъ. Онъ даже укорялъ себя, что такое ничтожное происшествіе, смерть Шотландца, могла такъ сильно поразить его.

— Однакожъ, сказалъ онъ самъ въ себѣ, хоть эти шуты почитаются нашими врагами въ Кумберландѣ, но здѣсь въ Палестинѣ мы почитаемъ ихъ своими братьями.

КНИГА VII.

„Не много здраваго разсудка
Ее отъ прочихъ отличало:
А впрочемъ, какъ и всѣ,
Болтаньемъ замѣняла умъ.“
Пѣсня.

Королева Беренжера, дочь Санга, Короля Наварскаго, и супруга храбраго Ришарда, слыла прекраснѣйшею изъ женщинъ своего времяни. Станъ ее былъ легкой, исполненный прелести. Цвѣтъ лица необыкновенно прекрасный, по тамошнему климату; густые, бѣлокурые волосы, и черты лица такія нѣжныя, что она казалась гораздо моложавѣе своихъ лѣтъ, хотя ей не больше было двадцать перваго года. Статься можетъ это происходило и отъ того, что соображая съ моложавымъ своимъ видомъ, она была, или притворялась ребячливою; была своенравна, и считала, что для молодой супруги ея лѣтъ и званія, позволительно имѣть прихоти, которымъ всякой старался угождать. Впрочемъ, нравъ

ея былъ прекраснѣйшій, и какъ скоро воздавали ей должныя почести, прославляли ее, то она становилась предобрѣйшею и снисходительнѣйшею. Но, подобно всѣмъ деспотамъ, чѣмъ усерднѣе повиновались ей, тѣмъ больше старалась она присвоивать себѣ власти.

Иногда, какъ всѣ честолюбивые ея желанія бывали удовлетворены, то отъ нечего дѣлать, она прикидывалась нездоровою, что въ послѣдствіи вошло у многихъ въ употребленіе, и прозвано вертижами. Лѣкаря ломали себѣ головы, доискиваясь, что бы это за болѣзнь была, придумывая ей названіе, а придворныя ея дамы напрягали все воображеніе свое, чтобы пріискать новыя забавы, новые наряды, и новыя придворныя сплетни, злословія, для проведенія непріятныхъ этихъ часовъ, въ которые положеніе ихъ бывало слишкомъ не завидно. Обыкновеннымъ ихъ средствомъ для излѣченія этой болѣзни, были насмѣшки и проказы надъ которою нибудь изъ нихъ; и добрая Королева, снова развеселяясь, признательно сказать, не разбира-

ла, приличны ли подобныя препровожденія времяни знаменитому ея сану, и могла ли она забавляться неудовольствіемъ тѣхъ, которыя служили игрушкою другихъ. Она слишкомъ полагалась на любовь своего супруга, на свое могущество, на возможность вознаградить всѣ претерпѣваемыя непріятности другими отъ нее шутокъ и насмѣшекъ. Она подобилась львенку, который играя на свободѣ, не постигаетъ, какъ когтями своими пронзаетъ онъ попавшихся ему подъ лапу.

Королева Беренжера любила страстно своего супруга, но боялась запальчиваго и высокомѣрнаго его нрава; и зная, что онъ часто разговаривалъ съ Эдифью Плантагенетъ, предпочтительно предъ нею, единственно отъ того, что находилъ разговоръ ея гораздо пріятнѣйшимъ, сужденія основательнѣйшими, мысли и чувства ея гораздо возвышеннѣйшими, нежели прекрасной своей половины. Это предпочтеніе не внушало Беренжерѣ ненависти къ Эдифѣ; она слишкомъ была отдалена отъ того, чтобъ ей вредить, пото-

му, что выключая себялюбіе, вообще была добра и великодушна; но придворныя ея дамы, которыхъ глаза въ подобныхъ случаяхъ бываютъ слишкомъ проницательны, скоро открыли, что колкая насмѣшка на щетъ Эдифи, служила цѣлительнымъ лѣкарствомъ противъ вертижей Англійской Королевы, и это открытіе избавило воображеніе ихъ отъ излишняго труда.

Однакожъ, такіе поступки не слишкомъ были великодушны, потому что Лади Эдифъ слыла сиротою, и хотя ее называли Плантагенетъ и прекрасною Анжевиною; хотя Ришардъ даровалъ ей многія преимущества, которыми пользуются одни лишь члены Королевской фамиліи, доставлявшія ей первое мѣсто при дворѣ; но никому не извѣстно было, и никто изъ придворныхъ Англійскаго Государства не смѣлъ доспрашиваться, какъ близко была она родня Львиному-Сердцу. Она прибыла съ Елеонорою, Англійскою Королевою матерью, и присоединилась въ Мессинѣ къ Ришарду, въ качествѣ приближенной особы на-

значавшейся къ Беренжерѣ, съ которою готовился онъ вступить тогда въ бракъ. Ришардъ обходился всегда съ родственницею своею очень почтительно; она стала вседневною собесѣдницею Королевы, и не смотря на упомянутую нами небольшую зависть, вообще оказывала ей приличное уваженіе.

Долгое время, придворныя дамы стата Беренжеры, не могли ничего найти въ Эдифѣ предосудительнаго, кромѣ небрежнаго ея наряда, неловкости въ одѣваньи и прическѣ, признавая ее несвѣдущею въ этомъ таинственномъ искуствѣ. Безмолвная приверженность къ ней Шотландскаго Рыцаря не ускользнула отъ ихъ замѣчанія; и избранный имъ цвѣтъ, его девизъ, воинскіе его подвиги, возбуждая ихъ вниманіе, доставили имъ множество средствъ къ насмѣшкамъ и шуткамъ. Потомъ послѣдовало богомолье ихъ въ Энгади, предпринятое Королевою съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ дамъ ея свиты, по данному ею обѣту о выздоровленіи ея супруга, къ чему побуждалъ ее Тирской Архі-

епископъ изъ политическихъ видовъ. Тогда-то, въ придѣлѣ священнаго этаго мѣста, сообщающагося вверьху съ Кармелитскимъ монастыремъ, а съ низу съ кельею пустынника, одна изъ Королевиной свиты замѣтивъ признакъ тайной склонности Эдифи къ ея любезному, немедленно обьявила о томъ Ея Величеству. Королева возвратилась съ своего богомолья, обогащенная этимъ средствомъ противъ скуки, вертижей; въ добавокъ свита ея умножилась двумя карликами, подаренными ей сверженною съ престола Іерусалимскою Королевою, которыхъ глупость ровнялась съ ихъ безобразіемъ и уродствомъ, составлявшимъ верхъ превосходства въ этомъ родѣ. Беренжерѣ захотѣлось доставить себѣ новую забаву испытаніемъ, какое дѣйствіе произведетъ надъ Шотландскимъ Рыцаремъ нечаянное появленіе страшныхъ и необычайныхъ этихъ существъ, въ то время, какъ онъ остался одинъ въ придѣлѣ; но хладнокровіе Шотландца, и помѣшательство пустынника лишили ее предполагаемаго ею удоволь-

ствія. Вторая шутка, которую она позволила себѣ, по возвращеніи своемъ въ лагерь, угрожала гораздо пагубнѣйшими слѣдствіями.

Когда Сиръ Кеннетъ удалился изъ шатра Беренжеры, то онѣ всѣ собрались опять, и Королева, тронутая сперва довольно сильными выговорами Эдифи, отвѣчала ей однѣми шутками на щетъ ея жеманства, степенности; а потомъ, предавшись врожденной своей веселости, истощила насмѣшки свои надъ покроемъ платья Шотландцевъ, свойствомъ ихъ народа, особенно же надъ бѣдностью Рыцаря Барса; и наконецъ, Эдифъ, принуждена была удалиться съ грустію въ свою комнату.

Но когда утромъ горнишная Эдифи, которой поручено было развѣдать о происшедшемъ ночью, пришла объявить ей, что знамя пропало, равно какъ и охранявшій его воинъ, то Эдифъ побѣжавъ въ комнату Королевы, умоляла ее встать съ постели, и немедленно итти въ Королевской шатеръ, чтобы употребить надъ нимъ всю власть свою,

для предупрежденія бѣдственныхъ слѣдствій ея шутки.

Королева не меньше ее устрашенная, по обыкновенію, возлагала всю вину глупаго своего проступка на окружающихъ ее, стараясь смягчить горесть Эдифи, и утишить ее негодованіе тысячью разсужденіями, одно другому противурѣчащими: она увѣрена была, что не могло ничего случиться непріятнаго; что Рыцарь вѣрно спалъ простоявъ всю ночь на часахъ; а если онъ и бѣжалъ съ знамемъ, опасаясь Королевскаго гнѣва, то самое знамя ничто иное, какъ шелковой лоскутъ, а Рыцарь бѣдный побродяга; если же его заключили въ тюрьму, то вѣрно наказаніе это не надолго продлится; она не замедлитъ испросить ему прощеніе, только нужно дать время пройти гнѣву Ришарда.

Говоря такимъ образомъ, безъ всякаго разбора и основательности, съ свойственнымъ ей легкомысліемъ, тщетно надѣялась она убѣдить Эдифь, и разувѣрить самое себя, что не можетъ выйти никакой бѣды изъ шутки, въ которой внущ-

ренно она сама жестоко уже раскаявалась. Но тогда, какъ Эдифь старалась удержать стремленіе пустыхъ этихъ словъ, глаза ее остановились на одной изъ приближенныхъ дамъ Королевы, входящей въ ту минуту въ спальню Беренжеры. Смертельный ужасъ изображался въ устрашенномъ ея взорѣ, и Эдифь, съ перваго на нее взгляда, упала бы безъ чувствъ, еслибъ необходимость и возвышенное ея свойство не подкрѣпляли духъ ея, заставляя преодолѣвать себя, и казаться спокойною.

— Государыня, сказала она Королевѣ, не теряйте ни минуты въ тщетныхъ словахъ, но поспѣшите спасти ему жизнь; если, прибавила она прерывающимся голосомъ отъ сильнаго волненія, возможно еще спасти его.

— Да, да, если возможно еще спасти его, вскричала Лади Калиста. Я сей часъ узнала, что его потребовали къ Королю. Нѣтъ время еще не ушло; но, прибавила она, проливая потоки слезъ, отчасти исторгнутые личнымъ опасеніемъ, все бу-

детъ безполезно, если вы станете медлить.

— Я обѣщаюсь, сказала Королева, доведенная до крайности, принесть въ даръ гробу Господню золотой подсвѣшникъ, серебряную ризу Энгадской Богоматери, и штуку золотой парчи во сто безансовъ (*) Святому Фомѣ Орфецкому.

—Встаньте, Государыня, встаньте, сказала Эдифъ, призывайте, если вамъ угодно, на помощь свою всѣхъ святыхъ, только будьте сами себѣ первою помощницею.

— Точно, Ваше Величество, подхватила устрашенная Калиста, Лади Эдифь правду говоритъ. Извольте встать, пойдемте въ шатеръ Короля Ришарда, и испросимте у него помилованіе бѣдному этому Рыцарю.

— Я пойду, я иду къ нему, сказала Королева, вставая, въ сильномъ трепетѣ, тогда какъ окружающія ее женщины, предаваясь равному ей

(*) Названіе Константинопольской монеты тѣхъ времянъ.

смущенію, не вѣ состояніи были ни служить ей, ни одѣть ее. Спокойна и хладнокровна по наружности, но блѣдна какѣ смерть, Эдифь помогала одѣваться Королевѣ, замѣняя ей всѣ услуги приближенныхѣ женщинѣ, оставшихся вѣ совершенномѣ бездѣйствіи.

— Какѣ хорошо исполняете вы вашу обязанность, сударыни, сказала Королева, будучи не способна даже и на эту минуту позабыть о ничтожныхѣ и мелочныхѣ приличіяхѣ. Возможно ли, что вы допускаете Лади Эдифь исполнять вашу должность? Вы сами видите, Эдифь, что онѣ совершенно ни кѣ чему не способны. Я никакѣ не поспѣю одѣться во время; лучше послать за Тирскимѣ Архіепископомѣ, и поручить ему ходатайствовать по этому дѣлу.

— О, нѣтѣ, нѣтѣ! вскричала Эдифь; подите сами кѣ нему, Государыня; вы всѣму злу причиною, и должны поправить вину свою.

— И такѣ, я пойду, пойду, сказала Королева; но если Ришардѣ гнѣвенѣ, то я не осмѣлюсь говорить сѣ нимѣ, онѣ убьетѣ меня

— Подите, Государыня, и не бойтесь ничего, сказала Лади Калиста, знавшая гораздо лучше нравЪ своей Государыни. И самый левЪ, какЪ бы онЪ ни былЪ раздраженЪ, бросивЪ одинЪ взглядЪ на такія черты и такой станЪ, забудетЪ весь гнѢвЪ свой, а тѢмЪ больше истинный Рыцарь, Король обожающій васЪ, РичардЪ, для котораго малѢйшее ваше желаніе служитЪ закономЪ.

— Ты думаешЪ, Калиста? отвѢчала Королева. АхЪ! ты не знаешЪ еще. . . . ОднакожЪ, я пойду. Но посмотрите? Что это значитЪ? Вы подали мнѢ зеленое платье, а онЪ не терпитЪ этаго цвѢта; подайте мнѢ синее, и найдите лиловое ожерелье, составлявшее часть выкупа Кипрскаго Короля, онЪ долженЪ быть вЪ стальномЪ ларчикѢ, или гдѢ вЪ другомЪ мѢстѢ.

— Можно ли заботиться о такихЪ мѢлочахЪ, когда дѢло идетЪ о спасеніи человѢческой жизни! сЪ негодованіемЪ вскричала Эдифь. Вы выведете всякаго изЪ терпѢнія! не извольте безпокоиться, Государыня, я сама пойду кЪ Королю Ричарду.

Вы вмѣшали меня вѣ это дѣло, я увижу, какѣ позволитѣ онѣ играть честію родственницы своей, и безѣ вѣдома ея, ея имянемѣ отклонять отѣ должности храбраго воина на то, чтобѣ послѣ наругаться надѣ нимѣ, довесть его до позора и казни, и не заботясь ни мало о чести самой Англіи, отдавать ее на посмѣшище всей Христіянской арміи.

При такомѣ неожиданномѣ изступленіи, Беренжера остолбенѣла отѣ изумленія и страха. Но, видя, что Эдифь збирается выпти изѣ шатра, она вскричала слабымѣ голосомѣ: остановите ее! удержите ее!

—Остановитесь, благородная Лади Эдифь, сказала Калиста, останавливая ее потихоньку за руку; вы же, Государыня, вѣрно ни мало не медля, поспѣшите кѣ Государю. Если Лади Эдифь одна безѣ васѣ явится кѣ Королю, то онѣ еще больше раздражится тѣмѣ, и не удовольствуется одною казнію Шотландца.

— Я сей часѣ иду, иду, сказала Королева, уступая необходимости.

И Эдифь остановилась, хоть и противѣ воли, вѣ ожиданіи ея.

Тогда всѣ наскоро подступили кѣ Королевѣ. Беренжера поспѣшно накинула на себя большую эпанчу, закрывшую недоконченный уборѣ ея, и вмѣстѣ сѣ Эдифью, сѣ придворными дамами, вѣ сопровожденіи и предшествіи нѣсколькихѣ вооруженныхѣ воиновѣ сѣ ихѣ начальниками, отправилась вѣ шатерѣ Львинаго-Сердца, своего супруга.

КНИГА VIII.

„Когда бы въ каждомъ волоскѣ его заключалась жизнь, когда бы милліоны тысячь разъ умоляли меня пощадить изъ нихъ одинъ, то, до наступленія вечера, онъ лишился бы послѣдняго изъ нихъ. Каждая жизнь, принесенная на жертву праведнаго моего гнѣва, погасла, пресѣклась бы одна за другою, какъ при наступленіи дня, погасающъ свѣшочи возжигаемые ночью."

Древняя комедія.

По прибытіи Королевы Беренжеры вѣ шатерѣ Ришарда, Королевскіе офицеры, бывшіе вѣ прихожей горницѣ, остановили ее у входа со

всѣми знаками почтенія, уваженія, должнаго ей; хоть и воздавая ей всѣ почести, однакожъ остановили ее; она сама легко могла разслышать суровый голосъ Ришарда, приказывавшаго съ строгостью не впускать ее.

— Вы видите, сказала она Эдифѣ, какъ бы уже истощивъ всѣ убѣжденія отъ нее зависящія; я это знала, Государю не угодно насъ принимать.

Въ ту же минуту услышала она Ришарда разговаривающаго съ кѣмъ-то въ спальнѣ своей.

— Убирайся, шутъ, говорилъ онъ, и поспѣшнѣе исполни свое дѣло; въ этомъ только и заключается твое спасеніе. Десять безансовъ дарую тебѣ, если ты однимъ ударомъ отправишь его. Послушай еще, шутъ; хорошенько замѣть, поблѣднѣютъ ли щеки его, потускнетъ ли взоръ его, запрыгаютъ ли рѣсницы; не пропусти ни малѣйшаго движенія въ чертахъ его. Я люблю слушать, какъ храбрецы борются съ смертію.

— Онъ будетъ изъ первыхъ, если безтрепетно увидитъ подъятый мой

мечь, отвѣчалъ сильный, но тихій голосъ, котораго чувство чрезмѣрнаго почтенія, повидимому заставляло смягчать обыкновенную свою суровость.

Эдифь не могла дольше воздерживать себя.

— Если, Вашему Величеству, не угодно очистить путь себѣ, сказала она Королевѣ, то я проложу слѣдъ, если не для Вашего Величества, то для себя самой. Господа офицеры, Королевѣ угодно переговорить съ Королемъ Ришардомъ, супруга требуетъ видѣть своего мужа.

— Благородная госпожа, отвѣчалъ начальникъ ихъ, опустивъ жезлъ, означавшій степень его достоинства, мнѣ очень жаль, что долженъ отказать вамъ въ томъ; но Его Величество занимается теперь уголовнымъ дѣломъ, о жизни и смерти.

— Намъ также нужно переговорить съ нимъ о дѣлѣ, касающемся до жизни и смерти, возразила Эдифь. Послѣдуйте за мною, Государыня, я проложу путь Вашему Величеству....

И отшолкнувЪ одною рукою офицера, другою отдернула занавѣсЪ, служившій вмѣсто двери.

— Не смѣю противиться желаніямЪ, Вашего Величества, сказалЪ офицерЪ, уступая усилію Эдифи; онЪ отсторонился, и Королева принуждена была вступить вЪ Королевскій покой.

МонархЪ лежалЪ простертый на постелѣ; а вЪ нѣкоторомЪ отЪ него разстояніи, какЪ бы вЪ ожиданіи дальнѣйшихЪ его повелѣній, стоялЪ человѣкЪ; не трудно было угадать по виду его обЪ отправляемой имЪ должности. На немЪ была надѣта суконная красная фуфайка, которой рукава пальца на два спускались сЪ плечь, оставляя почти всю руку обнаженною. ПодЪ низомЪ надѣто на немЪ было, безрукавное платье, или фартукЪ, подобный ГерольдскимЪ, изЪ бычачьей кожи каштаннаго цвѣта, запятнанный сЪ переди вЪ нѣсколькихЪ мѣстахЪ густыми красными пятнами; повидимому, онЪ готовился отправлять должность свою. Фуфайка и фартукЪ его спускались по колѣни, нижнее

же платье его было изъ одинакой кожи съ фартукомъ. Толстый шерстяной колпакъ закрывалъ верхнюю часть лица, которое, подобно какъ сова, по видимому, желалъ бы онъ скрыть отъ дневнаго свѣта; нижняя же часть лица его покрывалась густою рыжею бородою, примыкающеюся къ головнымъ волосамъ такого же цвѣта. Остававшіеся наружѣ черты лица его, были грубы и дики. Онъ былъ очень малаго роста, плотный и дородный, имѣлъ толстую шею, широкія плеча, предлинныя руки и толстыя, кривыя ноги. Дѣйствующее это лице, свирѣпаго вида, стояло опершись на мечь, котораго лезвее было около четырехъ футовъ съ половиною длины, а рукоятка около двантцати дюймовъ, окруженная свинцовымъ кругомъ, называемомъ по тогдашнему *свинчаткой*, который составляя перевѣсъ тяжести такого лезвея, достаточно возвышался надъ головой его; одною рукою опирался онъ на рукоятку, въ ожиданіи дополнительныхъ повелѣній Короля Ришарда.

Видя вдругъ вошедшихъ Королеву съ ея придворными дамами, Ришардъ лежавшій распростертый на постелѣ, обратясь лицемъ къ двери, опершись на локтѣ, разговаривалъ съ ужаснымъ исполнителемъ своихъ повелѣній. Повидимому удивленный и недовольный ихъ приходомъ, онъ вдругъ перевернулся на другой бокъ, чтобы отворотиться къ нимъ спиной, потянувъ къ себѣ одѣяло, которое, по собственному ли его выбору, или вѣроятно по лести комнатныхъ его служителей, состояло въ двухъ огромныхъ львиныхъ кожахъ, выдѣланныхъ такъ искусно въ Венеціи, что онѣ казались мягче ланьей кожи.

Беренжера, какою мы описали ее, очень знала — да и какой же женщинѣ это не извѣстно? какія средства употребить для одержанія побѣды. Окинувъ глазами съ явнымъ ужасомъ, безъ всякаго притворства, страшнаго повѣреннаго тайныхъ порученій своего супруга, она кинулась къ постелѣ Ришарда, бросясь передъ нимъ на колѣни, и спустивъ съ плечь эпанчу свою, обнажила

прелестныя бѣлокорыя косы свои, волнующіеся во всю длину на бѣлоснѣжной груди ея; стихотворецъ могъ бы примѣнить лице ея къ солнцу, пробивающемуся сквозь облако, котораго блѣдное чело означаетъ еще, что блескъ его былъ омраченъ. Она схватила правую руку Короля, выставившуюся, чтобы поправить покрывало, и мало по малу усиливаясь притянуть ее къ себѣ, безъ большаго отъ него сопротивленія, овладѣла этою рукою, служившею подпорою Христіянства и грозою язычества, заключивъ могущество ея въ прелестныхъ своихъ рукахъ, приложила ее ко лбу, а потомъ къ губамъ своимъ.

—Что это значитъ, Беренжера? спросилъ Ришардъ, не оборачиваясь къ ней лицемъ, и не отнимая руки своей.

— Вышлите этаго человѣка! взглядъ его убиваетъ меня, тихо проговорила Королева.

— Выдь вонъ, шутъ, сказалъ Ришардъ, не перемѣняя своего положенія; такъ ли ты сотворенъ, что-

бы показываться предъ этими дамами? Чего ты дожидаешся?

— Вашихъ повелѣній, Ваше Величество, на щетъ головы.

— Убирайся отсюда, собака, склепъ Христіянъ.

Дикарь изчезъ, бросивъ взглядъ на прекрасную Королеву, которой небрежный нарядъ придавалъ ей еще больше прелести; торжественная его улыбка, означавшая его восторгъ, еще больше обезобразила свирѣпый видъ его, означавшій явную ненависть его къ человѣческому роду.

—Ну, дурочка, чего ты хочешъ отъ меня? сказалъ Ришардъ медленно и какъ бы противъ воли оборачиваясь къ умоляющей его супругѣ.

Но не въ человѣческой природѣ, чтобы кто устоять могъ противъ женскихъ прелестей, особливо почитатель красоты, какъ Ришардъ, надъ сердцемъ котораго она дѣйствовала почти наровнѣ со славою; онъ не могъ безъ внутренняго волненія смотрѣть на прелестныя черты трепещущей Беренжеры, не могъ безъ взаимности чувствовать лобзаніе нѣжныхъ устъ ея, и равно-

душно смотрѣть на текущія слезы изъ блестящихъ глазъ ея. Мало по малу, онъ оборотился къ ней; на мужественныхъ чертахъ его изобразилась кротость съ нѣжностью; яркіе голубые глаза его, въ которыхъ огонь часто сверкалъ какъ молнія, устремились на нее съ любовію. Лаская прелестную голову своей супруги, онъ перевивалъ длинными своими пальцами прекрасныя ея косы, и поднявъ ее, съ нѣжностью поцѣловалъ онъ ангельское лице ея, наклоненное на его руку, въ которой какъ бы желало оно скрыться. Могущественный, сильный станъ Короля, благородное и возвышенное чело его, величественный видъ, львиныя кожи, служившія ему покрываломъ, и прелестное, слабое созданіе, преклонившее колѣна близь него, могли служить образцемъ для изображенія примиренія Геркулеса съ супругою его Дежанирою послѣ ссоры.

—И еще разъ, спросилъ Ришардъ, чего пришла искать владычица души моей, въ шатрѣ своего рыцаря, въ такой ранній, необыкновенный часъ утра?

— Простите, простите меня, благосклонный Государь мой, сказала Королева, которая уступая возобновляющимся страхамъ, терялась, неспособна бывъ ходатайствовать за нещастнаго.

— Простить! но въ чемъ? спросилъ Король.

— Во первыхъ, сказала Королева, что я осмѣлилась безъ спроса вашего предстать передъ Вашимъ Величествомъ, и. . . . .

Она умолкла.

— Осмѣлилась! воскликнулъ Король. Развѣ солнце извиняется въ томъ, что сладкой лучь его проникъ въ окно темницы, гдѣ влачитъ жизнь свою бѣдный нещастливецъ? Но я занимался такимъ дѣломъ, по которому присутствіе твое не прилично, добрая моя Беренжера. Сверхъ того я не хотѣлъ, чтобъ ты отваживала драгоцѣнное для меня твое здоровье, посѣщая мѣсто обитаемое болѣзнію.

— Но теперь вамъ легче? сказала Королева, стараясь отдалить минуту изъясненія причины своего прихода.

— Гораздо легче, отвѣчалъ Ришардъ, и я въ силахъ теперь сразиться съ сопротивникомъ, который осмѣлился бы не признать тебя за прекраснѣйшую изъ всѣхъ Христіанскихъ женщинъ.

— И такъ вы не откажете мнѣ, прибавила Королева, въ одномъ дарѣ, только въ одной жизни бѣдняка?

— А! вскричалъ Ришардъ, сморщивъ брови; продолжай.

— Нещастный этотъ, Шотландской Рыцарь, сказала Беренжера....

— Не говорите мнѣ о немъ, сударыня, сказалъ Король, перервавъ ее; онъ умретъ! участь его непреложна.

— Государь, любезный мой супругъ, продолжала Королева; неужъ ли такъ важна вина его! онъ утратилъ шелковое знамя: Беренжера собственными руками вышьетъ вамъ другое, богатѣйшее изъ всѣхъ развѣваемыхъ вѣтромъ, она унижетъ его всѣмъ жемчугомъ своимъ, и каждая изъ жемчужинъ будетъ орошена слезою благодарности къ великодушному моему супругу.

—Ты не понимаешь сама, что говоришь, вскричалъ раздраженнымъ голосомъ Король. Жемчуги! не ужъ ли ты думаешь, что жемчугами всего востока можно загладить нанесенное безчестіе Англіи? что всѣми слезами женскихъ глазъ можно омыть безславіе, причиненное Ришарду? Удалитесь, сударыня; научитесь лучше распознавать время и мѣсто, соблюдая должное вашему полу приличіе. Теперь все время мое такъ занято, что нѣтъ ни одной минуты, которую бы я могъ вамъ удѣлить.

—Вы видите, сказала Королева въ полголоса Эдифѣ, что мы лишь больше раздражаемъ его.

—Пусть такъ, отвѣчала Эдифъ выступая впередъ. Государь! я, бѣдная ваша родственница, испрашиваю у васъ не столько милости, какъ правосудія; и во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, во всякихъ обстоятельствахъ, слухъ Государя долженъ быть отверстъ, когда взываютъ къ нему о правосудіи.

—А! сестрица наша, Эдифъ, сказалъ Ришардъ, сѣвъ на постелѣ,

покрытый длинною своею *камезїею;* она говоритъ всегда по царски, и я по царски буду отвѣчать ей, лишь бы требованія ея были достойны ее и меня.

Красота Эдифи блистала живѣйшею прелѣстью, хотя видъ ее не имѣлъ въ себѣ очаровательнаго упоенія Беренжеры. Нетерпѣніе и опасенія разливали алый румянецъ на блѣдныхъ щекахъ ея; на лицѣ ея выражалась пылкая душа съ величіемъ, возбуждающимъ почтительное молчаніе въ самомъ Ришардѣ, хотя по глазамъ его ясно было видно, какъ желалъ бы онъ перервать рѣчь ея.

—Государь, сказала она, храбрый рыцарь, котораго вы кровь хотите пролить, оказалъ многія услуги Христіанству. Онъ невольно измѣнилъ своему долгу, бывъ вовлеченъ въ сѣти, разставленныя ему глупостью и легкомысліемъ. Къ нему отправленъ былъ посланный отъ имяни одной особы....; и для чего же мнѣ не назвать ее? посланный отъ имяни моего, Государь, убѣдившій его на минуту отлучиться отъ ввѣреннаго ему поста. И какой же рыцарь, во

всемъ Христіанскомъ станѣ, не проступился бы въ равной ему винѣ, получивъ приказаніе отъ дѣвицы, которая не смотря на всю бѣдность свою и ничтожный жребій, происходитъ отъ знаменитаго поколѣнія Плантагенетовъ?

— Такъ вы видѣли его? спросилъ Король кусая себѣ губы, стараясь преодолѣть гнѣвъ свой.

—Видѣла, Государь. Не нужно сказывать по какой причинѣ: я не за тѣмъ сюда пришла, чтобъ обвинять другихъ и оправдывать себя.

— Гдѣ же удостоился онъ этой чести?

— Подъ шатромъ Ея Величества, Королевы.

—Королевы, нашей супруги! вскричалъ Ришардъ. Клянусь небомъ, святымъ Георгіемъ Англійскимъ, всѣми святыми населяющими небесную твердь, это слишкомъ отважно! Я замѣчалъ, не обращая вниманія на дерзновенную приверженность его къ особѣ гораздо возвышеннѣйшей его, знаменитымъ своимъ родомъ; я не находилъ предосудительнымъ, чтобы дѣвица, происшедшая отъ

одного со мною поколѣнія, изливала на него благоволеніе съ высоты своего величія, какъ солнце проливаетъ свѣтъ свой на землю, стелющуюся подъ ногами его! Но, небо и земля! удостоивать его свиданіемъ ночью, и въ шатрѣ Королевы, моей, супруги; осмѣливаться оправдывать его ослушаніе и побѣгъ такимъ обстоятельствомъ! Клянусь тѣнію моего отца, Эдифъ, ты загладишъ эту вину вѣчнымъ заключеніемъ въ монастырѣ!

—Государь, отвѣчала Эдифъ, ваше могущество даетъ вамъ право угнѣтать другихъ. Честь моя, равно какъ и ваша, невредима, и Ея Величество, естьли найдетъ нужнымъ, можетъ о томъ засвидѣтельствовать. Но я уже сказала, что не за тѣмъ пришла сюда, чтобы оправдываться и обвинять другихъ; я прошу васъ только о помилованіи человѣку, который проступился невольно, бывъ сильно искушенъ; о помилованіи, Государь, которое вы сами будете испрашивать въ день судный у престола верьховнаго Судіи, и статься можетъ, за важнѣйшія вины.

— Вы ли эта, Эдифь Плантагенетъ? съ прискорбіемъ сказалъ Король; вы ли эта благородная и здравомыслящая Эдифь Плантагенетъ? Васъ скорѣе можно почесть за влюбленную до безумія женщину, которая забывъ свой долгъ, и родъ, и честь, и санъ, предпочитаетъ жизнь недостойнаго своего обожателя славѣ своей и доброму имяни? Клянусь прахомъ Короля Генриха, не знаю, что удерживаетъ меня сей же часъ велѣть принесть на плахѣ черепъ твоего любезнаго, чтобъ утвердить на немъ распятіе, которое будетъ служить украшеніемъ твоей кельи.

—Естьли глаза мои увидятъ черепъ его на плахѣ, сказала Эдифь, то я скажу, что это священные останки храбраго рыцаря, жестоко и недостойнымъ образомъ казненнаго по волѣ..... по волѣ Государя, который не умѣлъ цѣнить заслугъ добродѣтельнаго воина. Вы назвали его моимъ обожателемъ, продолжала она съ умножающимся изступленіемъ; такъ, конечно онъ былъ моимъ обожателемъ, и обожателемъ вѣрнѣйшимъ; но никогда не искалъ любви моей; ни

однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ не старался онъ снискать ее, ограничиваясь однимъ почтительнымъ обожаніемъ, какое воздаютъ святымъ. И вотъ вина его, вотъ причина, за которую долженъ погибнуть добродѣтельный, храбрый, вѣрный рыцарь!

—Замолчите! замолчите! изъ жалости! сказала Королева потихоньку; вы умножаете лишь только гнѣвъ его.

—Что мнѣ до того нужды, возразила Эдифъ; безпорочная дѣва не страшится разъяреннаго льва. Пусть его дѣлаетъ, что хочетъ съ достойнымъ этимъ рыцаремъ: Эдифъ, за которую онъ умираетъ, будетъ умѣть оплакать его память. Не хочу больше слышать о политическихъ союзахъ, которыя желали утвердить даромъ этой бѣдной руки; я не могла, я не хотѣла бы быть его супругою при жизни его; различіе нашихъ степеней было слишкомъ велико, но смерть равняетъ всѣ состоянія: съ этой минуты я становлюсь супругою мертвеца.

Король пылалъ гнѣвомъ, готовясь излить на нее всю ярость свою, какъ Кармелитской монахъ поспѣшно вошелъ въ покой его; голова его и весь станъ окутанъ былъ рясою и капишономъ самой толстой шерстяной матеріи, носимой его орденомъ; бросясь на колѣна передъ Ришардомъ, онъ умолялъ его всѣмъ, что есть свято, какъ словами, такъ и выразительными движеніями, отсрочить казнь преступнаго рыцаря.

—Клянусь мечемъ своимъ и скиптромъ! вскричалъ Король, весь свѣтъ соединился противъ меня, чтобъ лишить меня разсудка. Дураки, женщины, монахи, на каждомъ шагу пресѣкаютъ мнѣ путь. Но, желалъ бы я знать, какимъ образомъ онъ живъ еще?

—Государь, я умолилъ Лорда Гисланда отсрочить казнь его на время, покуда я припаду къ ногамъ вашимъ.

—И онъ взялъ на себя исполнить твою прозьбу! Но эта черта свойственна обыкновенному его упорству. Что ты хочешъ сказать мнѣ? говори, ради дьявола!

— Государь, мнѣ извѣстна важнѣйшая тайна, но она ввѣрена была мнѣ на исповѣди, я не смѣю открыть ее, но клянусь вамъ священнымъ своимъ саномъ, носимою мною одеждою, блаженнымъ Иліею Пророкомъ, основателемъ нашего ордена, взятымъ на небо въ живѣ, и тѣмъ избавленнымъ отъ послѣднихъ страданій, которымъ подвержено человѣчество, что молодой этотъ человѣкъ ввѣрилъ мнѣ тайну, которую, естьлибъ вы узнали отъ меня, то вѣрно отмѣнили бы кровавый приговоръ свой, произнесенный надъ нимъ.

— Отецъ мой, носимый мною крестъ, за вѣру и церковь, служитъ доказательствомъ моего къ нимъ уваженія. Открой мнѣ эту тайну, и я исполню тогда, что слѣдуетъ; но я не слѣпой конь Баярда, чтобы скакать не видя зги подстрѣкаемый поповскими шпорами.

—Государь, отвѣчалъ Святой мужъ, откинувъ капишонъ свой, и распахнувъ рясу, открывая тѣло свое покрытое козьею кожею, и сухощавое тѣло свое, до такой крайности истощенныя постомъ, кли-

матомъ, суровою жизнію, что онъ походилъ больше на оставъ, нежели на живое существо; двастцать лѣтъ, какъ я караю бренное это тѣло въ Энгадскихъ вертепахъ, подвергаясь строжайшему покаянію за величайшее преступленіе. Не ужъ ли вы думаете, что я бывъ мертвецемъ на сей землѣ, захочу выдумать ложь и подвергнуть душу свою искушенію; или полагаете, что человѣкъ связанный торжественнымъ обѣтомъ, у котораго одно лишъ желаніе осталось на землѣ, о возстановленіи Христіанскаго Сіона, захочетъ измѣнить тайну, ввѣренную ему на исповѣди? Двойная эта низость равно гнусна мнѣ.

—Такъ ты этотъ пустынникъ, о которомъ я столько наслышался? Признаюсь, ты довольно походишъ на духовъ, скитающихся въ дикихъ вертепахъ; но Ришардъ не страшится ихъ. Ты тотъ самый, естли не ошибаюсь, къ которому былъ отправленъ этотъ Рыцарь, отъ Христіанскихъ Князей, для начатія переговоровъ съ Султаномъ, тогда какъ я прежде всѣхъ долженъ бы

быть увѣдомленъ о томъ, больной лежалъ на этомъ одрѣ. Оставайся невредимъ, пусть остаются невредимы и они. Я не вложу головы своей въ петлю, накидываемую Кармелитскимъ монахомъ: что же принадлежитъ до посланнаго къ тебѣ, то онъ умретъ, и тѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе совершится казнь его, что ты за него ходатайствуешъ.

— Да озаритесь вы свѣтомъ истинны, Государь, сказалъ пустынникъ съ сильнымъ волненіемъ; вы готовитесь свершить преступленіе, о которомъ послѣ жестоко будете раскаяваться, хотя бы оно стоило вамъ члена. Ослѣпленный и дерзновенный человѣкъ! остановись, пока есть еще время.

— Удались! вскричалъ Ришардъ, топнувъ ногою, солнце озарило позоръ Англіи, а мщеніе еще не свершилось. Женщины и монахъ удалитесь, естьли не хотите слышать приказанія, грознаго для вашего слуха; клянусь святымъ Георгіемъ, что сей же.....

—Не клянитесь, вскричалъ голосъ входящаго въ эту минуту въ шатеръ.

— Ахъ! это искусный Гакимъ, сказалъ Король. Вы вѣрно пришли подвергнуть испытанію наше великодушіе.

— Я пришелъ испросить у васъ аудіенціи, и сей же часъ, по одному важнѣйшему дѣлу.

—Взгляни сперва, Гакимъ, на жену мою, и да познаетъ она въ тебѣ спасителя своего мужа.

— Не прилично мнѣ, отвѣчалъ лѣкарь, сложивъ крестообразно руки свои съ восточнымъ смиреніемъ и подобострастіемъ, опустивъ глаза въ землю, мнѣ не прилично смотрѣть на красоту безъ покрывала, во всемъ блескѣ ея величія.

— Такъ удались же, Беренжера, сказалъ Монархъ, и вы, Эдифь. Не возобновляйте вашихъ докукъ; все, что я могу для васъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что казнь отлагается до полдень. Довольствуйтесь и тѣмъ. Поди, милая Беренжера. Эдифь, прибавилъ онъ, съ взглядомъ, произведшимъ трепетъ даже и на безстраш-

ную душу его родственницы, удалитесь и вы, если въ васъ осталась хоть капля разсудка.

Женщины вышли въ смятеніи изъ шатра, забывъ о чинахъ и почестяхъ, подобно стадъ лѣсныхъ птицъ, когда соколъ налетитъ въ средину ихъ.

Онѣ возвратились въ Королевинъ шатеръ, предавшись тамъ безполезнымъ слезамъ и раскаяніямъ. Одна лишь Эдифь пренебрегала ничтожныя эти средства, въ изъявленіе своей горести. Ни вздоха, ни одного упрека не вырвалось изъ груди ея, ни слезы не выкатилось изъ глазъ ея; она прилагала всѣ попеченія свои о Королевѣ, которой слабый нравъ обозначился слезами, рыданьями, вертижами, нервическими припадками; она съ благодушіемъ и даже съ нѣжностію помогала ей притти въ себя.

—Не возможно, чтобы она любила этаго рыцаря, сказала Флориза Калистѣ, бывшая одною степенью выше ея при дворѣ Королевы; мы ошиблись; она участвуетъ въ судьбѣ его какъ въ иностранцѣ, и единственно

потому, что она была невинною причиною случившагося съ нимъ нещастія.

— Тсъ! тсъ! отвѣчала Калиста, бывъ прозорливѣе и опытнѣе ея; она горделивая отрасль Плантагенетовъ, которые никогда не признаются въ терпимой ими боли. Видали такихъ изъ нихъ, которые, утопая въ крови своей, не смотря на смертельныя свои раны, перевязывали оцарапленные рубцы малодушныхъ своихъ товарищей. Флориза, мы очень проступились; что принадлежитъ до меня, то я охотно бы отдала всѣ бриліанты свои, до послѣдней вещицы, еслибъ можно было воротить прошедшее, и не заводить бѣдственной этой шутки.

КНИГА IX.

„Для произведенія въ дѣйствіе этаго дѣла, намъ нужно способство планетъ, управляющихъ въ теченіи своемъ судьбою людей: нужно, чтобъ солнце, согласно съ Меркуріемъ, сочетало могущество свои и силы. Великіе эти духи горделивые и своевольные, не всегда призираютъ съ высоты небесъ на жребій смертныхъ, пресмыкающихся на землѣ; нужны важныя причины, чтобы подвигнуть ихъ къ тому.“

Албюмазаръ.

Пустынникъ послѣдовалъ за женщинами, выходящими изъ шатра Ришарда, какъ тѣнь слѣдуетъ за яркимъ лучемъ, когда вѣтромъ гонитъ тучу передъ солнцемъ. Но онъ остановился на порогѣ двери, и оборотясь къ Королю, сказалъ ему, простирая руки, пророческимъ голосомъ, съ грознымъ видомъ.

— Горе тому, кто отвергаетъ поученіе церкви, и прибѣгаетъ къ нечестивому совѣту невѣрныхъ! Король Ришардъ, я не отрясаю еще праха съ ногъ своихъ, выходя изъ

твоего стана. Мечь еще не поразилъ тебя, но онъ держится на одномъ волоску. Надменный Монархъ, мы еще разъ увидимся.

— Въ добрый часъ, горделивый монахъ, отвѣчалъ Ришардъ; горделивѣйшій подъ козьею кожею, нежели всѣ владѣтели подъ пурпуромъ и шелковою одеждою.

Пустынникъ скрылся, и Король продолжалъ, обращаясь къ лѣкарю:

— Мудрый Гакимъ, восточные дервиши такъ ли свободно разговариваютъ съ своими владѣтелями?

— Дервишъ, отвѣчалъ Адонебекъ, долженъ быть мудрецъ или полуумный; тутъ нѣтъ средины для носящаго *хоркхагу* (*), постящагося днемъ, проводящаго въ молитвѣ ночь. Изъ того и выходитъ, что будучи благоразуменъ, онъ почтительно поступаетъ въ присутствіи Государей; или лишенный разсудка, онъ не отвѣтствуетъ за свои поступки.

— Мнѣ кажется, что наши монахи приняли послѣднее это свойство,

(*) Названіе рясы, носимой дервишами.

сказалъ Ришардъ. Но приступимъ къ дѣлу. Что могу я для тебя сдѣлать, мой достойный лѣкарь?

— Великій Государь, сказалъ Гакимъ, кланяясь ему по восточному обычаю, позвольте вашему слугѣ простерть къ вамъ рѣчь, и да живетъ онъ! Я желалъ бы припомнить вамъ, что вы обязаны не мнѣ, который ни что иное есть, какъ орудіе ихъ, но невещественнымъ существамъ, которыя посредствомъ меня изливаютъ благотворенія свои на смертныхъ; дарованная вамъ жизнь...

— За которую ты хочешь, чтобъ я отплатилъ тебѣ другою, не такъ ли?

— И въ этомъ-то состоитъ всепокорнѣйшая моя просьба, къ великому Мелекъ-Рику; я испрашиваю у него жизнь доброму рыцарю, осужденному на смерть.

Расхаживая скорыми шагами по маленькой спальнѣ своей, Ришардъ говорилъ самъ себѣ: Милосердый Богъ! я отгадалъ, за чѣмъ онъ пришелъ, какъ скоро переступилъ онъ въ мой шатеръ. Отъ меня требуютъ жизни человѣка праведно осуж-

деннаго на смерть, и я, бывъ царемъ, воиномъ, котораго велѣніямъ подвергаются смерти тысячи людей, котораго рукою сражены столько человѣкъ, я не властенъ располагать этою жизнію, хотя честь моего оружія, слава моего дома, и даже честь моей супруги, посрамлены виновнымъ! Клянусь, Святымъ Георгіемъ, не забавно ли, не смѣшно ли это? Клянусь, Святымъ Людвигомъ, это приключеніе напоминаетъ мнѣ сказку Блонделя, въ которой разсказываютъ объ обвороженномъ замкѣ, куда хотѣлъ войти одинъ рыцарь, но разныя существа, превращавшіяся въ различные виды, безпрерывно сопротивлялись ему; лишь одинъ изчезалъ, и появлялся тотчасъ на мѣсто его другой. Жена, родственница, пустынникъ, лѣкарь: лишь успѣлъ я оборониться отъ одного, приступалъ другой, и я одинъ долженъ былъ противоборствовать всей этой стаѣ на поприщѣ! ха! ха! ха!

И Ришардъ началъ хохотать отъ всего сердца; досада его утишилась, а какъ гнѣвъ его бывалъ слишкомъ

пылокъ, то и не могъ надолго продолжиться.

Тѣмъ временемъ, Эль Гакимъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшеннымъ съ презрѣніемъ; потому что восточные народы не извиняли такихъ быстрыхъ переходовъ во нравѣ, почитая смѣхъ, почти во всякомъ случаѣ унизительнымъ дѣйствіемъ для мущины, приличнымъ однѣмъ лишь женщинамъ и малымъ дѣтямъ. Наконецъ, мудрецъ сново обратилъ рѣчь свою къ Государю, видя его нѣсколько успокоившимся.

— Смертный приговоръ не можетъ произноситься смѣющимися устами, сказалъ онъ; позволь своему служителю надѣяться, что ты даруешь ему жизнь этаго человѣка.

— Потребуй освобожденія тысячи плѣнныхъ, отвѣчалъ Ришардъ; пусть тысячи тысячь соотечественниковъ твоихъ возвратятся къ шатрамъ своимъ и семействамъ; я сей же часъ напишу приказъ о томъ. Жизнь этаго человѣка ни на что не нужна тебѣ, и онъ осужденъ на смерть.

— Мы всѣ осуждены умирать, сказалъ Гакимъ, поднося руку свою къ чалмѣ; но нашъ Верховный законодавецъ премилосердъ, и не требуетъ отъ насъ заплаты долговъ нашихъ ни настоятельно, ни преждевремянно.

— Ты не можешь доказать мнѣ, чтобы имѣлъ особенную какую выгоду заступаться за него, преграждая праведный судъ мой; правосудіе требуетъ, чтобы я, какъ раздраженный Государь, предалъ его казни.

— И какъ правосудный Монархъ, обязаны равно миловать, щадить, великій Государь; но, не праведный судъ выполняете вы, а хотите удовлетворить лишь волю свою. Что же принадлежитъ до особеннаго моего участія въ судьбѣ этаго человѣка, то да будетъ извѣстно вамъ, что спасеніе многихъ людей зависитъ отъ спасенія его жизни.

— Изъясни мнѣ это, и не воображай, чтобы я вдался въ обманъ, ослѣпленный такими пустыми предлогами.

— Я слишкомъ далекъ отъ такого намѣренія, Государь. Извольте

знать, что питье, которому вы обязаны своимъ выздоровленіемъ, равно какъ и многіе другіе, есть талисманъ, составленный подъ вліяніемъ планетъ, въ благоденственныя минуты для смертныхъ, когда благотворятъ имъ невещественныя существа. Я только ничтожный исполнитель ихъ воли. Я обмакиваю его въ водяную чашу, наблюдая приличный часъ для употребленія больнаго, а дѣйствующая въ немъ сила производитъ исцѣленіе.

— Лѣкарство это равно драгоцѣнно, какъ и удобно, сказалъ Ричардъ; и какъ лѣкарь можетъ носить его въ кошелькѣ своемъ, то тѣмъ избавляются отъ содержанія верблюдовъ для перевозки аптекарскихъ припасовъ. Удивительно для меня, для чего всѣ лѣкаря не пользуются этимъ средствомъ?

— Писаніе гласитъ, отвѣчалъ Эль-Гакимъ съ непоколебимою важностію: не ругайся надъ конемъ, выручившимъ тебя въ сраженіи! Знайте, что не всякому возможно составлять подобные талисманы; и слишкомъ мало число тайновѣдцевъ,

осмѣлившихся предпринять этотъ подвигъ. Строгое покаяніе, тягостные труды, постъ и молитва, необходимы для мудреца, желающаго излѣчать этимъ средствомъ; если же онъ пренебрежетъ торжественными этими приготовленіями, предастся нѣгѣ, или чувственнымъ удовольствіямъ, и не будетъ излѣчать каждый мѣсяцъ, по крайности по двѣнадцати больныхъ, то вся сила божественнаго этаго дара изчезнетъ въ ладонкѣ; онъ подвергнетъ самаго себя величайшимъ нещастіямъ, равно какъ и послѣдняго своего больнаго, и оба они преждевремянно сойдутъ во гробъ, до истеченія года. И такъ мнѣ нужно спасти одну жизнь, для дополненія положеннаго числа.

— Обойди лагерь мой, добрый Гакимъ, и найдешъ множество больныхъ для излѣченія. Однакожь, не отнимай у нашихъ лѣкарей лѣчимыхъ ими, потому что такому искусному человѣку, какъ ты, не прилично довершать чужаго дѣла. Къ тому же я не постигаю, какимъ образомъ, исторгая преступника отъ заслуженной имъ смерти, ты мо-

жешь дополнить положенное число чудесныхъ твоихъ исцѣленій.

— Когда вы въ силахъ будете изъяснить мнѣ, почему стаканъ холодной воды вылѣчилъ васъ, тогда какъ самые дорогія лѣкарства не могли помочь вамъ, то въ состояніи будете истолковывать и подобные таинства. Что же принадлежитъ до меня, то я не могу уже довершить великаго этаго дѣла, прикоснувшись нынѣшнимъ утромъ къ оскверненному животному. И такъ, не расспрашивайте меня больше, великій Государь; довольно для васъ знать, что по просьбѣ моей, пощадивъ жизнь этаго человѣка, вы избавите отъ величайшей опасности вашего покорнаго слугу, и самаго себя.

— Послушай, Адонебекъ, я не хочу оспоривать, что лѣкаря нарочно затемняютъ слова свои, и приписываютъ вліянію планетъ дѣйствіе ихъ лѣкарствъ; но когда ты угрожаешь Ришарду Плантагенету предстоящею ему опасностію, отъ неисполненія какого нибудь обряда, или по слѣдствію какого пустаго предвѣщанія, то знай, что ты имѣ-

ешь дѣло не съ непросвѣщеннымъ Саксонцемъ, или старою пустомелею, которая отступается отъ предпринятаго ею намѣренія за тѣмъ, что заяцъ перебѣжалъ ей дорогу, или отъ того, что воронъ прокаркнулъ, или чихнула кошка.

— Я не могу воспрепятствовать вамъ сомнѣваться въ словахъ моихъ, Государь, однако же, Ваше Величество, удостовѣрьтесь хоть минуту въ истиннѣ мною сказаннаго; неужъ ли вы полагаете справедливымъ, скорѣе согласиться лишить драгоцѣнный этотъ талисманъ его силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ сопряженной съ нимъ помощи и весь свѣтъ, и всѣхъ нещастныхъ томящихся на одрѣ болѣзни, отъ которой вы сами недавно освободились, нежели даровать помилованіе бѣдному преступнику? Помыслите, великій Государь, что хотя вы можете предать смерти тысячи людей, но не въ силахъ возстановить здоровье одного человѣка. Помыслите, что вы лишаете человѣчество благодѣянія, котораго не въ силахъ даровать; вы можете по-

велѣть отсѣчь голову, и не въ состояніи вылѣчить зубной боли.

— Это уже слишкомъ дерзко, сказалъ Король, раздражаясь по мѣрѣ какъ Эль-Гакимъ возвышалъ голосъ свой, становившійся даже повелительнымъ. Мы взяли васъ въ лѣкаря, а не въ совѣтники, и не въ духовники.

— Такъ ли достославнѣйшій Владѣтель Франчистаніи платитъ за оказанную услугу Королевской его особѣ, сказалъ Адонебекъ, оставя почтительное и смиренное свое положеніе, въ которомъ онъ умолялъ до тѣхъ поръ Короля, принявъ на себя важный, и даже грозный видъ. Такъ знай же, что по всѣмъ Европейскимъ и Азіятскимъ дворамъ, всѣмъ Музульманамъ и Назарянамъ, Рыцарямъ и дамамъ, повсюду гдѣ раздаются звуки арфы и опоясывается мечь, вездѣ, гдѣ только уважается честь и гнушаются безчестіемъ; во всѣхъ частяхъ свѣта, я обнародую Меллекъ-Рикъ тебя, какъ чуждаго благодарности и великодушія. Даже и въ странахъ, если онѣ существуютъ, гдѣ не проникла о

тебѣ слава, прогремитъ слухъ о твоемъ безславіи.

— Какъ осмѣливаешься ты, гнусный Музульманинъ, такъ говорить мнѣ? вскричалъ Ришардъ, подступая къ нему съ яростію; или ты наскучилъ жизнію?

— Рази, отвѣчалъ Эль-Гакикъ, и тогда собственныя дѣла твои еще лучше изобразятъ тебя, нежели слова мои, какъ ни язвительными они кажутся тебѣ.

Ришардъ вдругъ отъ него отвернулся, началъ расхаживать по горницѣ, сложивъ руки, воскликнувъ потомъ:—ни благодарности, ни великодушія! лучше прослыть трусомъ и бусурманомъ!— Гакимъ, ты выбралъ награду себѣ, и хотя я охотнѣе бы уступилъ тебѣ изъ царскихъ сокровищь корону, но не достоинъ бы былъ Королевскаго званія, еслибъ въ ней отказалъ тебѣ. И такъ возьми подъ свой надзоръ этаго Шотландца, я сей часъ дамъ тебѣ приказъ къ уголовному судьѣ, для выдачи тебѣ его.

Онъ поспѣшно написалъ двѣ или три строки, отдалъ ихъ лѣкарю, говоря:

— Пусть онъ будетъ рабомъ твоимъ, располагай имъ какъ тебѣ угодно. Только, чтобъ онъ остерегался когда нибудь появляться на глаза Ришарда. Послушай меня, ты мудръ, онъ слишкомъ дерзкіе простиралъ виды на одну изъ тѣхъ, которыхъ нѣжному взору и слабому разсудку ввѣряемъ мы на западѣ честь свою, какъ вы, Восточные жители, помѣщаете ваши сокровища въ серебряные кошельки, подобные бренностію своею и ломкостію шелковой нити червячька.

— Покорный вашъ служитель понимаетъ слова великаго Государя, отвѣчалъ мудрецъ, принявъ на себя опять почтительный видъ, какъ при началѣ этаго разговора. Когда запятнается златотканный коверъ, то глупецъ указываетъ на пятна: мудрецъ прикрываетъ ихъ епанчею. Я выслушалъ волю вашу, а слышать значитъ повиноваться.

— Довольно; пусть оберегаетъ онъ самаго себя, не появляясь никогда

передо мной. Не желаешь ли ты еще чего отъ меня?

— Королевскою милостью преисполнилась чаша моя. Я столько же щедро одаренъ вами, какъ щедро оросился станъ Израильскихъ потомковъ, когда Моисей, сынъ Амрака, ударилъ объ утесъ жезломъ своимъ.

— Да, сказалъ Король улыбаясь, но и въ теперешнемъ случаѣ также потребенъ былъ самый сильный ударъ по утесу, чтобы заставить источить свое сокровище. Я желалъ бы безъ всякихъ усилій, съ равно свободнымъ стремленіемъ Израильскаго потока, что нибудь для тебя сдѣлать пріятное.

— Позвольте мнѣ коснуться до побѣдоносной этой руки, отвѣчалъ мудрецъ, въ знакъ тотъ, что если Адонебеку Эль-Гакиму случится когда отнестись съ просьбою къ Ришарду Англійскому, то чтобъ онъ смѣло могъ изъяснить требованіе свое, имѣя на то ваше соизволеніе.

— Вотъ тебѣ рука моя и моя перчатка, сказалъ Ришардъ; только, если случится тебѣ впередъ дополнять положенное число для исцѣле-

нія твоихъ больныхъ, не требуя отъ меня, чтобы я освобождалъ отъ праведной казни осужденныхъ, то я очень охотно во всякомъ другомъ случаѣ готовъ заплатить тебѣ долгъ свой.

— Да продлятся дни ваши! отвѣчалъ Эль-Гакимъ; и поклонясь ему по восточному обычаю, удалился.

Тогда, какъ онъ выходилъ, Ришардъ слѣдовалъ за нимъ глазами, какъ человѣкъ не совсѣмъ довольный всѣмъ происшедшимъ.

— Какъ странно упорство этаго Эль-Гакима! сказалъ онъ самъ себѣ; странный случай, исторгнувшій дерзкаго этаго Шотландца отъ столько заслуженной имъ казни. Впрочемъ, пусть онъ живетъ, имъ умножится число храбрыхъ людей. Теперь пора приняться за Австрійца. Гей, кто тамъ! Не тутъ ли Баронъ Гисландской?

Сиръ Фома Воксъ, призываемый такимъ образомъ, вскорѣ показался у входа въ Королевской покой. Позади его проскользнулъ какъ привидѣніе, безъ доклада, не бывъ ни кѣмъ остановленъ, сухощавый Энгадской

пустынникЪ, покрытый епанчею изЪ козьихЪ кожЪ.

РишардЪ, безЪ всякаго вниманія кЪ присутствію послѣдняго, сказалЪ вслухЪ Барону:

— СирЪ Фома МюлтонЪ ВоксЪ, БаронЪ Ланеркатской и Гисландской, возьмите трубача и герольда, и сей же часЪ отправтесь вЪ шатерЪ имянуемаго ЭрцЪ-Герцога Австрійскаго, и вЪ то самое время, когда онЪ будетЪ окруженЪ многочисленною толпою Рыцарей и подданныхЪ своихЪ, что вѣрно и не замедлится вЪ теперешній часЪ. Явитесь кЪ нему, сколько можно вамЪ будетЪ безЪ всякаго уваженія, обвиняя имянемЪ Ришарда Англійскаго вЪ похищеніи, нынѣшнею ночью, собственноручно, или посредствомЪ другихЪ, Королевскаго моего знамя, сорваннаго сЪ копья. А потому-то, скажете вы ему, намЪ благоугодно, чтобы черезЪ часЪ, считая отЪ теперешней минуты, онЪ сЪ приличною честію поставилЪ бы означенное знамя на прежнемЪ мѣстѣ, вЪ присутствіи его самаго и главнѣйшихЪ его чиновниковЪ, сЪ от-

крытою головою, безъ всякихъ знаковъ отличія. Чтобы сверхъ того, онъ поставилъ подлѣ этаго знамя, съ одной стороны опрокинутое Австрійское знамя, какъ обезчещенное покражею и хищничествомъ, а по другую сторону копье съ воткнутою головою того, кто первый присовѣтывалъ, или помогъ ему въ гнусной этой измѣнѣ. Вы прибавите потомъ, что по точномъ исполненіи нашего этаго предписанія, мы согласны, по причинѣ данного нами обѣта, и для блага святой земли, предать забвенію прочія его вины.

— А если Австрійской Эрцъ-Герцогъ отопрется, и скажетъ, что онъ ни мало не участвовалъ въ несправедливомъ и хищническомъ этомъ поступкѣ? спросилъ Фома Воксъ.

— Тогда скажите ему, что мы докажемъ обвиненіе свое вооруженною рукою, возразилъ Ришардъ; да, еслибъ онъ подкрѣпляемъ былъ и двумя храбрѣйшими изъ своихъ сотрудниковъ. И докажемъ это какъ Рыцарь, верхомъ или пѣшій, въ сте-

пи или въ лагерѣ, отдавая ему на выборъ мѣсто, время и оружіе.

— Обдумали ли вы, Государь, сказалъ Баронъ Гисландъ, о соблюденіи мира Божія и церковнаго, который долженъ быть ненарушимъ между владѣтелей, приступившихъ къ священному этому походу!

—Обдумалъ ли ты, подданный, какъ свято должны вы исполнять мои повелѣнія? вскричалъ съ нетерпѣніемъ Ришардъ. Не уже ли воображаютъ такъ легко перемѣнять мои намѣренья, какъ легко дѣти пускаютъ перышко по воздуху, раздувая его во всѣ стороны! Церковный миръ! скажи мнѣ, кто заботится теперь о немъ? Церковный миръ между крестоносцами, служитъ обязательствомъ къ войнѣ съ Сарацинами, съ которыми владѣтели заключили перемиріе; и такъ, началомъ одного, прекращается другое. Къ тому же, развѣ ты не видешъ, что каждый изъ этихъ владѣтелей печется только о своей пользѣ? Я также хочу соблюдать свою пользу, а она состоитъ въ чести и славѣ. Для нихъ-то прибылъ я сюда, и если не могу ихъ при-

обрѣсть противъ Сарацинъ, то по крайности не хочу утратить ихъ въ отношеніяхъ къ скаредному этому Австрійцу, когда бы всѣ крестоносные владѣтели соединились съ нимъ противъ меня, служа ему оградою и щитомъ.

Вoксъ повернулся для исполненія Королевскихъ повелѣній, пожимая однакожъ слегка плечами, будучи слишкомъ откровененъ, чтобы скрывать мнѣніе свое на щетъ неправильнаго его сужденія. Но Энгадской пустынникъ выступилъ впередъ, принявъ на себя видъ вдохновеннаго человѣка, которому поручены повелѣнія верьховною властью, превышающею всѣхъ властителей въ мірѣ. И въ самомъ дѣлѣ, одежда его изъ козьихъ кожъ, всклокоченные его волосы и борода, обезображенные черты лица, густые брови, яркій блескъ очей, все представляло въ немъ изображеніе этихъ пророковъ Священнаго Писанія, которые, по возложенной на нихъ обязанности Небомъ, являлись посланниками Божьими къ грѣшнымъ Царямъ Израильскимъ или Іудейскимъ, спускались съ утесовъ,

выходили изъ вертеповъ, гдѣ живали они въ глубочайшемъ уединеніи, для посрамленія земныхъ тирановъ посреди ихъ гордыни, изрѣкая надъ ними грозные приговоры Божескаго правосудія, подобно тучамъ низвергающимъ молніеносныя стрѣлы хранящіяся въ ихъ недрахъ, на пораженіе крила церьковнаго и верьхушекъ башенъ, дворцевъ.

Въ самыхъ величайшихъ порывахъ гнѣва, Ришардъ чтилъ всегда церьковь и ея служителей, и хотя недовольный видя къ себѣ своевольно входящимъ пустынника, онъ милостиво поклонился съ нимъ, давъ знакъ между тѣмъ Фомѣ Воксу поспѣшнѣе исполнить его порученіе.

Но пустынникъ знаками своими, взлядами и словами, запрещалъ Барону двигаться съ мѣста для исполненія такого посольства, и поднявъ обнаженную руку свою съ такою пылкостью, что эпанча его закинувшись назадъ, обнажила плѣчо его, исхудавшее отъ поста, покрытое рубцами бичеванья, которому онъ подвергалъ себя, оборотясь къ Королю, сказалъ:

—Имянемъ Божіимъ, и Святаго отца нашего, земнаго Вицъ-Короля Христіанской Церкви, я запрещаю нечестивый, кровожадный и звѣрской этотъ вызовъ между двухъ Христіанскихъ владѣтелей, носящихъ на плѣчѣ своемъ блаженное знаменіе креста, которымъ клялись они въ братствѣ. Горе нарушителю этаго союза! Ришардъ Англійской, уничтожь беззаконныя твои велѣнья, данные Барону. Мечь сверкаетъ надъ главой твоей.

—Опасность и смерть всегдашніе спутники Ришарда, отвѣчалъ Монархъ; я слишкомъ часто отражалъ мечь готовый разразить меня, и не страшусь убійственнаго кинжала.

—Опасность и смерть предстоятъ тебѣ! повторилъ затворникъ грознымъ голосомъ, котораго звуки казались не земными, а по смерти судъ Божій!

—Святой отецъ, я чту особу твою, твою святость, но.....

—Я не требую уваженія, я не хочу, чтобъ ты чтилъ меня; гнусное насѣкомое, пресмыкающееся на берегахъ Мертваго моря, питающееся

проклятымЪ его иломЪ, гораздо достойнѣе меня почтенія; но чти того, чьимЪ имянемЪ я вѣщаю тебѣ; чти того, кому обѣщался ты завоевать гробЪ Господень; чти клятву дружелюбія, произнесенную всѣми вами; и не расторгай, не нарушай драгоцѣнныхЪ узЪ вѣрности, соединяющихЪ всѣхЪ союзныхЪ владѣтелей.

—ОтецЪ мой, вы всѣ служители церкви преисполнены тщеславія, естли позволено откровенно сказать, и слишкомЪ полагаетесь на важность священнаго вашего сана. БезЪ сомнѣнія вы имѣете право управлять нашею совѣстью, но позвольте же и намЪ блюсти честь свою.

—Тщеславія, Король РишардЪ! Мнѣ ли быть тщеславнымЪ, когда я ни что иное, какЪ ничтожный позвонокЪ, правимый рукою звонаря; гнусный и безвчуственный колоколЪ, передающій велѣнія звонящаго. Смотри, я повергаюсь кЪ ногамЪ твоимЪ, умоляя тебя сжалиться надЪ Христіанствомъ, Англіею и самимЪ собою.

— Встаньте, встаньте, сказалъ Ришардъ, подымая его; прилично ли преклонять колѣна передъ человѣкомъ тому, кто такъ часто повергается передъ престоломъ Всевышняго! Какая опасность угрожаетъ намъ, достопочтенный отецъ? Давно ли Англійское могущество такъ унизилось, чтобы шумная наглость вашаго нововышедшаго Эрцъ-Герцога, могла до такой степени устрашить ее и ея Монарха.

— Я возводилъ очи свои съ высоты горы на небесныя тѣла, тогда какъ звѣзды, въ ночномъ своемъ теченіи, сообщали другъ другу мудрость свою, разливая познанія на небольшое число людей, которымъ извѣстенъ ихъ языкъ. Врагъ гнѣздится близь тебя, онъ посягаетъ на жизнь твою, гордый Монархъ; опасный врагъ для твоей славы и потомства; вліяніе Сатурна угрожаетъ тебѣ близкою, неминуемою и кровавою погибелью; и естли ты не сократишь надменную свою волю, не подчинишъ ее своему долгу, то онъ теперь же поразитъ тебя посреди твоей гордыни.

—Молчи! молчи! наука эта богопротивная; Христіане не должны упражняться въ ней; мудрецы не довѣряютъ ей: ты внѣ ума, старикъ.

—Нѣтъ, я не внѣ ума, Ришардъ; я не столько щастливъ, чтобы сойти совсѣмъ съ ума. Мнѣ извѣстно мое положеніе, я знаю, что во мнѣ есть еще остатки ума, не для самаго меня, но для пользы церкви и выгодъ креста; я слѣпецъ, держащій свѣточь для освѣщенія другихъ, не видящій самъ зги. Спроси меня о благѣ Христіанства и пользѣ кресговаго похода, и я буду отвѣчать тебѣ, какъ самый мудрѣйшій совѣтникъ, изъ устъ котораго проистекутъ убѣжденія. Заговори со мной на щетъ ничтожнаго моего бытія, и слова мои отзовутся презрительнымъ безумцемъ, какимъ я есть.

—Я не желаю расторгать союза, соединяющаго крестоносныхъ владѣтелей, сказалъ Ришардъ смягченнымъ голосомъ; но чѣмъ загладятъ они нанесенное мнѣ оскорбленіе и безславіе?

—Я готовъ отвѣчать на этотъ вопросъ, и даже имѣю порученіе на

то отъ верховнаго совѣта, который, бывъ созванъ Филиппомъ Французскимъ, поспѣшно собрался, и принялъ уже мѣры къ тому.

— Странно, что другіе берутъ на себя рѣшать о должномъ воздаяніи за нанесенное оскорбленіе Англійскому Королевству!

— Крестоносные владѣтели готовы предупредить, если можно, всѣ ваши требованія на этотъ щетъ. Они единодушно соглашаются, чтобы Англійское знамя снова возстановлено было на Георгіевской горѣ; они призываютъ къ суду виновника или дерзскихъ виновниковъ этой обиды; они обѣщаютъ царскую награду тому, кто объявитъ преступнаго, и трупъ его отдается на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ.

— А Австріецъ, на котораго падаютъ мои подозрѣнія, почитаемый мною виновникомъ этаго дерзновенія?

— Для предупрежденія раздора Христіянской арміи, Австріецъ готовъ оправдаться въ падающемъ на него подозрѣніи, подвергаясь испы-

танію, какое угодно будетъ Іерусалимскому Патріарху ему назначить.

—Согласенъ ли онъ оправдаться поединкомъ?

—Клятва его ему то воспрещаетъ. Къ тому же, Верховный совѣтъ владѣтелей....

—Не хочетъ позволять битвы ни съ Сарацинами, ни между Рыцарями, вскричалъ съ запальчивостію Ришардъ. Но довольно, мой отецъ, вы доказали мнѣ безразсудство предпринятаго мною намѣренія въ теперешнемъ случаѣ. Гораздо легче и удобнѣе будетъ вамъ зажечь факелъ въ дождевой лужѣ, нежели воспламенить искру въ холодномъ сердцѣ труса. Однакожъ, я хочу видѣть его клятвопреступленія; я буду настаивать, чтобъ его подвергли испытанію.

—Тише, Ришардъ! сказалъ пустынникъ; тише, ради стыда, если не ради человѣколюбія! Кто захочетъ прославлять и чтить владѣтелей, когда они сами ругаются и поносятъ другъ друга? Увы! должно ли, чтобъ такое благородное суще-

ство, какъ ты, котораго помышленія такъ благородны и возвышенны, дѣла такъ громки; Государь, приносящій честь Христіянству великими своими подвигами, просвѣщеннымъ и прозорливымъ умомъ, когда онъ обуздываетъ гнѣвъ свой, вдругъ предавался буйственной, неукротимой ярости льва, соединяя въ себѣ мужество и достоинства Царя Царей.

Пустынникъ на минуту остановился, какъ бы погруженный въ размышленія, съ поникшимъ взоромъ въ землю, прибавивъ потомъ: — Но Небо, снисходя къ несовершенствамъ нашей природы, соблаговолило принять ограниченное твое повиновеніе, и не уничтожая назначеннаго тебѣ жребія, отклоняетъ на время приговоръ свой. Ангелъ истребитель удержалъ руку свою, какъ здѣлалъ онъ на порогѣ двери Аронаго Жебюзеена; но мечь сверкаетъ въ десницѣ его, и не въ дальнемъ времяни умалитъ Ришарда, это львиное сердце, унизитъ долю его наровнѣ съ поселяниномъ.

— Скоро ли это случится? сказалЪ РишардЪ. Но пусть будетЪ такЪ! пусть жизнь моя блеститЪ, когда ей положенЪ кратковремянный предѣлЪ.

— Увы! благородный Король! сказалЪ пустынникЪ, и казалось слеза выкатилась изЪ его изсякшихЪ глазЪ, не привычныхЪ проливать слезы. Жизнь твоя будетЪ кратковремянна, уныла и скорбная; исполнена бѣдствій и униженія, отягченная плѣномЪ. Такова будетЪ мѣра послѣднихЪ дней твоихЪ, столь близкихЪ кЪ смерти ; ты снидешЪ вЪ отверстый тебѣ гробЪ, не оставивЪ по себѣ потомства; сыны твои не наслѣдуютЪ твоего царства, народЪ твой, истощенный безпрерывными войнами и налогами, не станетЪ оплакивать твоей кончины; ты не умножишЪ просвѣщенія вЪ своемЪ отечествѣ, ты не устроишЪ блага твоихЪ подданныхЪ.

— Но сниду со славою, и слезы моей любезной почтятЪ прахЪ мой, монахЪ. Эти утѣшенія, которыхЪ ты не вЪ силахЪ постигнуть, бу-

дутЪ сопутствовать Ришарду во гробѣ.

—И ты думаешь, что я не вЪ силахЪ постигнуть, не умѣю цѣнить похвалЪвоспѣваемыхЪМенестрелями, и любви боготворимойженщины? воскликнулЪ пустынникЪ сЪ величайшею пылкостію, не уступая вЪ восторгѣ самому Ришарду. Англійскій Король! продолжалЪ онЪ, простирая сухощавую свою руку; кровь, кипящая вЪ жилахЪ твоихЪ, не благороднѣе застылой во мнѣ. КакЪ ни охладѣли оставшіеся капли ея во мнѣ, но онѣ принадлежатЪ Королевской крови Люзиньяна, героя, Святаго Годфреда. Я называюсь, или лучше сказать, я назывался, когда жилЪ еще вЪ свѣтѣ, АлберикомЪ МортемаромЪ.....

—О подвигахЪ котораго гремѣла громкая слава! воскликнулЪ РишардЪ. Возможно ли! не ужЪ ли это вы! какЪ возмогло свѣтило царства скрыться сЪ горизонта, не оставивЪ по себѣ и слѣда; мы даже не знали, гдѣ отЪискать и прахЪ его!

—ОтЪищи упавшую звѣзду, отвѣчалЪ пустынникЪ, и ты найдешЪ

на мѣстѣ томъ нѣсколько капель гнойной воды, хотя она протекая по воздуху и сіяла блескомъ нѣсколько минутъ. Ришардъ, еслибъ я зналъ, что сорвавъ кровавый покровъ, подъ которымъ тлѣетъ ужасный жребій мой, возмогъ бы горделивую твою душу подчинить церковному повиновенію, то думаю, обрѣлъ бы въ себѣ достаточныя силы, для обнаруженія моихъ проступковъ, тщательно до сей минуты сокрытыхъ въ груди моей, хотя они и раздираютъ ее, какъ лисица грудь юнаго Спартанца. И такъ, слушай меня, Ришардъ, и да возмогутъ горесть, отчаянье, не приносящія ни малѣйшей пользы ничтожнымъ остаткамъ того, кто былъ нѣкогда человѣкомъ, послужить убѣдительнымъ примѣромъ такому благородному, хотя и неукротимому существу, каковъ ты. Да, да, я раскрою эти раны, столь долгое время сокрытыя отъ глазъ смертныхъ, хотя бы онѣ источивъ кровавые потоки, повергли меня мертвымъ предъ тобой.

Король Ришардъ, надъ которымъ повѣсть Алберика Мортемарскаго произвела глубокое впечатлѣніе въ самой юности, когда Менестрели во дворцѣ отца его воспѣвали преданія Святой земли, слушалъ со вниманіемъ сокращенныя подробности, хотя онѣ темно и безпорядочно были начертаны пустынникомъ, но достаточествовали для означенія причины помѣшательства ума этаго необыкновеннаго и злополучнаго человѣка.

—Не нужно сказывать, продолжалъ пустынникъ, что я происходилъ отъ благородныхъ родителей, былъ знатенъ, богатъ, храбръ на сраженіяхъ, мудръ въ совѣтѣ. Я все это былъ; но, тогда какъ знаменитѣйшія дѣвицы Палестины, оспоривали другъ у дружки право обвить вѣнкомъ мой шлемъ, сердце мое непоколебимо и страстно привязано было къ дочери простолюдима. Отецъ ея, старинный крестоносный воинъ, замѣтилъ нашу любовь, и зная, какую непреодолимую преграду полагало между нами различіе рода, не обрѣталъ другаго убѣжища

для спасенія чести дочери своей, опричь монастыря. Возвратясь съ дальнаго похода, обремененный славою и добычею, я нашелъ щастіе мое навѣкъ опровергнутымъ. Я заключилъ себя также въ монастырь; но дьяволъ, обрекшій меня въ жертву себѣ, вдохнулъ въ сердце мое духовную гордость съ честолюбіемъ, которые конечно проистекаютъ изъ адскаго гнѣздилища. Я возвысился въ духовномъ званіи наровнѣ съ занимаемою мною степенью въ свѣтѣ. Меня прославляли мудрымъ, правдивымъ, безгрѣшнымъ; со мною совѣтовались на соборахъ, я былъ пастыремъ Прелатовъ. Какъ могъ я споткнуться? какъ могъ страшиться я соблазна? Увы! меня избрали духовникомъ одного монастыря, а въ этомъ монастырѣ нашолъ я ту, которой столько времяни лишился! Увольте меня отъ подробнѣйшихъ признаній. Виновная монахиня, наказавшая себя самоубійствомъ за свое преступленіе, покоится подъ сводами Энгадской пещеры, тогда какъ надъ могилою ея плачетъ, стонетъ и отчаявается существо, ко-

торому осталось еще столько разсудка, чтобы чувствовать всю бездну своего нещастія и преступленія!

—Но какимъ образомъ вы избѣгли наказанія? спросилъ Ришардъ.

—Спроси о томъ погруженнаго въ свѣтской мглѣ, отвѣчалъ пустынникъ, и онъ скажетъ тебѣ, что меня спасло личное уваженіе къ верховному моему сану и знатнѣйшему роду. Но я, Ришардъ, скажу тебѣ, что Провидѣніе соблюло меня на то, чтобы я служилъ свѣтиломъ предгорія, котораго прахъ, по отлученіи души отъ тѣла, развѣютъ на вѣтеръ. Какъ ни истощено, сколько ни покрыто морщинами бѣдное это тѣло, но оно движимо и живится двумя противуборствующими свойствами; одно дѣятельно, предпріимчиво, добро, прозорливо для подкрѣпленія правъ Іерусалимской церкви; другое гнусно, презрительно, слабо, колеблемо безуміемъ и отчаяньемъ, для оплакиванія моего окаянства и охраненія святыни, на которую я не осмѣлюсь поднять преступныхъ глазъ своихъ. Не сострадай о мнѣ,

грѣшно бы было жалѣть о такой презрѣнной твари. Не сожалѣй о мнѣ, но пользуйся моимъ примѣромъ. Ты поставленъ на возвышеннѣйшей степени, слѣдственно и подверженъ величайшимъ опасностямъ въ сравненіи съ другими властителями; сердце твое пресыщается гордостью, жизнь твоя проходитъ въ сладострастіи, руки твои обагряются кровію. Отжени отъ себя грѣховныхъ этихъ чадъ, какъ бы они не были драгоцѣнны падшему Адаму; изгони изъ сердца своего усыновленныхъ чадъ своихъ, гордость, сладострастіе и кровожадность.

—Онъ въ изступленіи, сказалъ Ришардъ, отвернясь отъ пустынника, и обращая слова свои къ Воксу, съ видомъ человѣка раздраженнаго язвительною насмѣшкою, не хотящаго обнаружить своей досады. Потомъ взглянулъ на затворника съ спокойнымъ видомъ, походящимъ на презрѣніе.

—Окаменѣлое сердце, желѣзная рука, тщетны всѣ примѣры и убѣжденія, вскричалъ затворникъ. Одна-

кожъ, ты будешъ пощаженъ на время, дабы возмогъ переиначиться образъ жизни твоей и подчиниться волѣ Божіей. А я поспѣшно долженъ возвратиться въ свою пещеру. *Kyrie Eleison.* Я тотъ, посредствомъ котораго изливается благодать Божія, какъ солнечные лучи ударяясь въ зеркало, и отражаясь на бренные предметы, пожигаетъ ихъ, не согрѣвая ни мало стекла. *Kyrie éleison.* Должно созвать убогихъ, потому что богачи отказываются отъ пиршества. *Kyrie éleison.* И съ этими словами онъ вышелъ изъ шатра, испуская вопли.

—Онъ сумасшедшій, совсѣмъ помѣшанный, вскричалъ Ришардъ; сумозбродныя восклицанія пустынника, отчасти изгладили произведенное надъ нимъ впечатлѣніе подробнымъ описаніемъ жизни и проступковъ этаго нещастнаго. Поди за нимъ, Воксъ, охрани его отъ всякихъ непріятностей, могущихъ выпти; потому, что мы хотя и кресгоносцы, но всякой фигляръ приобрѣтетъ у нашихъ солдатъ больше уваженія, нежели монахъ или

святой, и они могутъ сыграть съ нимъ какую нибудь штуку.

Воксъ повиновался, и Ришардъ предался возбужденнымъ въ немъ мыслямъ странными предсказаніями пустынника.

—Умереть въ молодости, не оставивъ потомства, не заслуживъ соболѣзнованія! Какой ужасный приговоръ; къ щастію, что онъ произнесенъ не настоящимъ судіей. Однакожъ, Сарацины, столько свѣдущіе въ сокровенныхъ наукахъ, удостовѣряютъ, что тотъ, предъ кѣмъ вся мудрость мудрѣйшихъ изъ насъ ничтожна, даруетъ пророческой духъ лишеннымъ ума. Также утверждаютъ, что этотъ пустынникъ проникаетъ будущее по планетамъ; наука столько извѣстная въ здѣшнихъ странахъ, гдѣ нѣкогда поклонялись нѣбеснымъ свѣтиламъ. Я желалъ бы разспросить его о похищеніи моего знамя, потому, что блаженный основатель его ордена, не могъ бы больше его быть восторженнымъ, ни такъ ясно прорѣкать. Ну, Воксъ, какую принесъ ты вѣсть мнѣ объ этомъ безумномъ монахѣ?

—Вы называете его безумнымъ, Государь, отвѣчалъ Воксъ! Онъ взошелъ на одну изъ воинскихъ махинъ, и оттуда поучаетъ солдатъ, какъ ни одинъ еще человѣкъ не проповѣдывалъ со времянъ Петра пустынника. Весь лагерь, привлеченный его криками, толпится вкругъ него; и перерывая по времянамъ главную рѣчь свою, онъ обращается попеременно къ различнымъ народамъ, говоря съ каждымъ ихъ языкомъ, укрѣпляя ихъ въ твердомъ и непреложномъ ихъ намѣреніи къ освобожденію Палестины.

—Клянусь озаряющею насъ денницею, этотъ пустынникъ предостойный человѣкъ, сказалъ Король. Да и какъ можно иначе было ожидать отъ потомка благороднѣйшаго Годфреда? Онъ отчаявается въ своемъ спасеніи, потому что однажды подчинился любви. Я достану ему отъ Папы разрѣшеніе.

—Тутъ пришли донесть ему, что Тирскій Архіепископъ проситъ у него аудіенціи, для приглашенія Ришарда, если здоровье его позволитъ ему, въ тайный Совѣтъ крестовыхъ

полководцевЪ, гдѢ сообщатЪ ему о политическихЪ и воинскихЪ происшествіяхЪ, воспослѢдовавшихЪ со времяни его болѢзни.

КНИГА X.

„Ужель постыдным образом вложишь въ ножны нашъ мечь, поборникъ вѣчной славы? Погибелью враговъ устлавши путь кровавый, отступим ли назадъ съ позоромъ и стыдомъ, отбросивъ щитъ, пріятый нами съ клятвой: враговъ сразить, Господень гробъ освободить? Священный нашъ обѣтъ ужель нарушится совсѣмъ, оставшися пустой грозой для супостатовъ, развѣянный по горамъ и доламъ какъ прахъ?“

Крестовый походъ, трагедія.

Не льзя было лучше выбрать для сообщенія Ришарду предлагаемыхЪ замысловЪ, какЪ Тирскаго Архіепископа; еслибЪ кто другой взялся за это порученіе, то не избѢгнулЪ бы его гнѢва и ярости. СамЪ достопочтенный этотЪ ПрелатЪ, не смотря на величайшія свои способности и гибкость ума, находилЪ труднымЪ

приготовить Ришарда въ выслушанію его представленій, которыми опровергались всѣ надежды его на завоеваніе Гроба Господня силою оружія, и разрушался достославный его подвигъ, когда все Христіянство готовилось уже наименовать его поборникомъ креста.

По словамъ Архіепископа, видно было, что Саладинъ собиралъ грозное свое ополченіе ста поколѣній, и что Европейскіе монархи, утомленные непреодолимыми трудностьми, и отвлекаемые разными причинами отъ крестоваго похода, сдѣлавшагося неудобнымъ, и становившимся день отъ дня затруднительнѣйшимъ, рѣшились отказаться отъ своего предпріятія. Они были подкрѣпляемы въ томъ Филиппомъ Французскимъ, который не смотря на всѣ дружескія увѣренія, въ обезпеченіе брата своего и союзника, Короля Англійскаго, торжественно уже объявилъ о твердомъ намѣреньи своемъ возвратиться въ Европу. Великій вассалъ его, Графъ Шампанскій, на то же рѣшался; и не удивительно покажется, что Леопольдъ, бывъ

такъ много оскорбленъ Ришардомъ, съ удовольствіемъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отказаться отъ этаго похода, въ которомъ надмѣнный сопротивникъ его почитался главою. Другіе объявляли тоже намѣреніе; и такимъ образомъ, очевидно было, что если Англійскій Король упорно захочетъ остаться въ Палестинѣ, то для подкрѣпленія его, выищутся способствовать ему одни лишь охотники, которые при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, могутъ присоединиться къ Англійской арміи, и съ ненадежною помощью Конрада Монтферадскаго, Рыцарьми воинственныхъ орденовъ Іерусалимскаго и Тампліерскаго, которые хотя и обязаны даннымъ ими обѣтомъ воевать съ Сарацинами, не желали однакожъ, чтобъ кто изъ Европейскихъ Монарховъ завоевалъ Палестину, гдѣ при ограниченныхъ видахъ расчетливой своей политики, они располагались составить себѣ независимыя владѣнія.

Не много стоило труда доказать Ришарду, каково было настоящее

его положеніе. Послѣ первыхъ порывовъ праведнаго своего негодованія, онъ спокойно сѣвъ, слушалъ съ мрачнымъ видомъ, съ поникшею головою, сложивъ руки, разсужденія Архіепископа о невозможности выдерживать кресповый походъ, когда всѣ союзники покинутъ его. Онъ даже не перервалъ его, когда Прелатъ размѣрными словами осмѣлился дать почувствовать Ришарду, что неукротимый нравъ, его запальчивое свойство, было главнѣйшею причиною, побуждающею владѣтелей прекратить совсѣмъ военныя дѣйствія.

— *Confiteor*, отвѣчалъ Ришардъ, съ унылымъ видомъ и горькою улыбкою; признаюсь, почтенный Прелатъ, что по многимъ отношеніямъ, я желалъ бы сказать *meâ culpâ*. Но не жестоко ли наказывать своенравіе мое такимъ покаяніемъ; и чтобы за нѣсколько извинительныхъ проступковъ запальчивости моей, я осужденъ былъ видѣть собственными глазами такую обильную жатву для славы Божіей и чести рыцарства, поблекшею, прежде нежели успѣю собрать ее. Но она не

поблекнетЪ! Клянусь душею завоевателя, я водружу крестное знамя на IерусалимскихЪ башняхЪ, или его воздвигнутЪ на могилѢ Ришарда!

—Вы можете это сдѢлать, сказалЪ АрхiепископЪ, не проливая ни одной капли Христiянской крови.

—Вы хотите сказать о перемирiи, но тогда должно, чтобЪ и кровь невѢрныхЪ этихЪ собакЪ переставала бы также литься.

—Довольно и этой славы, чтобы силою, оружiя, и возбуждаемымЪ почтенiемЪ вашимЪ громкимЪ имянемЪ, исторгнуть у Саладина условiя, по которымЪ возвратятЪ намЪ ГробЪ Господень, отверзется входЪ вЪ Святую землю богомольцамЪ, обезпечится ихЪ безопасность крепостями, а что главнѢе всего, утвердится безЪопасность святаго града предложеннымЪ титломЪ Ришарду, Короля блюстителя Iерусалима.

—КакЪ? вскричалЪ РишардЪ, сЪ взорами сверкающими необыкновеннымЪ блескомЪ, я! я! я буду КоролемЪ блюстителемЪ святаго града! Сама побѢда, еслибЪ она была толь-

ко побѣдою, не могла бы пріобрѣсть важнѣйшихъ выгодъ; едва ли бы можно было ожидать отъ нее такой славы, при несогласіи полководцевъ, и не охотномъ ихъ служеніи. Но намѣренъ ли Саладинъ сохранить какую власть въ Святой землѣ?

—Какъ сотоварищь въ царствованіи могущественному Ришарду, своему союзнику, и если позволено, родственнику его узами брака.

—Брака! повторилъ изумленный Ришардъ, но не столько какъ то полагалъ Прелатъ. Ахъ! да! Эдифъ Плантагенетъ. Не воснѣ ли я это видѣлъ? или кто сказывалъ мнѣ о томъ? Голова моя все еще не свѣжа, и всѣ мысли въ ней были такъ взволнованы... Не Шотландецъ ли этотъ, Гакимъ, или пустынникъ, говорили мнѣ о странномъ этомъ намѣреніи.

—Вѣроятно вы слышали о томъ отъ Энгадскаго пустынника, сказалъ Архіепископъ; потому что онъ много участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ неудовольствіе владѣтелей сдѣлалось очевидно, а распущеніе ихъ войскъ кажется не-

избѣжнымъ, онъ велъ большіе переговоры съ Христіянами и съ Музульманами, для склоненія ихъ къ миру, которымъ бы по крайности утвердились за Христіянами всѣ выгоды, предполагаемыя имъ отъ крестоваго этаго похода.

—Родственницу мою за Музульманина! вскричалъ Ришардъ, котораго глаза снова начали воспламеняться.

Прелатъ поспѣшно старался отзратить гнѣвъ его.

—Безъ сомнѣнія, сначала должно еще испросить согласіе Папы, сказалъ онъ, и святой пустынникъ, столько извѣстный Риму, войдетъ въ посредничество у Его Святѣйшества.

—Какъ! безъ нашего предварительнаго на то соизволенія, вскричалъ Ришардъ.

—Не иначе, отвѣчалъ Архіепископъ, тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ, какъ съ особеннаго вашего на то соизволенія.

—Мнѣ согласиться на замужство родственницы моей съ Музульманиномъ! сказалъ Ришардъ. Однакожъ

онЪ говорилЪ это, какЪ человѣкЪ колеблющійся вЪ своемЪ намѣреньи, и не знавшій самЪ, на что ему рѣшиться, не показывая вида, чтобЪ онЪ рѣшительно отвергалЪ такое предложеніе. МогЪ ли я вообразить о такомЪ распоряженіи, прибавилЪ онЪ, когда спрыгнувЪ сЪ носа моей галеры на Сирійскій берегЪ, какЪ левЪ устремился на свою добычу! А теперь.... Но продолжайте, я сЪ терпѣніемЪ васЪ выслушаю.

Восхищенный и удивленный, что предпринятое имЪ дѣло гораздо легче обошлось, нежели онЪ воображалЪ, АрхіепископЪ тотчасЪ разсказалЪ Ришарду, множество примѣровЪ подобныхЪ браковЪ бывавшихЪ вЪ Гишпаніи, но не безЪ согласія Папы; представилЪ ему неминуемыя выгоды, которыя получитЪ все Христіянство отЪ заключеннаго союза между РишардомЪ и СаладиномЪ такимЪ бракомЪ; особенно же, сЪ восторгомЪ и краснорѣчиво говорилЪ онЪ, о предполагаемой имЪ возможности, отвратить Саладина отЪ нелѣпаго его закона, и обратить его

въ Христіянскую вѣру, посредствомъ этаго брака.

—Расположенъ ли Султанъ обратиться въ Христіянскую вѣру? спросилъ Ришардъ. Еслибъ это такъ было, то нѣтъ другаго въ мірѣ Государя, за котораго бы я такъ охотно отдалъ родственницу, даже сестру мою, какъ за благороднаго Саладина. Да, да, еслибъ у него не было ничего другаго предложить ей, кромѣ надежнаго своего меча, и превосходнѣйшаго сердца, и когда бы другіе клали къ ногамъ ея скиптры и короны.

—Саладинъ милостиво выслушалъ наставниковъ нашей вѣры, отвѣчалъ Архіепископъ, стараясь отклонить вопросъ Ришарда, и позволено надѣяться, что мы исторгнемъ его изъ мрака суевѣрія. *Magna est veritas, proevalebit.* Въ добавокъ, Энгадской пустынникъ, котораго слова рѣдко падаютъ на безплодную землю, твердо увѣренъ, что наступаетъ время, когда Сарацины и прочіе язычники призовутся къ познанію истинны, и что это супружество можетъ ускорить оное. Онъ чита-

етъ будущее по теченію небесныхъ свѣтилъ; и проводя дни свои въ умерщвленіи плоти, въ священныхъ этихъ мѣстахъ, вдревлѣ обитаемыхъ святыми угодниками. Онъ вперяетъ въ себя духъ Ильи Пророка, блаженнаго основателя ихъ ордена, которымъ озаренъ былъ пророкъ Елисей, сынъ Сафата, получивъ отъ него ментію.

Король Ришардъ слушалъ разсужденія Прелата, съ потупленнымъ взоромъ и съ смятеннымъ видомъ.

—Я не узнаю себя! Что со мною здѣлалось! сказалъ онъ; мнѣ кажется, что холодные совѣты Христіанскихъ владѣтелей заразили и меня безчувственностью и нерадѣніемъ. Естьлибъ, въ прежнія времяна, свѣтской человѣкъ предложилъ бы мнѣ о такомъ союзѣ, то я размозжилъ бы ему голову; а естьлибы какая духовная особа, то я почелъ бы его за богоотступника и служителя Ваала. И однакожъ теперь, предложеніе это не отзывается такъ щекотливо въ ушахъ моихъ. Для чего не принять мнѣ братства и союза отъ храбраго, справедливаго и великодушнаго

Сарацина, который умѣетъ любить и уважать непріятеля достойнаго его, какъ бы онъ былъ его другомъ, тогда какъ Христіанскіе владѣтели подлымъ образомъ выдаютъ своихъ союзниковъ, помрачаютъ рыцарскую честь и славу Божію? Но я вооружусь терпѣніемъ, и не стану думать о нихъ. Только испытаю еще разъ, не льзя ли скрѣпить снова узы, соединяющія храброе это воинство. И естьли не успѣю въ томъ, то мы обратимся къ вашему предложенію: что же принадлежитъ до теперешней минуты, то я не принимаю и не отвергаю его. Пойдемте въ совѣтъ, достопочтенный Архіепископъ; часъ собранія уже наступилъ; вы укоряете Ришарда въ гордости и запальчивости; вы увидете его кроткимъ и гибкимъ какъ кустарникъ, отъ котораго произошло наимянованіе нашего поколѣнія.

Съ помощію комнатныхъ служителей, Король наскоро надѣлъ на себя фуфайку, эпанчу темнаго цвѣта, и не имѣя на себѣ другаго знака Королевскаго отличія, кромѣ золотаго обруча на головѣ, отправился

сѣ Тирскимѣ Архіепископомѣ вѣ верховный совѣтѣ, гдѣ его только дожидались для открытія засѣданія.

Совѣтѣ собиралея всегда вѣ пространномѣ шатрѣ, передѣ которымѣ развѣвалось великое знамя креста, и другое, сѣ изображеніемѣ женщины, преклонившей колѣна, вѣ слезахѣ, сѣ распущенными волосами, вѣ небрежной одеждѣ, какѣ бы вѣ видѣ сѣтующей и сиротствующей Іерусалимской церкви, сѣ надписью: *Afflictae Sponsoe ne obliviscaris*. Стража всегда выбиралась изѣ лучшихѣ воиновѣ, для охраненія шатра, не допуская никого кѣ нему приближаться, чтобы разсужденія членовѣ, часто очень шумныя, а иногда даже и бурныя, не доходили до слуха постороннихѣ людей.

Вѣ этомѣ-то мѣстѣ собирались начальники крестоваго похода, ожидая прибытія Ришарда; враги его непропустили воспользоватся небольшимѣ его замедленіемѣ, чтобы обратить его ко вреду ему; они разглашали различныя черты его надмѣнности, властолюбія, подстрекающаго его кѣ одержанію преимущест-

ва надъ другими, приписывая ему въ вину даже и минутное его замедленіе. Каждый старался утвердиться въ дурномъ своемъ мнѣніи на щетъ Ришарда, и оправдаться въ собственныхъ глазахъ, истолковывая сколько можно въ дурную сторону самомалѣйшія обстоятельства; и все это, можетъ статься, отъ того, что каждый чувствовалъ въ себѣ невольное почтеніе къ Англійскому Королю, для преодолѣнія котораго нужны были необыкновенныя усилія.

Въ слѣдствіе чего положено было, по приходѣ Ришарда, принять его безъ особеннаго уваженія, изъявивъ ему только необходимые знаки вниманія, для вида и для поддержанія холоднаго церемоніала. Но когда они увидѣли благородную эту осанку, величественный станъ, лице совершенно царское, поблѣднѣлое отъ послѣдней болѣзни; этотъ взоръ, прозванный Менестрелями блестящею звѣздою битвъ и побѣды; когда вспомнили его подвиги, превышающіе всякое понятіе о человѣческой силѣ и мужествѣ, то каждый всталъ передъ нимъ; соревнователь его, Ко-

роль Французскій, и угрюмый, недовольный Эрцъ-Герцогъ Австрійскій также встали какъ и прочіе; все собраніе Князей и Полководцевъ единодушно воскликнуло:—Да здравствуетъ Ришардъ, Король Англійской! долгоденствія желаемъ храброму Львиному-сердцу!

Съ открытымъ и яснымъ лицемъ, какъ лѣтнее солнце при восходѣ своемъ, Ришардъ откланялся всему собранію, радуясь видя себя снова посреди крестоносныхъ Князей.

Онъ желалъ бы, говорилъ онъ, произнесть нѣсколько словъ къ собранію, хотя предмѣтъ этотъ совсѣмъ ничтожный въ глазахъ такого знаменитаго общества, потому что дѣло идетъ о немъ самомъ, отваживаясь тѣмъ отсрочить на нѣсколько минутъ ихъ совѣщанія о благѣ Христіанства и успѣхахъ крестоваго похода.

Владѣтели сѣли по мѣстамъ, и распростерлось глубокое молчаніе.

— Нынѣче двунадесятый праздникъ, продолжалъ Англійской Король, и Христіанамъ прилично въ такіе дни примиряться другъ съ

другомъ, кался въ винахъ своихъ. Благородные Князья! при священномъ нашемъ ополченіи, Ришардъ ни что иное, какъ солдатъ; рука его гораздо искуснѣе дѣйствуетъ, нежели умѣетъ изъясняться языкъ, слишкомъ привыкшій къ грубымъ изрѣченіямъ его званія. Но, излишняя пылкость и неосмотрительные поступки Плантагенета, да не будутъ причиною вашего отрѣченія отъ благороднаго предпріятія въ освобожденіи Палестины. Не отказывайтесь отъ земной славы и вѣчнаго спасенія, которыя можете пріобрѣсть здѣсь, естьли смертный когда нибудь можетъ ихъ заслужить, только для того, что солдатъ поступалъ слишкомъ запальчиво; только для того, что слова его были жестки какъ желѣзо, которымъ онъ покрытъ съ младенчества. Естли Ришардъ проступился въ чемъ передъ кѣмъ изъ васъ, то Ришардъ готовъ удовлетворить его и словами и поступками. Благородный братъ мой, Король Французскій, неужъ ли я былъ столько нещастливъ, что могъ васъ оскорбить?

— Король Англійскій ни чѣмъ не оскорбилъ Французскаго Короля, отвѣчалъ Филиппъ съ совершенно Королевскимъ достоинствомъ, взявъ простертую къ нему руку Ришарда. На что бы я ни рѣшился въ отношеніи къ крестовому походу, то повѣрьте, что я буду дѣйствовать въ томъ лишь съ пользою и выгодами моего Государства, а конечно не по неудовольствію или изъ ревности къ достойному и храбрѣйшему моему брату.

— Эрцъ-Герцогъ Австрійскій, сказалъ Ришардъ, подходя съ откровенностью и достоинствомъ къ Леопольду, который какъ бы невольно вставъ, на подобіе куклы, ожидающей движенія отъ дѣйствующей ею внѣшней пружины; Эрцъ-Герцогъ Австрійскій почитаетъ себя оскорбленнымъ отъ Англійскаго Короля; Король Англійскій также имѣетъ право жаловаться на Австрійскаго Эрцъ-Герцога; да предадутъ они взаимному забвенію свои обиды, для поддержанія мира въ Европѣ, и утвержденія согласія въ крестоносной арміи. Мы всѣ здѣсь защитники бла-

городнѣйшаго знамя, высшаго надъ всѣми знаменами земныхъ владыкъ, знаменія спасенія. Итакъ, да истребятся всѣ вражды межъ нами, за знаки земнаго отличія; но да возстановитъ Леопольдъ на должномъ мѣстѣ Англійское знамя, естли оно находится во власти его, и Ришардъ скажетъ, хотя и ни что не побуждаетъ его къ тому, кромѣ уваженія его къ святой церкви, что онъ раскаявается въ опрометчивомъ своемъ поступкѣ при оскорбленіи Австрійскаго знамя.

Леопольдъ хранилъ молчаніе; пасмурный и угрюмый видъ его, потупленные глаза, и всѣ черты лица означали скрытое неудовольствіе, которое изъ почтительнаго опасенія, смѣшаннаго съ неловкостью, воздерживалъ онъ, боясь обнаружить его словами.

Іерусалимской Патріархъ поспѣшилъ перервать затруднительное это молчаніе, объявивъ, что Австрійскій Эрцъ-Герцогъ оправдался торжественною клятвою отъ тайнаго или явнаго участія въ похищеніи и оскорбленіи Англійскому знамю.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Ришардъ, мы совершенно были несправедливы противъ благороднаго Эрцъ-Герцога; мы просимъ у него прощенія, обвинявъ его въ такомъ подломъ поступкѣ, подавая ему руку въ знакъ примиренія и дружбы. — Что это значитъ? Леопольдъ отказывается коснуться обнаженной нашей руки, какъ прежде отрѣкся онъ прикоснуться къ нашей перчаткѣ! — И такъ, мы не можемъ быть ни сотоварищемъ его въ мирное время, ни сопротивникомъ на мѣстѣ битвы! Пусть будетъ такъ! Мы примемъ и слабый признакъ уваженія его къ намъ, какъ возложеннаго на насъ покаянія за здѣланный нами проступокъ въ минуту нашего пыла, и съ этихъ поръ будемъ почитать эту обиду отплаченною.

При этихъ словахъ, онъ отвернулся отъ Эрцъ-Герцога больше съ важностью, нежели съ презрѣніемъ, оставивъ Леопольда облегченнымъ при отступленіи его, какъ провинившійся школьникъ успокоивается, видя глаза наставника своего отвращенными отъ него.

— Благородный Графъ Шампанскій, продолжалъ Ришардъ, Князь Маркизъ Монтфератскій, храбрый Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ, я здѣсь кающійся грѣшникъ на исповѣди: не имѣетъ ли кто изъ васъ противъ меня неудовольствія, не требуетъ ли удовлетворенія?

— Не знаю, въ чемъ бы вы могли провиниться передъ нами, отвѣчалъ краснорѣчивый Конрадъ, развѣ въ томъ, что Англійскій Король похищаетъ всю славу у бѣдныхъ своихъ сослуживцевъ, лишая ихъ мечтаемыхъ ими побѣдъ въ этомъ походѣ.

— Мое обвиненіе, естьли мнѣ позволено объявить его, сказалъ Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ, гораздо важнѣе и значущѣе Маркиза Монтфератскаго. Можетъ статся найдутъ неприличнымъ, что монашествующій воинъ, какъ я, приступаетъ къ обвиненію тогда, какъ столько благородныхъ, знаменитыхъ Князей хранятъ молчаніе; но честь всей арміи того требуетъ, даже собственная честь благороднаго Англійскаго Короля, чтобы онъ слышалъ прямо въ глаза сказанное ему то, въ чемъ столь-

ко другихъ людей жалуются на него заочно. Мы восхваляемъ и уважаемъ храбрость и знаменитые подвиги Англійскаго Короля; но прискорбно намъ видѣть, что онъ во всякомъ случаѣ беретъ первенство и преимущество надъ нами, стараясь поддерживать ихъ, чего независимые владѣтели не могутъ потерпѣть безъ униженія. Мы изъ доброй воли готовы уступить ему во многомъ, и отдать преимущество его мужеству, усердію, ревнію, могуществу, богатству; но тотъ, кто присвоиваетъ себѣ все силою, какъ бы въ правѣ того требовать, не оставляя намъ ни чего предоставить ему изъ вѣжливости, прямодушія и снисхожденія—обходится съ нами не какъ съ союзниками, но какъ бы съ своими данниками, помрачая и унижая въ глазахъ нашихъ солдатъ и нашихъ подданныхъ собственную нашу власть, стѣсняя наши права. Англійскому Королю угодно было вызваться самому, прося, чтобъ мы искренно сказали ему правду, то онъ не долженъ ни удивляться, ни раздражаться, слыша истинну изъ устъ человѣка, которому зем-

ныя почести и свѣтскія приличія возбраняются; который ни мало не дорожитъ свѣтскою властію, какъ только въ отношеніи къ тому, что она можетъ способствовать благоденствію храма Божія, и къ паденію алчнаго звѣря, блуждающаго безпрерывно вкругъ насъ, для похищенія себѣ добычи; который отвѣчаетъ откровенно на вопросъ его, говоря ему истинну, подтверждаемую въ эту самую минуту сердечнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ слушателей, хотя почтеніе и заграждаетъ имъ уста.

Щеки Ришарда воспламенялись, по мѣрѣ какъ Гросъ-Мейстеръ нападалъ такъ явно и открыто на его поведеніе; и глухой ропотъ, раздавшійся въ совѣтѣ, при окончаніи его рѣчи, служилъ ему яснымъ доказательствомъ, что всѣ присудствующіе одобряли справедливое это обвиненіе. Раздраженный, и въ то же время униженный, почувствовалъ однакоже онъ, что предавшись запальчивости своей и негодованію, онъ придастъ больше вѣсу словамъ хладнокровнаго своего обвинителя, и совершенно унизитъ, посрамитъ

себя; а вѣ этомѣ-то и состояла вся цѣль Тампліера. И такѣ, преодолѣвѣ себя неимовѣрнымѣ образомѣ, онѣ хранилѣ молчаніе, покуда не прочелѣ вѣ мысляхѣ *Отче нашѣ*, какѣ совѣтывалѣ ему духовникѣ его дѣлать всякой разѣ, когда онѣ почувствуетѣ, что гнѣвѣ начнетѣ овладѣвать имѣ. Потомѣ сталѣ говорить очень спокойно, хоть и сѣ нѣкоторымѣ оскорбленіемѣ, особливо сѣ начала.

—Возможно ли? Неужѣ ли братья наши принимали на себя столько труда, чтобы разыскивать наши слабости и недостатки, и замѣчать запромѣтчивое наше усердіе, побуждавшее насѣ иногда отдавать приказы, когда время и нужды не терпѣли ни малѣйшихѣ отсрочекѣ? Я никакѣ не воображалѣ, чтобы оскорбленія случайно или неумышленно причиненныя, могли произвесть такое глубокое впечатлѣніе надѣ сердцами моихѣ союзниковѣ, вѣ священномѣ этомѣ подвигѣ, и до такой крайности востановить ихѣ противѣ насѣ, чтобы они захотѣли, единственно для меня, отнять руку свою отѣ орала, когда бразда уже почти про-

ведена; чтобы они помыслили, единственно для меня, отвратиться отЪ пути ведущаго ихЪ прямо вЪ ІерусалимЪ, и очищеннаго ихЪ мечемЪ? Тщетно я ласкался моими слабыми заслугами, загладить проступки моей запальчивости; тщетно надѢялся, что естьли вспоминаютЪ о томЪ, какЪ побуждалЪ я итти на приступы, то не забудутЪ и того, какЪ всегда бывалЪ я послѢдній при отступленіи. Водружая знамя на полѢ битвы, покинутомЪ непріятелями, я искалЪ вЪ томЪ одной лишь славы, тогда какЪ другіе дѢлили между собою добычи. Я могЪ нарѢкать моимЪ имянемЪ побѢжденные города, но владычество ихЪ уступалЪ всегда другимЪ. Естьли я дерзалЪ подавать отважные совѢты, то за то не щадилЪ собственной жизни, ни солдатЪ моихЪ, когда должно было выполнять ихЪ. Естьли я вЪ быстрыхЪ переходахЪ, или вЪ пылу сраженія, при разстройствѢ свѢхЪ войскЪ, иногда распоряжалЪ чужими солдатами, то всегда поступалЪ сЪ ними какЪ сЪ моими собственными, доставая за дорогую цѢну жизнен-

ные припасы и лѣкарства, которыми не могли ихъ снабжать полководцы ихъ.

—Но я стыжусь напоминать вамъ о томъ, что по видимому вы кажется предали забвенію; займитесь лучше мѣрами, которые намъ остается взять; и повѣрьте мнѣ, благородные мои братья, прибавилъ онъ съ пламенѣющимъ лицемъ отъ рвенія, ни гордость, ни гнѣвъ, ни честолюбіе Ришарда, не будетъ вамъ камнемъ претькновенія на пути, куда религія и слава призываютъ васъ, какъ трубный гласъ Архангела. О! нѣтъ, нѣтъ, я не переживу этой мысли, чтобы мои слабости и недостатки могли расторгнуть узы, соединяющіе священное это собраніе Князей. Я готовъ правою моею рукою отсѣчь лѣвую, естьлибъ было это нужно въ доказательство моего чистосердечія. Я охотно уступлю всѣ права свои на начальство надъ войсками, даже и надъ собственными моими солдатами; пусть будутъ они въ повелѣніяхъ избраннаго вами полководца; а Король ихъ, который охотно готовъ промѣнять жезлъ свой на

копье простаго пришлеца, станетЪ сражаться подЪ знаменами Бо-Сеана, между Тампліерами, даже подЪ знаменами Эрцъ-Герцога Австрійскаго, естьли Эрцъ-Герцогу угодно будетЪ назначить кого изЪ храбрыхЪ воиновЪ, для предводительства его войсками. Или, естьли вы утомились этою войною, естьли доспѣхи ваши слишкомЪ васЪ отягощаютЪ, то оставте Ришарду десять или пятнатцать тысячь вашихЪ войскЪ для исполненія вашего обѣта, и когда СіонЪ будетЪ нашЪ, воскликнулЪ онЪ потрясая рукою, какЪ бы водружая крестное знамя на стѣнахЪ Іерусалима:

—И когда СіонЪ будетЪ нашЪ, то мы надпишемЪ на вратахЪ его, не имя Ришарда Плантагенета, но имена великодушныхЪ Князей, доставившихЪ ему средство овладѣть имЪ.

Простое краснорѣчіе воинственнаго Монарха, его неустрашимость, ободрили унылый духЪ крестоносцевЪ, оживили ихЪ набожность, и углубя ихЪ вниманіе на главный предмѣтЪ ихЪ похода, сдѣлали, что

большая часть изъ присудствующихъ Князей въ Совѣтѣ, устыдились уступивъ влiянiю пустыхъ жалобъ, которыя за нѣсколько минутъ такъ сильно поколебали ихъ. Огненный взоръ Ришарда воспламенилъ ихъ взоры, голосъ его придалъ имъ отважность возвысить голоса свои. Воинственные клики, подобно соотвѣтствовавшимъ на призывъ Петра Пустынника, раздались подъ сводами шатра; со всѣхъ сторонъ кричали они: — Веди насъ, храбрый Львиное Сердце: кто достойнѣе тебя предводительствовать нами; мы готовы за тобою слѣдовать. Веди насъ.— Въ Iерусалимъ! въ Iерусалимъ! Богу такъ угодно! Блаженъ, чья рука возможетъ содѣйствовать знаменитому этому подвигу!

Внезапные, всеобщiе эти клики раздались и за центромъ стражи, охраняющей шатеръ, гдѣ было собранiе Совѣта; они повторились солдатами, которыхъ бездѣйствiе, болѣзни и влiянiе климата, начинали уже приводить въ уныние; выздоровленiе Ришарда, голоса ихъ полководцевъ, столько имъ извѣстные, раз-

даваясь изъ шатра, воспламенили ихъ восторгъ, и тысячи тысячь голосовъ повторили тѣ же клики: — Сіонъ! Сіонъ! Война, война невѣрнымъ! Сей же часъ, сей же часъ! Богъ того хощетъ! Богу такъ угодно!

Внѣшнія восклицанія умножили царствующій восторгъ подъ шатромъ Совѣта. Оставшіеся хладнокровными, опасались, по крайности на эту минуту, казаться равнодушнѣе другихъ. Только и слышно было о смѣломъ выступленіи въ Іерусалимъ, тотчасъ по прекращеніи перемирія, принятіи между тѣмъ нужныхъ мѣръ для продовольствія и дополненія арміи. Члены Совѣта разошлись. Всѣ присутствующіе въ немъ, казалось, были воспламенены одинакимъ рвеніемъ; но оно скоро потухло въ сердцахъ однихъ; и никогда по настоящему не возгоралось въ сердцахъ другихъ.

Въ числѣ послѣднихъ былъ Маркизъ Монтфератъ и Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ, вмѣстѣ вышедшіе изъ Совѣта, въ большомъ неудовольствіи и досадѣ на произшествіе того дня.

—Я всегда говорилъ тебѣ, сказалъ послѣдній, съ холодною насмѣшкою, столько ему свойственною, что Ришардъ выпутается изъ ничтожныхъ сѣтей тобой разставленныхъ ему, также легко и свободно, какъ левъ проскачетъ сквозь паутину. Ты видешъ, что ему стоитъ заговорить, и духомъ его движутся легкомысленные также легко, какъ вихрь разноситъ соломенныя былинки, развѣвая ихъ на всѣ стороны.

—Но когда вихрь утихнетъ, отвѣчалъ Конрадъ, то соломенныя былинки, которыми онъ кружилъ по воздуху, приникаютъ снова на землю.

—Но развѣ ты не видешь въ добавокъ, подхватилъ Тампліеръ, что если возобновленное это намѣреніе завоевать Іерусалимъ и уничтожится, приникнувъ къ землѣ; что если каждый изъ могущественныхъ этихъ владѣтелей и будетъ свободно дѣйствовать по внушеніямъ слабаго, ограниченнаго своего смысла, то Ришардъ не меньше будетъ Іерусалимскимъ Королемъ, по заключенному имъ союзу съ Султаномъ, при-

нявъ тѣ самыя условія, которые, по мнѣнію твоему, должны были возмутить его.

—Клянусь Магометомъ и Термаганомъ, воскликнулъ Конрадъ, не зная какъ приняться за клятвы Христіянъ, вышедшіе совсѣмъ изъ моды, какъ смѣешъ ты утверждать, чтобы надменный, Англійскій Король согласился совокупить кровь свою съ кровію языческаго Султана? Моя политика бросила этотъ составъ въ чашу, чтобы этотъ напитокъ произвелъ въ немъ омерзеніе; для насъ равно непріятно, мирнымъ ли договоромъ, или побѣдою онъ сдѣлается нашимъ властелиномъ.

—Твоя политика дурно разочла, и не умѣла разобрать Ришардовой; мнѣ извѣстны его намѣренія, по одному слову, которое шепнулъ мнѣ мимоходомъ Архіепископъ. А твоя выдумка на щетъ знамя? Она столькоже мало надѣлала шуму, сколько стоитъ вещь сама по себѣ, бывъ ни что иное какъ лоскутъ шелковой матеріи шитой золотомъ. Маркизъ Монтфератъ, твой умъ начинаетъ спотыкатся. Я не положусь уже на

твои тонкости и мѣры, а испытаю свое. Знаешь ли ты этихъ людей, которыхъ Сарацины называютъ Шарегитами?

—Безъ сомнѣнія; они всторженные, отчаянные изувѣры, жертвующіе своею жизнію для поддержанія своей религіи; родъ Музульманскихъ Тампліеровъ, съ тою только разницею, что ихъ ни что не можетъ удержать отъ исполненія даннаго ими обѣта.

—Шутки твои не у мѣста; знай, что одинъ изъ этихъ людей далъ обѣтъ умертвить этаго островитянина Монарха, какъ главнаго врага Музульманскаго закона.

— Какой онъ разсудительный язычникъ; да вознаградитъ его Магометъ за то желаннымъ имъ раемъ!

—Его задержалъ въ лагерѣ одинъ изъ моихъ щитоносцевъ; и въ сдѣланномъ ему мною допросѣ, онъ откровенно мнѣ признался въ своемъ обѣтѣ и рѣшимости своей.

—Богъ да проститъ тѣхъ, которые воспрепятствовали исполненію намѣренія этаго разсудительнаго Шарегита!

— Онѣ узникѣ мой; ему запрещено, какѣ ты можешѣ судить, всякое сообщенiе; но не разѣ случалось узникамѣ бѣжать изѣ темницы.

— Конечно: цѣпь не слишкомѣ крѣпко закованная, и колодникѣ ульнетѣ. Давно уже извѣстно, что одна лишѣ могила служитѣ крѣпкимѣ затворомѣ.

—Какѣ скоро онѣ освободится, то примется тотчасѣ за исполненiе своего намѣренья; потому что эти собаки одарены удивительнымѣ чутьемѣ, и разѣ попавшись на слѣдѣ добычи, не отстанутѣ не настигнувѣ ее.

— Довольно, Гросѣ-Мейстерѣ, остальное извѣстно; твоя политика обнаружена; она ужасна, но и обстоятельства необходимы.

— Я для того ихѣ обѣяснилѣ тебѣ, чтобѣ ты взялѣ свои мѣры, потому что взрывѣ будетѣ страшный, и не извѣстно, на кого Англичане устремятѣ свою ярость. Еще одна остановка. Одному изѣ пажей моихѣ извѣстно намѣренье Шарегиша: шутѣ этотѣ своеволенѣ и дерзокѣ, я хотѣлѣ бы его избавить-

ся, за тѣмъ что онъ хочетъ все изслѣдовать и видѣть собственными глазами, вмѣсто того чтобъ слѣпо вѣрить мнѣ; къ щастію, святой нашъ Орденъ даетъ мнѣ средства пособить этому неудобству. Или... на минуту! Такъ; Шарегипу можетъ попасться хорошій кинжалъ въ его темницѣ, и онъ вѣрно не замедлитъ воспользоваться имъ при первомъ разѣ, какъ пажъ принесетъ ему пищу.

— Это прикраситъ главное дѣло, сказалъ Конрадъ. Однакожъ....

—*Однакожъ* и *но*, возразилъ Тампліеръ, приличны однимъ глупцамъ. Мудрецъ не колеблется, и не отступаетъ; онъ предпринимаетъ, и совершаетъ.

Конецъ Второй Части.